

А. ЗИМКИН

У ИСТОКОВ
КОЛЫМЫ

Кр. Р2
А. ЗИМКИН

У истоков КОЛЫМЫ

ЗАПИСКИ ГЕОЛОГА

МАГАДАНСКОЕ

КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963

335915-1081
7

Рисунок на обложке и заставка
Д. А. БРЮХАНОВА

ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО БУХТЫ НАГАЕВА

По широкому светлому коридору Института цветных металлов размахисто шагал высокий человек с крупными чертами лица, одетый в дорогой серый костюм. У книжного киоска его внимание привлекла витрина, и он остановился, рассматривая новинки.

— Это Вознесенский, колымский геолог. Возглавляет группу дальстроевцев, обрабатывающих материалы экспедиции Цареградского, — показал на него приятель. — Ты, может быть, слышал, что по постановлению правительства все геологические экспедиции, работающие в Охотско-Колымском крае, и все колымские предприятия переданы года полтора тому назад новому тресту «Дальстрой». Из нашего института туда попало несколько человек во главе с Билибиным. Думали поехать на полтора-два летних сезона, да и застряли там. Не увольняют. Не то чтобы по-плохому не пускают. Нет. Просят чество, платят прекрасно, дают длительные командировки в центр для обработки

собранных материалов. Отпуска у них какие-то немислимые, чуть не десять месяцев за каждые проработанные на Колыме три года. Но все-таки они, конечно, на привязи. Не отпускают — и баста. Острая нехватка специалистов. Впрочем, их сейчас нигде не хватает. Ты, помнится, мечтал о многолетней экспедиции в Центральную Азию, в Монголию. Геологи Дальстрой нужны. Мало того, им дано право отзывать специалистов из любого учреждения, лишь бы человек выразил желание поехать на Колыму. Если хочешь узнать подробности, могу познакомить тебя с Дмитрием Владимировичем.

— Пойдем, познакомь!

Через минуту я был представлен Вознесенскому как человек, рвущийся в далекую экспедицию.

— Нам геологи нужны позарез, — резюмировал Дмитрий Владимирович, расспросив о моем стаже и коротко рассказав об условиях работы на Колыме. — Подавайте заявление в московское представительство Дальстроя.

Я послал свои документы в Дальстрой и очень быстро получил извещение, что мне надлежит 8 мая прибыть в Москву для заключения договора и отправления к месту работ.

Еще студентом я работал на Кавказе, Южном Урале, на Памире, и путешествовать было мне не в диковинку. Но все мои путешествия продолжались самое большее пять-шесть месяцев, а теперь надо уехать на три долгих года за Полярный круг, куда-то к полюсу холода. Впрочем, перспектива заманчивого путешествия все время поддерживала радостное возбуждение.

Седьмого мая уехал в Москву. В Лубя́нском пассаже, где помещалось представительство Дальстроя, получил направление в гостиницу. На другой день оформили договор, дали билет на поезд и фактуру на получение дорожных продуктов.

Поезд, на который мне дали билет, оказался поездом особого назначения. В нем ехали только дальстроевцы. Это была шумная публика, главным образом молодежь. На Крайний Север направлялись люди самых разнообразных специальностей. С первых же

дней путешествия обратили на себя внимание шоферы, запасшиеся таким количеством напитков, что их смело хватило бы не только до Владивостока, но даже для путешествия вокруг света.

Для многих поездка на Колыму явилась первым большим путешествием. Все липли к окнам, чтобы познакомиться с мелькающими видами, новыми ландшафтами. И лишь за Уралом, когда началась скучная Западно-Сибирская равнина, внимание пассажиров переключалось на людей, возвращающихся на Крайний Север из отпуска. В поезде их было немного. Они с восхищением говорили о специалистах, руководящих работами на Колыме, о ее громадных богатствах.

Услышанное приукрашивалось собственной фантазией. Никто не имел представления о крае, в который ехали. Единичные исследования ссыльных революционеров Богораза-Тана и Иохельсона, касающиеся главным образом быта и языка народностей Крайнего Северо-Востока Азии, не могли быть известными широкой публике. Работы о геологических исследованиях Черского, Богдановича, Казанского, Полевого можно было найти лишь в библиотеках Москвы или Ленинграда. Единственным пособием по исследованию края была небольшая книжка С. В. Обручева, выпущенная в 1933 году. В ней очень кратко излагались материалы его собственных геологических наблюдений по маршрутным пересечениям от Алдана до Колымы и главнейшие результаты исследований геологов, ранее посетивших Северо-Восток. Карта, приложенная к этой книге, с неточно нанесенными на ней главными реками, была единственной картой края, почти равного по величине Индии.

Условия жизни на Северо-Востоке нам рисовались по рассказам Джека Лондона об Аляске. Представление о романтичности работы в неисследованном крае подкреплялось далеким и необычным путешествием через всю Азию и еще два моря — Японское и Охотское.

Дня через два после Красноярска поезд подошел к Байкалу. «Священным морем» любовались, когда поезд выныривал из многочисленных туннелей.

...Во Владивосток приехали ночью. Только утром пришли грузовые машины и увезли дальстроевцев с привокзальной площади на окраину города, в Гнилой Угол, в палаточный городок. Уже само название говорило за себя. Это была холмистая местность, почти целиком занятая огородами, возделываемыми китайцами и корейцами; местность сырая, болотистая, в полкилометре от конечной трамвайной остановки. На единственной сравнительно ровной площадке стояли в три ряда палатки. В каждой такой палатке размещалось по двадцать человек. Здесь предстояло прожить несколько недель в ожидании парохода. Лишь часть шоферов, в которых на Колыме ощущалась большая нехватка, и специалисты, имеющие особое значение, отправлялись вне очереди, первым пароходом, идущим из-за появившихся льдов особым маршрутом: через Японское море до Хакодате, по Великому океану вдоль Курильских островов и затем уже по Охотскому морю.

Кажется, нигде в Советском Союзе нет города с таким красивым сочетанием бухты и гор, как во Владивостоке. Но приезжих из России он больше всего удивлял своим необычным населением, в значительной степени корейским и китайским. На улице иногда можно было видеть и хорошо одетых, солидно себя держащих японцев, сотрудников консульства, расположенного на одной из центральных улиц. Очень много было китайцев. Китайский базар, китайские бани, прачечные, парикмахерские, китайский театр, китайские джонки в бухте и китайские носильщики на вокзале, китайские фокусники на рынке. Город казался наполовину иностранным. Любопытное зрелище представлял собой китайский рынок. Он помещался вблизи центра, занимая громадное двухэтажное помещение, протянувшееся на целый квартал, с крытым проходом посередине, своего рода торговые ряды с множеством потайных комнат и коридорчиков, известных только хозяевам. Здесь скрывались запрещенные опиумокурильни и, вероятно, еще многое из запрещенного.

Очень занятным был китайский театр. Маски артистов были столь выразительными, что каждому зри-

телю был ясен смысл происходящего на сцене. Театр представлял собой не очень большой зал, насквозь пропахший чесноком и кунжутным маслом, запахи которых были настолько сильными, что и привычных людей от них мутило. Сидели на скамьях не раздеваясь, дверь в зал не запиралась, и публика входила и выходила по своему желанию во всякое время. Тут же щелкали семечки и вообще держали себя довольно свободно, так что громкие, даже визгливые голоса артистов были вполне уместны в таком шумном зрительном зале.

Во Владивостоке мы прожили три недели в ожидании благоприятных сведений о ледовой обстановке в северной части Охотского моря.

На 12 июня объявили долгожданную посадку на пароход «Смоленск».

После семи суток плавания поздно вечером вошли в бухту Нагаева. Вот она — обещанная земля дальстроевцев. Кажется, только бы радоваться. Но никто не радуется. Неприветливые берега бухты никого не веселят. Для каждого завтрашний день явится рубежом, началом новой жизни. Кончилось беззаботное путешествие, когда будущее рисовалось в далекой перспективе и трудности воспринимались чаще всего с их комической стороны. Как-то будет житья на этой незнакомой земле, в зеленой таежной пустыне. Радостный ажиотаж, владевший большинством дальстроевцев во все время путешествия, вдруг исчез, вместо обычных шуток начались серьезные разговоры о будущей работе.

МАГАДАН

Утром с борта парохода пассажиры увидели перед собой небольшой поселок на берегу бухты — Нагаево. Прежде всего бросились в глаза самые большие сооружения — склады. Кроме них виднелось еще около двадцати бревенчатых зданий, школа, больница, отделение связи, общежитие, магазины, баня, хлебопекарня, какие-то конторы. Единственный двухэтажный дом занимал Совторгфлот. По лесистому склону уа-

ла, отделяющему порт Нагаево от Магадана, в беспорядке рассыпалось еще несколько домишек.

Причалов тогда еще не было, пароходы останавливались среди бухты, примерно в километре от берега. Выгружались сначала в кунгасы, которые катер подтаскивал к дощатому настилу у берега, а уж из кунгасов на берег.

Отсюда шла дорога в Магадан. То, что называлось Магаданом, представляло собой несколько десятков домов и палаток, разбросанных на большом расстоянии друг от друга в сильно разреженном беспорядочной порубкой лесу. Добраивалась бревенчатая одноэтажная гостиница. Возле первого магазина возникал крупный, как тогда казалось магаданцам, жилищный массив — ставились восемь двухэтажных щитовых домов, присланных из Ленинграда.

Управление Дальстроя помещалось в длинном одноэтажном бараке, разгороженном фанерой на крохотные комнатки. В узком коридорчике едва можно было разойтись.

Главной магистралью Магадана было Колымское шоссе. Теперь этот отрезок превратился в широкий красивый проспект Ленина. Шоссе было окаймлено с обеих сторон довольно глубокими кюветами и служило не только для езды, но являлось и пешеходной дорогой. Когда шли встречные машины, пешеходы прыгали через кюветы в лес, окружавший шоссе.

Столовая помещалась в только что отстроенном доме у берега Магаданки, должно быть специально поближе к питьевой воде. Перед обедом в обязательном порядке каждый столующийся выпивал стакан коричневого настоя из хвои стланика — профилактическая мера против цинги.

В ожидании отъезда на прииски мы слонялись по поселку. Ходили пешком к устью речки Магаданки, где бригада рыбаков предлагала бесплатно брать у них горбушу. Приезжих поражало обилие икры и рыбы: свежей, соленой, копченой. В первые дни многие с жадностью закупали ее, пока не убедились в абсурдности таких продуктовых заготовок.

В начале июля организовали наконец караван для переброски шестидесяти инженерно-технических ра-

ботников на прииски. Транспорта не было, и все шло пешком. Багаж брался в количестве двадцати килограммов на человека, включая сюда и вес чемодана. Пришлось сдать на склад свой выюк, наполненный книгами. Но несколько книг я решил унести на собственной спине. Это были книжки любимых поэтов и несколько специальных учебников, необходимых начинающему геологу.

За день до отправки каравана будущие приисковые работники были собраны в большой палатке, которая представляла в то время самый большой зал Магадана. Перед нами выступил начальник Дальстроя — полный человек лет пятидесяти с энергичным и умным лицом. С акцентом, изобличавшим в нем латыша или эстонца, он говорил о новых идеях, положенных в основу отношений с местными народностями. Настойчиво подчеркивал, что нельзя допускать никакого пренебрежения к обычаям и нравам местного населения. Особенно строго нужно следить за тем, чтобы не трогать имущество, оставленное в тайге якутами и эвенками.

Люди, приехавшие из Европейской России, не сразу перестраивались на непривычные для них представления о «брошенном в тайге имуществе», не сразу могли почувствовать глубоко практическое значение соблюдения щепетильной честности в таежных условиях, а также понять недопустимость пожаров, лишаящих местное население охотничьих угодий и оленьих запасов.

Последнее было важно и для наших геологических и топографических партий, для разведочных районов, переброска грузов в которые производилась в первые годы только на оленях.

Отзываясь о якутах и эвенках как о прекрасных людях, Берзин призывал с полным уважением относиться к их обычаям, не задевать их самолюбия, не кичиться перед ними своей образованностью, а помогать им сделаться культурными людьми.

Самой оригинальной оказалась та часть речи, где начальник Дальстроя говорил о заключенных. В лагере старались перевоспитывать заключенных трудом. В связи с этим широко была развита поощрительная

система для хорошо работающих заключенных. Мало того, как правило, высококвалифицированные специалисты из заключенных работали по своей специальности.

— Помните, — говорил начальник Дальстроя, — что мы должны прежде всего помочь человеку исправиться.

Пройдет срок отбывания наказания, и заключенный будет полноправным вашим товарищем.

Речь начальника Дальстроя понравилась всей аудитории своей высокой гуманностью.

В активе этого человека была стройка Вишерского бумажного комбината, а еще в более отдаленном прошлом он был командиром артиллерийского дивизиона бригады латышских стрелков, охранявших в 1919 году Ленина. Берзин сыграл важнейшую роль при раскрытии заговора Локкарта. Революционная деятельность Берзина в годы гражданской войны окружала его романтической дымкой и вызывала почтительное отношение дальстроевцев.

Сам он же, словно забыв о своих заслугах перед революцией, был очень скромным человеком и от своих товарищей отличался разве только присущим ему исключительным энтузиазмом, с которым брался за любое дело...

● ПЕРВАЯ НОЧЬ В ТАЙГЕ

Итак, надо готовиться к походу.

В чемодан весом в двадцать килограммов вошло все мое несложное хозяйство: белье, простенький шевиотовый костюм, шапка, свитер, шерстяные носки, легкое одеяло. Жаль было расставаться с книгами.

Но почему же расставаться? Конечно, все не утащишь: ведь их целый выучный ящик, но самые любимые и необходимые для работы надо взять. Рюкзак, на дне которого лежали выданные деликатесы, пополнился двумя десятками книг, сделавших его пухлым и достаточно тяжелым, если нести на собственном горбу несколько сот километров. Тяжелым, по понятиям человека, всегда работавшего в геологических пар-

тиях на лошадях. Мы еще не представляли, что значит ходить «с сидором», путешествовать с вьюком на спине, как делали золотоискатели Восточной Сибири. Поэтому такой большой и тяжелый рюкзак, который был только у меня, вызывал в пути удивление и добродушные насмешки товарищей.

— Хочется же чудачу тащить на себе книги, да еще «Фауста» и стихи Блока...

Отправление было назначено в двенадцать часов, но грузовые автомобили для нас были поданы только после обеда.

Около трех часов мы тряслись по недостроенному шоссе, еще не закрепленному полотном. Грузовые автомобили доставили нас в дорожное прорабство — на обрывистом берегу небольшой речки. Руководитель каравана не считал возможным ночевать в прорабстве, рядом с работавшими здесь уголовниками. Растянувшись длинной колонной, мы по тропинке пошли в тайгу, придерживаясь просеки, намечающей трассу будущего шоссе.

Первая ночь в тайге была теплой, но спалось не совсем хорошо. Донимали комары, забиравшиеся и под одеяло.

Утром встали рано для нового похода, с этого дня уже пешеходного. С завистью мы смотрели на конюхов, у которых зеленые сетки, закрепленные на шляпе, спускались до пояса, скрывая даже руки. У нас же небольшие квадраты белого тюля прикрывали только лицо, шея оставалась открытой. Тюля не хватало для настоящих накомарников. Поэтому шею старались закрыть воротником пиджака или перевязать полотенцем.

Все с восхищением смотрели на одного колымского геолога, еще молодого человека, бесстрашно выставившего на съедение комарам не только лицо, но и руки — он шел в рубашке с засученными по локоть рукавами.

— Привычка, — говорил он.

Нашлись подражатели:

— И нам привыкать надо, — говорили они, но быстро прекращали эксперимент, отложив его на будущее. Да и геройски ведший себя геолог впоследствии

ствии, когда уж очень навалился комар, начал принимать меры защиты — перестал засучивать рукава рубашки, а шею прикрыл длинным, как у конюхов, накомарником из черного тюля.

В походе люди быстро узнают друг друга. Через два-три дня образовались группы, объединившиеся по самым различным признакам: взаимной симпатии, профессии, месту назначения, землячеству. Начальник колонны — москвич, бывший директор небольшой бумажной фабрики, совершенно растерялся в новой для него обстановке. Двое других из руководящей тройки — геологи, только что кончившие Московскую горную академию, парттысячники, люди с большим партийным стажем, бывшие ответственные работники, направленные в Московскую горную академию по партийной мобилизации в конце двадцатых годов. Один из парттысячников — Шабарин — бывший комиссар дивизии, воевавший против Колчака, человек властный, по-военному решительный, был колонновожатым. Неторопливым шагом он шел впереди всех, отапливая колонну после сорока пяти минут ходьбы на пятнадцатиминутный отдых. Только группа старых колымчан сочла унизительным подчиниться какому-то новичку, «чечако», и шла как ей вздумается, держа связь с конюхами, тоже таежными волками со стажем. Они примыкали к основной группе лишь на ночлегах.

На третий день пути одно происшествие расстроило привычный порядок. Где-то в стороне, но недалеко от колонны, раздались выстрелы, перешедшие в длительную пальбу. Оказывается, группа старых колымчан увидела медведицу и открыла по ней огонь. На выстрелы быстро подошла вся колонна. Большое количество людей и стрельба из многих ружей напугали медведицу настолько, что она, как это редко бывает, бросила своих детей, и двое медвежат, спасаясь от людей, залезли на высокую толстую лиственницу. Когда подошла вся колонна, медвежата уже еле виднелись среди ветвей.

— Осторожно. Медведица может броситься на нас, — произнес кто-то.

Но присутствие шестидесяти человек, очевидно,

внушило медведице такой страх, что он пересилил ее материнскую нежность.

— А хорошо бы, ребята, достать медвежат да приручить их.

— Где ты их воспитаешь, когда мы в походе?

— В прорабство надо отдать, тут всего до него три километра осталось.

— Ты сначала достань их, а потом отдавай! Вот я полезу, достану и что хочу, то с ними и сделаю, — говорил плечистый молодой парень, на голову выше всех окружающих, с жестким блеском в голубых, глубоко посаженных глазах.

Взяв нож, он полез на дерево. Медвежата, спасаясь от него, полезли на самую вершину лиственницы. Все, задрав головы, следили за охотой. Боясь, что вершина дерева не выдержит его тяжести, парень, обхватив ногами ствол, могучими руками тряс вершину. Один медвежонок начал спускаться вниз по стволу. Схватив его за загривок, Гена Русеев, так звали парня, спустил его ниже себя. Медвежонок продолжал сползать вниз по дереву, но, увидев под собой толпу людей, полез опять наверх. Он очутился между двух огней — охотником наверху и толпой внизу. Со страху медвежонок все время жалобно скулил, плакал почти по-ребячьи. Второй оказался упорнее и, когда Гене Русееву удалось схватить его, укусил ему руку. От боли Русеев отдернул руку, выпустил медвежонка, и тот с глухим стоном упал поблизости от дерева и лежал неподвижно, по-видимому больше от страха, так как упал на толстый слой мха и не мог расширяться.

Спускаясь, Русеев гнал вниз по дереву первого медвежонка, упорно пытавшегося прорваться вверх. На высоте двух метров его подхватили люди:

— Не надо убивать!

— Отдадим дорожникам, пусть живут!

— Жалко таких маленьких убивать.

Но спрыгнувший с дерева Гена молча вытащил длинный охотничий нож, и никто не успел опомниться, как он воткнул его сначала в горло одному, потом другому медвежонку.

— Что ты сделал, зверюга!

— Как у тебя совести хватает, негодяй, резать щенков?! Давайте, товарищи, пожалуемся начальнику! Но начальника поблизости не оказалось.

— Я их поймал и делаю с ними, что хочу, а я хочу пожрать медвежатины. У этих щенков мясо, как у поросенка. Никакой начальник не имеет права у меня отнять мои охотничьи трофеи. Поймайте сами и отдавайте кому угодно.

Гена связал ноги медвежатам, отыскал толстую палку, продел ее между ногами медвежат и с одним из своих однобригадников понес их в прорабство.

После происшествия с медвежатами была объявлена дневка: многие стерли ноги, люди устали за три дня нашего похода.

В караване были три женщины. Их берегли, за ними ухаживали. Не обошлось без романтических происшествий и в этом путешествии. Высокая красивая блондинка, жена одного из горных техников, через неделю после выхода из Магадана разочаровалась в своем муже и в конце путешествия ушла к одному из горных инженеров, показавшемуся ей более достойным спутником жизни.

Шумная мужская компания не прочь была иногда подшутить над своими товарищами. Один из топографов показал фотографию своей жены, очень красивой молодой женщины. И зачем только он сделал это! Сейчас же посыпались насмешливые замечания:

— Такая женщина не останется без утешителя. Какой же ты дурак, что оставил ее одну, да еще высылаешь столько денег.

— Высылай, высылай, там ей и на себя и на дружка хватит. Ты тут комаров кормить будешь, цинговать, а она, брат, свое не упустит.

— Не дура, видно, дамочка. Говоришь, уговорила ехать тебя одного, чтобы дочку не оставлять без присмотра. Ну, дочка ей не мешает, будь уверен, скучать она не будет!

Даже начальник каравана с сожалением заметил, что топограф поступил безусловно рискованно. Беднягу так расстроили, что он сначала покраснел, потом начал отругиваться. В конце концов довели чуть не до слез, и самое скверное — посеяли тревогу в его сердце.

Через месяц я встретил его в разведрайоне. Это был мрачно настроенный человек, почти не сомневавшийся в крушении своей семьи.

Все мы впервые попали в сибирскую северную тайгу и с любопытством всматривались в нее. Реденький лиственный лес покрывал склоны гор, отнюдь не величественных. Под лиственными лежал бледно-зеленый мох. Только в долинах рек лес густой, встречались тополя, различный кустарник, образующий иногда настоящие джунгли, сквозь которые трудно было продаться. Изредка, на высоте роста человека, встречались объединенные верхушки кустов тальника — это значит, здесь был сохатый, любящий лакомиться свежими побегами. В тополевых рощах много красной смородины, или кислицы, как ее называют в Сибири, и колючих кустов шиповника. Темная зелень на склонах, обычно покрытых светлым ягелем, обозначала заросли стланика — карликового кедра.

Путь каравана лежал по долинам рек, пересекающих Колымское нагорье. Абсолютные высоты здесь достигали тысячи восьмисот метров, относительные редко превышали пятьсот. Типичная среднегорная страна с унылым рельефом. Все сопки сложены то зеленоватыми эффузивами, то темно-серыми песчаниками и черными глинистыми сланцами. Преобладающий тон верхней части сопок, поднимавшихся выше границы леса, серый. И только там, где они покрывались ягелем, появлялись радующие глаз зеленовато-желтые пятна. Ниже шла темно-зеленая лиственный тайга. Все очень однообразно, сурово и на первый взгляд безжизненно. Комары и тяжелая ходьба, когда ноги увязают во мху или, что еще хуже, в болоте, способствовали мрачному восприятию окружающей природы.

В начале пути тропинка иногда совпадала с трассой строящейся дороги, которая обозначалась разрытой полоской или кюветами. Только дважды на двухсоткилометровом пути каравану повстречались люди. В первый раз это были работники приисков, едущие в Магадан. Среди них была одна женщина — геолог, взгромоздившаяся на седло, через которое перевешивались две большие сумы, очевидно, с постелями путешественников.

На другой день опять повстречались всадники, на этот раз едущие в сторону приисков. Их было трое. Один из всадников, обросший рыжеватой бородой, был одет в сильно потертую и выцветшую синюю робу с многочисленными карманами, два других — свежесбритые, подтянутые, в полувоенной одежде, с кобурами на боку и с кавалерийскими карабинами за плечами. Ехали налегке, постели и продукты, очевидно, везли сзади на других конях.

Что это за привилегированные люди? Почему они гарцуют на конях, а мы, специалисты, идем пешком?

Вечером я зашел в палатку старых колымчан, и, когда разговор зашел о встреченных сегодня всадниках, геолог Каузов шутливо посмеялся над нашей завистью:

— Я бы не завидовал и вам не советую, особенно бородатому всаднику. Это один из хищников-старателей, приехавших в 1923 году из Аляски на Охотское побережье, на Аян, в поисках золота.

— Из Аянской корпорации? — спросил я. — Представьте себе, что в прошлом году на Памире, в геологической партии, работал один из Аянской корпорации. Русский по происхождению. Кажется, матросом торгового судна попал на Аляску, стал золотоискателем. Занимался у нас дроблением проб и их промывкой. Имя у него еще было необыкновенное — Африкан, а уж отчество мы ему сами придумали — Американович.

— Они в большинстве своем русские, — подтвердил Каузов. — На Аляске стараться невыгодно, все богатые участки отработали. Вот они и приехали на Охотское побережье. Между прочим, среди них были и настоящие американцы, например Хеттл, но тот еще в 1928 году, когда на Колыму приехала экспедиция Библина, поспешил убраться подобру-поздорову. А потом уехали и остальные, может быть, за исключением двух-трех человек, еще не успевших сдать припрятанное золото.

— То есть как не успевших сдать? Разве для этого так много нужно времени?

— Некоторые и полгода и год сдают, у кого какой характер и сколько упрямства. Работать они за зарплату не хотят, пуще всего боятся контроля. А золо-

тишко большинство из них имеет — на богатых россыпях работали. Чтобы выкачать противозаконно скрытое золото, их задерживали и сажали на хлеб и воду. Когда «рыцарю наживы» надоедало такое меню, он соглашался поехать в тайгу и показать спрятанный им клад — жестянку из-под консервов, наполненную золотым песком. Некоторые из них после второй и третьей отсидки соглашались указать второй и третий клад. Вероятно, одного из таких упрямцев вы сегодня и видели. После тщательной проверки им предоставляется право уехать на «материк», в Россию. Они — люди, болеющие золотом, один вид которого доставляет им чуть ли не чувственное удовольствие. Если хищнику посчастливится, пофартит, он откладывает и прячет сколько-нибудь золотого песочка, да так надежно, что и задушевный товарищ не знает, сколько и где у него спрятано.

Администрация «Союззолота» принимала, конечно, меры против утечки золота, но в глухой тайге, где не было ни одного милиционера, она могла только увещевать вольных, не признающих дисциплины старателей. Ну, а с Дальстроем шутки плохи, хочешь не хочешь, а приходится сдавать золотишко.

— Но ведь старателей, приехавших с Аляски, была горстка. По словам моего памирского знакомого, Африкана Американовича, их было не более двадцати, ну двадцати пяти человек. А остальные старатели откуда?

— Главным образом, из Восточной Сибири, — продолжал свои пояснения Каузов. — Школу золотоискательства они прошли на алданских и зейских приисках, многие старались в Охотском золотоносном районе. Работали небольшими артелями, а иногда и в одиночку. Никаких законов, если это было возможно, не признавали. «В тайге прокурор — медведь», — говорят хищники.

Законы у них были свои, неписанные, артельные, за нарушение которых — строгая кара. Волчья психология сочеталась в старателях с таежной политехничностью — они умели делать все необходимое в несложном таежном быту: выдолбить лоток для опробования речных наносов, сделать бутару, подвести воду к ней,

335915-1001

построить водяное колесо для дробилки, срубить избу, сложить из камней русскую печь, испечь хлеб, скроить и сшить сапоги и одежду.

На Алдане они чаще всего меняли районы своих работ в конце зимы, поэтому и звали их «февралями». Уложив свои пожитки на маленькие санки и впрягшись в лямку, «февраль» уходил в начале весны за многие сотни километров, стараясь пользоваться еле заметными нартовыми дорогами. По смелости, риску, находчивости это были достойные потомки землепроходцев-казаков. Были среди охотских старателей и авантюристы, пытавшиеся пешком, по берегу моря, уйти на Аляску. Нужно быть наивным человеком и очень плохо знать географию, чтобы решиться на такое путешествие. И действительно, почти никто из этих фантазеров не уходил дальше Пенжинской губы, настолько труднопроходимы и пустынные берега Охотского моря. А тех, кто уходил дальше, встречали рано или поздно пограничники.

— Сергей Владимирович, — обратился я к геологу Новикову (геологу, возглавлявшему группу старых колымчан), — а не можете ли вы вкратце рассказать нам историю открытия золота на Колыме. Я не спрашиваю о первооткрывателях: в большом деле это всегда сложный и запутанный вопрос.

— Почему же запутанный! Первое золото на Колыме найдено в бассейне реки Средникана старателями, и никто этого не оспаривает. Открыли они золото, можно сказать, ощупью, без планомерных поисков, тем более без геологических прогнозов. Да там до них и не было геологов. Впрочем, чуть ли не все золотоносные районы Сибири открыты старателями. Это и естественно. Кто первый начинает искать, тот чаще всего и находит. Открыть россыпь не ахти какая мудреная вещь, если в районе есть золото. И техника не очень сложная, всё делается с помощью кайла, лопаты и промывочного лотка. Конечно, если это неглубокие россыпи. С глубокими россыпями все обстоит значительно сложнее.

— Как же старатели попали на Колыму?

— Трамплином для них послужил Охотск, где в 1912 году возникла золотая лихорадка. Вообще-то зо-

лото на Охотском побережье известно давно. Еще в 1853 году агроном Ленже открыл золотоносные россыпи в бассейне реки Ульи. Как видите, тоже не геолог, а своего рода старатель, проспектор с высшим образованием. Но первую промышленную золотоносную россыпь на Охотском побережье нашел все-таки геолог. Это был знаменитый К. И. Богданович, знакомый вам по его курсу рудных месторождений. В 1895 году он обследовал побережье Охотского моря и в бассейне реки Лантарь установил промышленную, хотя и не крупную россыпь золота. Вот тогда понемногу и потянулись старатели к Охотску. В 1912 году они нашли хорошее золото в бассейне речки Кухтуй. Началась золотая лихорадка. В Охотск хлынули золотоискатели, в том числе и англо-американская Аянская корпорация. Надеясь открыть новые месторождения, часть старателей ушла по побережью дальше на север. Трое таких старателей — Сафи Шафигуллин, по прозвищу Бориска, Сафей Гайфуллин и Михаил Канов — решили попытать счастья на Колыме, но, не имея средств добраться туда, нанялись в 1914 году конюхами к приказчику купца Шустова, некоему Розенфельду. Розенфельд скупал на Колыме пушнину и тоже очень интересовался золотом. Добравшись до Колымы, Гайфуллин и Канов стали искать золото в бассейне реки Буюнды, ничего не нашли и возвратились в Охотск. Бориска же, после двух лет скитаний среди якутов, попал в бассейн Средникана и открыл там золото, но счастья не нашел. Умер, бедняга, в выкопанном им шурфе, с мешочком золота за поясом. Вероятно, от голода. Нашли его якуты зимой 1916 года. Во время войны и революции было не до золота, хотя слухи о находке Бориска дошли до Охотска. В 1922 году Сафей Гайфуллин рискнул опять пробраться на Колыму. На этот раз с ним пошел очень энергичный человек — Поликарпов. Они добрались до речки Средникан, и в 1926 году Поликарпову удалось зацепиться за богатое золото в устье ключа Безымянный. В 1927 году он подал заявку в Якутскую горнотехническую контору с просьбой закрепить за ним открытую золотоносную площадь и разрешить старательские работы. Разрешение было получено. Узнав о заявке Поликарпова, «Союззолото»

обратилось в геологический комитет с просьбой организовать Колымскую геологическую экспедицию, во главе которой был поставлен Ю. А. Билибин, тогда еще совсем молодой двадцатисемилетний геолог. Помощником у него был Царегородский, который сейчас возглавляет Верхнеколымскую экспедицию на Зырянке.

— А когда началась эксплуатация колымских россыпей?

— Официально с 1928 года, вернее сказать, с осени 1928 года, когда хозяином золотоносных площадей стало «Союззолото». По-настоящему первый план был выполнен в 1929 году, да и то лишь на двадцать процентов.

— Что же так плохо работали?

— Плохими хозяевами оказались представители «Союззолота». Все пустили на самотек. Добыча велась самыми примитивными средствами, поощрялось хищничество, выхватывание богатых участков. Золото застревало у старателей, пряталось в таежных тайниках.

— Ну, а инженерно-технический персонал почему терпел такую бесхозяйственность, почему не вмешивался? Ведь среди руководителей приисков были геологи?

— Руководители не были геологами. Мы, геологи, были сотрудниками экспедиций и к добыче металла не имели прямого отношения. Тем не менее именно мы два года тому назад поставили «Союззолото» в известность о полной бесхозяйственности его представителей на Колыме. Предложили «Союззолоту» внести в работу на Колыме больше плановости. И в 1930 году наконец были организованы работы не старательским, не хищническим способом, а хозяйским. Да и то в этой хозяйской бригаде работало всего шесть человек.

— А вообще-то много было народу на приисках?

— В 1928 году не больше тридцати старателей. Ну, а потом народ начал быстро прибывать. Спасибо АКО, что оно сдерживало толпу старателей в Охотске, а то бы тут много народу перемерло с голодухи.

— Что за организация АКО?

— Акционерное Камчатское общество. Советская торговая организация, занимавшаяся снабжением

Камчатки, всего Охотского побережья, Чукотки и Колымы. Там сидели думающие люди, вроде Лежавы-Мюрата.

— Сергей Владимирович, вот вы говорили о лишениях на Колыме в первые годы освоения. Ну, скажем, геологи ехали сознательно на эти лишения. Тут и романтика, и исключительные по новизне и интересу геологические материалы. А старатели чем вознаграждались за все эти трудности или рабочие экспедиции?

— Так ведь они не меньшие, скорее, даже большие романтики, чем мы. К тому же ставки рабочих были приличные.

...На восьмой день пути караван по крутой тропинке взобрался на Охотско-Колымский перевал и двинулся по широкой долине к поселку Эликчан — перевалочному пункту для зимних перевозов, перебрасывавших грузы из Магадана в приисковый район. Здесь мы расположились на длительный отдых в больших палатках, вольготно, широко расстелились на полу.

— Билибин страдает излишней академичностью, и это его главный недостаток, — говорили мне товарищи.

— Стране нужен металл, а не теории о происхождении россыпей.

— Пусть он сейчас укажет, где взять богатое золото, а не сулит журавля в небе, — упрекали другие.

Они повторяли мнение руководителей Дальстроя, обвинявших Билибина в излишнем теоретизировании. Только спустя три года всем, в том числе и руководству Дальстроя, стало понятно, что теоретизирование позволило Билибину представить исключительные по точности прогнозы золота на Колыме.

Через два дня наиболее активная половина каравана отправилась за сорок километров, на реку Хету, на сплавную базу Дальстроя, помогать плотникам готовить кунгасы к сплаву.

Вторая партия прибыла на сплавную базу через несколько дней. Проводник второй группы, дальстроевец, старый таежник, выйдя из Эликчана, потихоньку вытащил из кармана бутылку со спиртом, выпил, развеселился и решил проучить новичков: повел их без всякой тропы, стараясь как можно чаще бродить через речки, причем, не жалея себя, нарочно пересекал ре-

ку в глубоком месте, пока догадавшиеся новички не призвали его к порядку, обещая поколотить. Новички, да еще москвичи или ленинградцы, у таежников, проводивших всю свою жизнь в Восточной Сибири, считались почему-то неженками. Их загодя презирали, о них сочиняли анекдоты, которые, с прибавлением всяких смачных слов, рассказывались у ночных костров.

Таежники с важностью поучали приехавших, а всякое сомнение в своей непогрешимости встречали с нескрываемым презрением и насмешками. У них и в самом деле многому можно было поучиться, поэтому новички терпеливо сносили насмешки, беспрекословно слушались советов и первое время не различали, где в рассказах таежников кончается бывальщина и начинаются небывицы.

На сплавной базе, расположенной на небольшой речке Хете, к нашему приходу в заводи стояло десять затопленных, замоченных кунгасов, грузоподъемностью в полторы тонны каждый. Еще два дня прошло за откачиванием воды из кунгасов и их оснасткой.

К вечеру третьего дня кунгасы были загружены, можно было начинать сплав.

● ПОРОГИ

В отличие от очень опасного весеннего сплава летний сплав сравнительно нетруден, но имеет свои неприятные особенности — все пороги, весной залитые водой, летом обнажаются, и кунгасы должны лавировать среди множества камней, из которых каждый может пробить и потопить их.

На каждом кунгасе плыло пять — семь человек. Лоцманов, знающих пороги, было всего только трое, остальные были выделены из числа путешественников, имевших опыт сплава по рекам. На нашем кунгасе лоцманил один из топографов, четверо из команды сидели на веслах, и один оставался в резерве. На головном кунгасе плыл начальник каравана с лучшим лоцманом.

В первое же утро, выйдя на Хету, наши суда начали садиться на мель. Гребцы моментально соскаки-

вали в воду и сталкивали их на глубокое место, затем вскакивали в кунгас на ходу. В воду прыгали в одежде, в сапогах и потом, не обсушиваясь, брались за весла и усиленно гребли, чтобы согреться. Да и невозможно было обсушиваться — так часто кунгасы садились на мель.

На Малтане, в который впадает Хета, стало лучше, но и здесь легко было застрять на мелком перекате. Перед каждым перекатом лоцман зорко осматривал реку и, если не было необходимости отгребаться в какую-либо сторону, весело командовал: «Суши весла». Кунгас стремительно пронесся по перекату, и только в улове, в длинном участке тихого течения реки, гребцы, чтобы ускорить продвижение, снова налегали на весла. Первые полтора дня путешествия по спокойному Малтану протекали мирно. Но вот к вечеру второго дня кунгасы вышли в Бохапчу. И сразу же вдали послышался шум, все кунгасы сгрудились около левого берега. Лоцманы и начальство пошли смотреть первый порог Два медведя, чтобы прикинуть, как его безопаснее пройти. Страшно в первый раз плыть через пороги. Столько рассказов наслушались о них, что каждый человек, проехавший по порогам, представлялся необыкновенным храбрецом. Не будь этих рассказов, у наших путешественников не замирало бы сердце, когда они постепенно, на известном расстоянии друг от друга, выгребали на середину Бохапчи.

Голос у лоцмана зазвенел на высоких нотах, отдавая короткие приказы:

— Бей правой! Нажимай!

Шум падающей воды был совсем близко, где-то рядом за спиной гребцов, не видящих порога, и тогда послышалось еле слышное:

— Суши весла!

Когда гребцы увидели с боков кунгаса белую пену, они уже вместе со своим судном делали прыжок с метровой высоты. Пена перехлестнулась в кунгас, река вокруг словно кипела. Гребцы не успели даже испытать того большого страха, который они ожидали почувствовать на пороге. Были секунды сильного нервного напряжения, когда особенно четко работает мысль, быстро реагирует тело. Слово человек сжимается

в комок, в любую секунду готовый выпрямиться в решительном движении. В такие секунды нет страха, он бывает раньше или приходит позднее, во время мысленного переживания происшедшего.

Вновь послышалась команда:

— Бей!

Гребцы дружно заработали веслами, почувствовав в голосе лощмана веселые, успокоительные нотки. Позади себя они видели белый бурун, из которого только что выскочил их кунгас, и крупные валы воды, все еще с белой пеной на гребне, но уже не внушавшие страха.

Когда кунгасы подчалили к берегу, все поздравляли друг друга с первым боевым крещением. Пострадал только один кунгас, задевший левым бортом о камень (сломалась верхняя доска в обшивке), но это не считали за аварию. Страх перед порогами уменьшился, хотя бывалые колымские лощманы пугали тем, что настоящие-то пороги еще впереди.

Расположились на ночевку. Раскинули большую палатку, где устроилось человек тридцать; другие расположились в маленьких палатках или просто в наспех сделанных шалашах. Только заснули, как вдруг берега Бохачки огласились дикими воплями. Все вскочили, охотники схватились за ружья.

— Белобандиты, — высказал кто-то свое предположение.

Вскоре все выяснилось. Оказывается, два горняка из Донбасса решили устроиться подальше, метрах в ста — ста пятидесяти от общего лагеря. Они построили из веток шалашик, и уже в темноте, перед сном, один решил выйти. Только он сделал несколько шагов и обернулся, как увидел сзади шалаша поднимающегося на дыбы медведя. С воплем он бросился к лагерю, а его товарищ со страху прыгнул в Бохачку, на его счастье, у берега оказавшуюся мелкой.

Долго еще мы чертыхались в адрес потерпевших, но усталость взяла свое, и постепенно все снова уснули. Нервный шок у пострадавших был настолько силен, что и через месяц они боялись отойти в тайгу дальше чем за двести метров от жилья...

Вопреки предсказаниям бывалых лощманов, следующие пороги были пройдены благополучно, и страх,

владевший всеми перед первым порогом, постепенно исчез. Боялись только Трубы, или Михайловского порога. К нему подошли на четвертый день сплава. Решено было проводить кунгасы по одному. Наш кунгас был четвертым по счету.

— Ну, давай! — И по знаку лощмана гребцы взяли за весла.

Труба была длинным порогом, в несколько сот метров. Река здесь шла в узком ущелье, к счастью, прямо, но зато усеянном крупными валунами. Возле скалистых берегов торчали еще большие камни, чем в середине русла. Кунгас стремительно несся вниз по пенистой воде, лавируя между камнями; поминутно раздавались энергичные, но еле слышные в шуме порога выкрики лощмана, но команды: «Суши весла» так и не последовало.

Нужно было максимально быстро направлять кунгас в ту или другую сторону, и здесь труднейшая часть работы падала на рулевого (на лощмана), ударом кормового весла менявшего направление кунгаса. Это были также несколько минут усиленной работы веслами то с правого, то с левого борта, несколько минут лавирования между камнями в стремительном потоке. Два-три удара бортом о камни не повредили кунгаса, благополучно вырвавшегося наконец из Трубы в широкое тихое улово.

— Бей левой! — с сияющим лицом кричал лощман. Кунгас пристал к песчаной косе, к которой уже пришвартовались два ранее проскочивших порог суденышка.

Я пошел посмотреть, как проходят через Трубу остальные кунгасы. Десятиметровая узкая терраса тянулась по левому берегу ущелья. С нее я увидел быстро мчавшийся по порогу кунгас, нос которого то нырял в воду, то высоко поднимался. На носу стоял юноша богатырь с шестом в руке, в черной развевающейся шинели. Он отталкивался от камней шестом, рискуя в любую минуту свалиться в пенящийся поток. Но вот что-то случилось с их посудиною. Лощман, геолог Новиков, повис над водой на ручке кормового весла. Очевидно, он промахнулся и, задев воду только краешком весла, был отброшен в сторону по инерции. Кунгас по-

терял управление, его понесло на камень, крушение казалось неизбежным. Но прежде чем судно коснулось камня, на него прыгнул стоящий на носу юноша, оттолкнувший кунгас на середину потока. За эти несколько секунд лопман по веслу взобрался на корму, и рулевое весло заработало, направляя кунгас между камней. Через пять минут он был уже в заводи, и выпрыгнувшие на берег члены команды, усиленно жестикулируя, горячо обсуждали опасное происшествие.

Переход через Трубу кончился благополучно, без аварий. На другой день была объявлена дневка.

В пятидесяти метрах от берега Бохачи, ниже Трубы, нашли склад, вернее сказать, навес, под которым лежали мешки с мукой. Сторож, живший тут с весны, жаловался на медведей, растаскивающих мешки по тайге. Решено было помочь ему. Соорудили носилки, и на них перетащили разбросанные мешки муки под навес. Часть мешков была разбросана в сотне метров от склада.

К вечеру на одном из деревьев возле палатки начальника экспедиции появился приказ, в котором выражалась благодарность Русееву, спасшему кунгас, и Каузову — геологу, проводшему через порог поочередно два кунгаса.

После Трубы к порогам относились почти безразлично.

— Уж если Трубу миновали благополучно, то больше нечего бояться.

Тем не менее следующий порог — Дмитриевский — доставил нам большие неприятности. Он был широк и мелок, усеян по всей ширине потока множеством камней разной величины, большая часть которых была покрыта водой. Плохо видимые камни представляли главную опасность. На один из них сел наш кунгас. С большим трудом мы толкнули его с камня и подошли к берегу. Пришлось разгружать и ремонтировать судно. На этом кончились наши злоключения, связанные со сплавом.

Но впереди были приключения другого характера. На следующий день, недалеко от устья Бохачи на флагманском судне послышались выстрелы, затем оно пристало к широкой каменистой косе. Вскоре подплы-

ла и вся флотилия. Оказывается, стреляли по трем расхаживающим по косе медведям.

— Охотники, пойдемте поищем мишек!

Человек сорок, большинство без ружей и вообще без всякого оружия, беспечно направились в лес.

— Хоть топоры возьмите, ребята, а то медведь, ежели раненый, сам с вас спустит шкуру, — предупреждали опытные таежники.

Я остался в кунгасе и просматривал одну из взятых с собой книг. Вдруг, словно листья, поднятые ветром, из леса высыпали и веерообразно рассыпались по опушке кричащие люди. Потом часть из них снова бросилась в лес. Вскоре оттуда под руки вывели Шабарина, одного из охотников с флагманского кунгаса.

— Походили мы по лесу, — рассказывал после Шабарин, — нет медведей. Решили полакомиться голубикой. Я отдал свое ружье одному из товарищей и тоже стал искать ягоду. Захожу за один кустик, а там медведь лежит, раненый, лапу переднюю лижет. Увидел меня — и за мной. Вижу, что нагоняет, обернулся, а он встал на дыбы. Ударил я его по морде кулаком, и тут же сам упал, сбитый ударом лапы. Оседлал он меня, но я все-таки не растерялся и сунул ему кепку в рот. Он жевнул и выплюнул. Я успел сунуть в пасть как можно глубже руку — помню, что так полагается делать. Он начал жевать мою кисть. На мое счастье, передние лапы у него все-таки оказались ранеными и он не мог ими действовать, иначе мне бы конец. Товарищи все разбежались. Я им кричу, чтобы выручали, а они бросились врассыпную. Правда, скоро опомнились, и двое подбежали ко мне с ружьями. «Стреляйте!» — кричу я. А они боятся попасть в меня. К счастью, медведь при их приближении встал, чтобы броситься на них. Тут-то его и прикончили из двух ружей.

Шабарина перевязали и положили в кунгас. С медведя содрали шкуру, преподнесли ее Шабарину как охотничий трофей, а мясо по-братски разделили по всем кунгасам. Оно не показалось вкусным, может быть в силу существующего предрассудка ко всякой новой пище.

Приключение Шабарина было уже не смешным, медведь оказался серьезным зверем...

Выплыв на Колыму, мы связали кунгасы попарно и с песнями поплыли по широкой реке, где нечего было опасаться камней и перекатов. На двадцать четвертый день со времени выезда из Магадана колонна прибыла в поселок Средникан — резиденцию горного управления Дальстроя.

ПОЕЗДКА НА ГЕРБУ

Поселок на устье Средникана возник сначала как база «Союззолота». Состоял он всего из нескольких беспорядочно разбросанных бревенчатых домиков. Улиц не было — Средникан строился без какого-либо плана. Самым большим зданием была контора, где располагались служебные помещения геологов и администрация горного управления. Все было просто, по-домашнему. Геологическая партия со всеми своими сотрудниками и главным геологом Билибиным занимали не больше чем 40-метровую комнату. Такой же величины комнату занимала администрация горного управления. В красном углу комнаты администрации стоял стол начальника горного управления Пемова, к которому через день я и был вызван.

— Здравствуйте, здравствуйте! — добродушно приветствовал он меня. — Знаете, зачем я вас вызвал? Не знаете. Ну так вот, мы хотим дать вам ответственное поручение: поезжайте на Гербу и дайте заключение о золотоносности этой реки. Нам надо расширяться и в первую очередь освоить районы вдоль строящегося шоссе. Два дня вам дается на ознакомление с материалами, а потом поезжайте на стан Средникан и оттуда вместе с Лосевым, начальником Средниканского разведрайона, двинетесь на Гербу. Он человек опытный, покажет вам.

— Но ведь я, Абрам Наумович, никогда не занимался золотыми россыпями. Наверно, среди приисковых геологов есть люди опытнее меня. Я не справлюсь.

— Ничего, ничего, справитесь. Знакомьтесь с материалами по району и поезжайте. Все!

Через два дня я пришел на стан — поселок разве-

дочного района Средникан и познакомился с Лосевым, собиравшимся в отпуск. Михаил Афанасьевич был работником Дальстроя. Уроженец Восточной Сибири, он со школьных лет идеально владел промысловым лотком.

Как и полагается руководящему работнику «Союззолота», у него не было недостатка ни в охотничьем, ни в дорожном снаряжении. Зато я был совсем небогат. Выручил технорук разведрайона Васильев, предложивший на время путешествия свой таежный нож, ставший единственным моим оружием.

Выехали мы часов в десять утра. За хвост лосевского коня был привязан второй с вьюком, в котором лежала и моя постель. Вскоре нам пришлось задержаться и оказать срочную помощь конюху, ведущему с прииска завьюченных лошадей. Одна лошадь, с комками грязи на ногах, стояла привязанная к дереву, а две другие, с вьюками, тяжело дыша, пытались выбраться из болота, в котором они завязли по брюхо.

— Снимай вьюки, все равно кони с грузом не выберутся. Как тебя черти занесли в болото, объехать, что ли, не мог!

— Да я всегда тут ездил, Михаил Афанасьевич, а сейчас, видно, мерзлота глубоко подтаяла, — оправдывался конюх.

Когда сняли вьюки и седла, одна из лошадей отчаянными усилиями выкарабкалась из болота. Но вторая так глубоко погрузилась в жидкую грязь, что не могла поднять передних ног для прыжка. Пришлось срубить небольшие лиственницы, очистить их от сучков и запустить под брюхо лошади. Действуя ими, как рычагами, мы помогли лошади выбраться из болота.

Под вечер, отъехав километров тридцать от поселка, мы увидели заброшенное зимовье. Не доезжая метров пятьдесят до избытки, Лосев остановил коня и, передав мне поводья, крадучись подошел к зимовью, затем крикнул и постучал ружьем о бревенчатую стенку. Я с недоумением следил за всеми его действиями. Оказывается, в зимовья иногда забираются медведи.

— Подъезжай! — крикнул Лосев. — Все в порядке, тут и заночуем!

На другой день мы долго не могли найти одну из

лошадей. Две лошади были быстро обнаружены по звону ботала, но третья отбилась от них и куда-то ушла. Лосев с винчестером искал вниз по реке, а я — вверх по Средникану. Пробираясь в кустах, с замиранием сердца ловил лесные шорохи, всматривался в следы на росистой траве — боялся медведя, на нож надежда была плохая. Наконец издали послышались крики Лосева.

— Нашел!

Оказывается, третья лошадь, спасаясь от комаров, забралась в густой тальник и стояла там неподвижно. И пряталась лошадь всего в ста метрах от зимовья, а Лосев бегал искать чуть ли не за три километра и наткнулся на нее случайно, напрямик продираясь сквозь кусты к зимовью.

К вечеру второго дня мы были в шестидесяти километрах от стана Средникана, на Бертинском зимовье. Года четыре тому назад здесь жила бригада разведчиков, но золота на участке не нашли, и в зимовье остался только сторож. Он оказался добродушным на вид человеком. Трудно было узнать в нем одного из свирепейших махновцев, отказавшихся работать на прииске. Для него придумали работу по его вкусу — сторожить зимовье. Раз в месяц он отправлялся за пайком на прииск, за тридцать километров. Летом рыбачил, собирал ягоды, грибы, орехи; зимой силками промышлял куропаток и зайцев. И был относительно доволен, во всяком случае, не жаловался на судьбу, но на одиночество все-таки сетовал.

— Долго еще тебе быть на Колыме? — спросил его мой спутник. Махновец безнадежно махнул рукой.

Ужин из превосходно поджаренных мясных консервов, сдобренный стаканчиком спирта, подходил к концу, когда появились еще два таежника.

— Леонид Снятков, а это мой коллектор Королев. Ну, с Лосевым мы давно знакомы, он нам немало палок вставлял в наши геологические колеса, — пожимая руку, представился мне молодой человек лет двадцати трех.

Через десять минут мы разговаривали как старые знакомые. Снятков с увлечением рассказывал о стратиграфии района, демонстрировал найденную им

ископаемую фауну — окаменелости. И мы позабыли обо всем, пока нас не отрезвило замечание Лосева:

— Все игрушками занимаетесь. Вы бы лучше золото искали. Кому нужны ваши ракушки, а государству они, ох какие большие деньги стоят. Я вот неученый, а скорее вас золото найду.

— Тебе никогда не понять значения геологического изучения района, у тебя голова не так устроена, — горчился Снятков.

— Где уж нам понимать! А все-таки золото-то государству даю я, а не ты со своими ракушками. Ракушечник!

...Утром, когда мы садились на коней, геологи выходили в маршрут. Снятков по горному компасу вычислял время.

— Чего ты там колдуешь? — насмешливо спрашивал его Лосев. — Девять часов сейчас, мой мозер совершенно точен.

— Врет твой мозер, время без четверти девять. Твои часы точны, как архиерейские галоши. Можешь с легким сердцем выбросить их!

— Ну, ну, поосторожней! Тебе никогда не иметь и таких часов!

Лосев, взбешенный скептическим отношением к его мозеру, долго еще чертыхался по адресу Сняtkова. Пришлось рассказать ему об условности поясового времени и о том, с какой точностью определяется время по горному компасу.

В пути Михаил Афанасьевич наставлял, как надо ездить по таежным тропам, и, когда я на своей лошади пытался объезжать попадавшие на дороге лужи, он говорил:

— Никогда не объезжай, держи на середину, а то только лошадь портишь, она всегда будет жаться в сторону, к деревьям, и тебе же колено покалечит о дерево.

На третий день перевалили в бассейн реки Гербы, в район, назначенный для исследования. Ехали по корытообразной, с широким дном заболоченной долине ключа Июньского.

— Подходящая долина, должно быть тут золото! — утверждал Лосев. И рассказал анекдот о прииска-

телях. Пришли приискатели на ключ, форма долины показалась подходящей, по берегу речки много кварцевой гальки с серным колчеданом — «шкварца и камчадала», как называли их приискатели. «Есть тут золото!» — решает один. «А с чего бы тут ему не быть», — говорят другие. Правда, выражались они на много крепче.

Покопались в долинке — нет золота.

— А с чего бы ему тут быть-то! — заключили приискатели и пошли искать счастья в другом месте.

Лосева не обмануло чутье. Через шесть лет в долине этого ключа, где поисковики не нашли даже знаков, при детальной разведке было найдено хорошее золото.

Возле устья ключа Июньского, на месте современного большого поселка Стрелка стояли небольшой склад и полуразвалившаяся избушка, в которой жил кладовщик. Здесь мы могли рассчитывать на хороший прием и пополнение запасов: кладовщик был подчинен Лосеву. В зимовье уже два дня отдыхали приискатели — двое русских и кореец, одетый в свой национальный белый костюм, стянутый широким синим поясом. Это были последние вольные старатели, выбиравшиеся из колымской тайги, где теперь добыча золота велась только хозяйским способом. Старатели шли с большими заплечными мешками. Для увеличения емкости мешка двумя длинными согнутыми вдвое лозинками, схваченными поперечниками, ему придавался твердый остов. Такой мешок ложился во всю длину спины и был вместительнее любого рюкзака. Особенно велик сидор у корейца. И с таким व्यюком он рассчитывал пройти до Магадана триста километров в течение двух недель!

Старатели попросили продуктов. И Лосев, прочитав им лекцию о бережливости, велел кладовщику выдать.

На Стрелке стало ясно, что мы успеем обследовать только нижнее течение Гербы. Лосев очень торопился в Магадан. Обследование заключалось в том, что я на основании предыдущих исследований указывал на перспективные ключи, а Лосев брал лотковые пробы для подтверждения полученных ранее данных и по-

старательно заключал, подходящий или нет для накопления здесь золота участок долины, то есть оценивал морфологию долины с точки зрения россыпной золотоносности.

У устья Гербы мы наткнулись на заездок, перегородивший реку.

Жилье, значит, близко. Тут юрта должна быть, старик Амосов, якут, живет.

В ловушке плескалось много рыбы.

— Трогать нельзя, хозяева сами угостят.

Отъехав двести метров, увидели среди деревьев юрту. Кругом росла трава и было чисто, очевидно, у хозяев юрты не водилось скота.

Привязав коня, Лосев открыл обитую шкурой дверь и перешагнул через высокий порог. Сразу же в юрте послышался вскрик, что-то упало, и вскоре Лосев вышел из помещения.

— Придется подождать хозяина. Хозяйка эмирячит: только я вошел, она в меня запустила кружкой. По-русски не понимает ни слова.

До коллективизации, когда якуты жили отдельными семьями и на большом расстоянии друг от друга, уединенная жизнь вызывала у женщин особый вид легкого психического расстройств: при неожиданном появлении нового, тем более незнакомого лица, женщина приходила в возбуждение, хватала первую попавшую под руку вещь и бросала в человека. Через несколько секунд возбужденное состояние проходило и женщина вела себя нормально.

Хозяина пришлось ждать недолго.

Лосев на полурусском-полуякутском наречии объяснил ему, что мы из Средникана и очень хотим есть, что хорошо бы покушать рыбки, тем более, у нас есть спирт и мы в свою очередь можем угостить хозяев. Слово «спирт», видно, было знакомо и хозяйке, судя по тому, как энергично она взялась готовить обед. Когда вскоре пригласили к столу, я увидел на тарелке груды сваренных в чешуе хариусов — очевидно, хозяйка решила, что нам некогда ждать, и сварила рыбу неочищенной. Надо было руками брать за голову и хвост хариуса и зубами отди-
рывать мясо.

Выражение моего лица за столом не понравилось Лосеву.

— Не показывай, что ты брезгуешь! Ешь, привыкнешь! Хозяев обижать нельзя.

Пить спирт, к удивлению якутов, я отказался и вскоре вышел на свежий воздух.

...Обследование Гербы закончилось, и, переночевав в юрте, мы отправились в обратный путь.

Возвращаясь на Стрелку, чуть было не подожгли тайгу. Опробовали ключ Солнечный, а потом решили вскипятить на сухом мхе по кружке чая. Ягель вспыхнул как порох.

— Обгорит кружок, а дальше мы огонь не пустим.

Но задержать огонь оказалось нелегким делом — так быстро распространился он по ягелю. Пришлось пустить в ход намоченные в речке ватники и из опробовательского лотка полить горевшую площадку.

— К черту чай! Давай скорей уезжать от этого несчастливого места. Попробуем сегодня добраться до Стрелки, — ворчал Лосев.

Но такой, видно, выпал неудачный день. Уже ночью, в темноте, занесло нас в какое-то болото. Лошади вязли по брюхо, испуганно шарахаясь от глубоких мест. Слезли с коней, повели их в поводу, куда не попали на сухой островок величиной с комнату. Темно, о кусты легко выколоть глаза, идти надо на ощупь, с риском провалиться. И мы и лошади измучились. Решили остановиться на островке и дожидаться утра, чтобы выбраться из гиблого места. Голодным лошадям скормили весь оставшийся хлеб. Три часа до рассвета прошли незаметно под рассказы Лосева о его приключениях на Алдане...

...На заре выбрались из болота, отыскиали тропу и через два часа снова приехали к кладовщику на Стрелку. Теперь надо было сочинять заключение о золотоносности бассейна Гербы, что было уже всецело моим делом, так как Михаил Афанасьевич несилен был по письменной части. Но что можно написать после краткого и поверхностного знакомства с районом? Не лучше ли изложить взгляды изучавшего район два года тому назад опытного геолога? Так и было сделано. Мучительно подыскивая фразы для первого в мо-

ей практике заключения, с трудом сочинил две страницы беспомощного текста, под которым подписался и Лосев. Район, по нашему мнению, является перспективным; что, собственно, было известно и до нас.

С одним экземпляром заключения Лосев на другой день уехал в Магадан, другой я повез в Средникан. На этот раз ехал в одиночестве, без оружия, без карты, не забыв хорошенько дороги, всецело полагаясь на память коня. Тропинка местами совсем исчезала, и я, опустив поводья, предоставлял коню самому выбирать дорогу.

К вечеру я был уже в зимовье у старика махновца, обрадовавшегося мне как редкому в его глуши собеседнику.

На следующий день доехал до зимовья, около которого у нас терялась лошадь, и ночевал на этот раз вместе с работниками ОГПУ, перевозившими из Средникана в Магадан золото. С ними можно было чувствовать себя совсем спокойно: у зимовья был поставлен часовой. Утром я впервые видел, как грузили выюки с золотом. Оно было упаковано в миниатюрные крепко сколоченные деревянные ящики сантиметров сорок в длину и двадцать сантиметров в ширину и высоту. Издали казалось, что заседланные новенькими громоздкими седлами артиллерийского образца лошади идут пустыми, без груза.

СТАН РАЗВЕДРАЙОНА

Серое небо над тайгой, над горами. На стане тихо, все разошлись на работу. Возвратившемуся из дальней поездки можно и поспать подольше и за день привести себя в порядок. Докладную записку еще вчера, по приезде, сдал начальству.

Скучно! Сидеть в общежитии не хочется. Возбуждение от путешествия по тайге улеглось, наступила обычная жизнь. По правде сказать, мне не нравилась размеренная жизнь разведрайона. К тому же было неизвестно, чем придется заниматься в дальнейшем. Начальство тоже, видимо, не представляло себе, чем следует занять еще одного геолога.

Послonyaвшиcь немного по поселку, отправился обедать. Столовки в разведрайоне не было, холостяки столовались отдельными, человек в десять — пятнадцать, артелями у мамок. В один из таких коллективов был зачислен и я. Столующиеся передавали свои продуктовые карточки мамке, за исключением талонов на табак и спирт, давали ей деньги на продукты и определенную сумму за ее работу и освобождали себя на целый месяц от всякой заботы о хлебе насущном.

После обеда на улице ко мне подошел сидевший со мной за столом молодой паренек и таинственно сообщил, что в восемь вечера надо прийти на собрание в контору.

Придя вечером в контору раньше назначенного срока, я снова встретил молодого человека, оказавшегося начальником спецотдела. Мы разговорились. С полным убеждением в своей правоте он сообщил, что в Дальстрой отбираются только лучшие специалисты в Союзе. Как ни лестно было попасть в число «лучших специалистов», пришлось разубеждать начальника спецотдела, но, кажется, безуспешно.

Вскоре пришли начальник геологоразведочного бюро Шабарин, технорук района Васильев, начальник разведки Средниканского золоторудного месторождения Денисов и еще трое незнакомых мне лиц. Начальник спецотдела выгнал из конторы дневального, плотно запер двери и вполголоса объявил повестку дня. Разбирались второстепенные вопросы, но заседавшие, сидевшие кружком, наклонились вперед друг к другу и говорили по примеру начальника спецотдела шепотом. Наконец Шабарин выпрямился на стуле и удивленно спросил:

— А чего это мы разговариваем шепотом?

— Услышать могут за окном, — опять шепотом произнес начальник спецотдела.

— Ерунда какая! Никто не услышит, да и секретного в наших разговорах ничего нет.

Начальник спецотдела поморщился, но возражать не посмел. Начался нормальный разговор. Мне предложили жилу на правобережье реки и дать детальную, в пятидесяти- или даже двухтысячном масштабе, геологическую карту. И если бы не вмешательство

технорука Васильева, «лучшие в Союзе специалисты» заставили бы заняться абсурдной, из-за отсутствия топографической основы, работой,

Нужно было знакомиться с золотыми россыпями. В ближайшие дни Васильев и Шабарин взяли меня с собой на прииск «Геологический», расположенный в двенадцати километрах вверх по Средникану. Походили по шурфам, затем по открытым карьерам, в которых были вскрыты пласты золотоносных песков.

Начальник одного из участков, хвастаясь хорошим содержанием металла в забое, передал Шабарину, как заведующему геологоразведочным бюро, несколько мелких самородков.

На следующий день Шабарин предложил мне пойти познакомиться с россыпью на ключе Борискином, в шести километрах ниже по реке от стана Средникана. Место это знаменитое. Ведь именно здесь в 1916 году старателем Сафи Шафигуллиным впервые было открыто золото на Колыме. В честь его и ключ назван Борискиным. Торфа на Борискином оказались неглубокими, не выше двух метров. Золото содержалось в трещинах между плитками разрушенных с поверхности глинистых сланцев, слагающих плотик. На небольшом участке торфа были уже убраны, то есть свезены на тачках в отвалы.

Увидев незнакомое человека, Лапин, начальник участка, подошел ко мне и осведомился о цели прихода на участок. Узнав, что я геолог и интересуюсь россыпью, поверил на слово и любезно повел по участку, рассказывая о произведенных работах.

— Сейчас у нас разрабатывается участок с очень высоким содержанием металла, — говорил Лапин. — Много встречается мелких самородков. Пойдемте посмотрим.

За какие-нибудь десять — пятнадцать минут он наковырял несколько комочков с красновато-буровой пленкой-рубашкой, из-под которой просвечивал желтый металл.

— Возьмите для изучения характера, — предложил Лапин.

Равнодушно высыпав золото в боковой карманчик гимнастерки, я распрощался с Лапиным и пошел на

стан. По дороге зашел к начальнику рудной разведки геологу Денисову, продолжавшему начатое три года назад изучение Средниканской жилы. Денисов только еще знакомился с методикой разведки и со своим небольшим хозяйством, в котором все внимание сосредоточивалось на рудных пробах: нужно было правильно взять их, раздробить, правильно уменьшить — раскваторовать, тщательно следить за очищением ступок после каждой размельченной пробы. В его же обязанности входило прослеживание жилы по простиранию и установление в ней особенно богатых участков. Все Денисову еще было ново, незнакомо, он осторожно присматривался ко всему, вникая в работу, но пока не изменяя установленного ранее порядка.

Он сводил меня в штольню, показал забой, наиболее обогащенные золотом участки жилы.

В истории развития золотопромышленности на Колыме жила эта сыграла не менее важную роль, нежели открытие россыпи на Безымянном ключе. Но промышленное значение их обеих, как было установлено впоследствии, оказалось третьестепенным. Если открытие золота на Безымянном ключе вызвало приток старателей на Колыму, а потом и организацию здесь «Союззолотом» добычных работ, то заключение по Средниканской жиле послужило основанием для асигнования крупных сумм для развития горной промышленности в Колымском крае.

Денисов показал найденную в глинистых сланцах, вмещающих жилу, двустворку — отпечаток раковины монотиса, очень характерного для отложений верхнего отдела триасового периода. Впрочем, не определение ракушки заботило его. У него были дела поважнее.

— Золото ждут от Средниканской жилы — и большое золото. Перспективы такие развернули — ахнешь. А меня сомнения берут! — медлительно (человек он был неторопливый) говорил Андрей Дмитриевич. — Уже четвертый год как жила обнаружена. Казалось бы, пора иметь о ней исчерпывающие данные. В будущем году обещают закончить проект обогатительной фабрики производительностью в несколько десятков сотен тонн руды в год, а у нас еще точного плана жилы нет. Да и содержание золота в жиле не ахти какое.

Должно быть, при первоначальном опробовании попался обогащенный участок, ну сгоряча, от радости, содержание обогащенного участка и распространили на всю жилу. А теперь вот чем дальше бьем штольню, тем золота в жиле меньше.

История оценки промышленного значения Средниканского рудного месторождения является примером часто встречающихся в геологической практике ошибок, обусловленных, в первую очередь, недостаточно точными исходными данными, поверхностным, беглым изучением месторождения, а во-вторых, вполне законным желанием молодых энтузиастов дать стране как можно скорее золото, в котором она так нуждалась в то время. Не стоило бы вспоминать о неудаче лучших исследователей Северо-Востока, тогда еще очень молодых, только начинающих свою деятельность. Мало ли до них и после них делалось и делается ошибок и очень опытными людьми. Недаром говорят, что досконально рудное тело может быть изучено только после того, как оно будет окончательно выработано. Но ошибка руководителей первой Колымской экспедиции была под стать им — она была необыкновенной. Ошибочное заключение по Средниканскому рудному месторождению форсировало изучение Северо-Востока по меньшей мере лет на десять. Вот вкратце история этого поучительного по своим последствиям заблуждения.

СРЕДНИКАНСКАЯ ЖИЛА

Весной 1929 года внимание Юрия Александровича Билибина, начальника первой Колымской экспедиции, привлекла богатая проба золота, взятая разведчиком экспедиции Сергеем Дмитриевичем Раковским в левом борту реки Средникана в двух километрах ниже устья Безымянного. Из жилы выкололи крупные образцы-штуфы и передали их Валентину Александровичу Цареградскому.

Чтобы составить представление о масштабах золотосности края, первой Колымской экспедиции нужно было провести работы и в соседних со Средниканом районах. Поэтому Билибин вскоре уехал на Бохалчу

изучить территорию вдоль тропы, идущей с Охотского побережья на Колыму. Раковский, исследуя притоки Колымы между Тасканом и Средниканом, открыл в тот год новый перспективный район россыпной золотоносности — Утинку. Второй разведчик экспедиции — Эрнест Петрович Бертин — опробовал вершину Средникана.

Изучение геологического строения нижнего течения реки Средникан, где вели работы старатели, было поручено Цареградскому. Валентин Александрович проследил жилу по простиранию по обе стороны русла речки. Выяснил, что она тянется не менее чем на 1 800 метров. Взял еще несколько проб из наиболее оруденелых и окварцованных частей жилы. Пробы растолкли в ступе, оставили четвертую часть для химического анализа в Ленинграде, остальное промыли в лотке. Пробы дали богатейшее золото! Было от чего закружиться голове! Открытие крупного рудного месторождения обеспечивает проведение добычных работ на несколько десятков лет! Если учитывать только ту массу, тот объем жилы, что располагается над уровнем речки Средникан, так и то при установленном промывкой в лотке содержании месторождение явилось бы крупнейшим во всем Советском Союзе. Судя же по характеру оруденения, оно должно продолжаться далеко в глубину. Значит, общие запасы золота в месторождении могут увеличиться по крайней мере вдвое. Наконец, не исключается, что жила тянется не на 1 800 метров, а гораздо дальше, надо еще ее проследить.

Билибин получил эти благоприятные данные по жиле уже в Оле, куда после летних работ в тайге стянулись все отряды экспедиции, чтобы осенью отплыть на пароходе во Владивосток, а оттуда поездом отправиться в Ленинград. Естественно, что Юрий Александрович, предполагавший наличие громадного золотоносного пояса россыпей на Колыме, счел полученные результаты по Средниканской жиле подтверждением своих взглядов о широком распространении россыпной золотоносности на Колыме. Раз есть россыпи, то где-то должны быть и коренные его источники. Если же россыпное золото богатое, значит и рудные месторож-

дения золота должны быть значительными. Вывод казался логичным. Лаборатория пробирного анализа в Ленинграде подтвердила высокое содержание драгоценного металла в привезенных молодыми исследователями пробах. Все же осторожный Билибин при подсчете запасов сильно снизил среднее содержание, полагая, что пробы взяты из обогащенных участков. Он прекрасно знал, что геолога всегда притягивают к себе прежде всего обогащенные, так сказать, исключительные по содержанию участки. Если человек что-нибудь настойчиво и страстно ищет, то ясно, что он будет брать лучшие образцы найденного, да и, по наблюдениям Цареградского, середина жилы является менее оруденелой, чем краевые части.

— Если в качестве объекта мы возьмем лишь богатую часть жилы, составляющую примерно третью часть всего тоннажа, и, учитывая кустовое распределение золота, примем для нее содержание, в десять раз меньшее данного пробирным анализом, то получим ориентировочную цифру, вполне достаточную для проектирования геологоразведочных работ. Последние должны вестись с таким расчетом, чтобы к началу 1933 года дать данные для проектирования обогатительной фабрики и эксплуатационных работ на жиле. В 1933 и 1934 годах должен быть составлен проект, изготовлено оборудование, завезено в район и смонтировано, чтобы с начала 1935 года приступить к работе.

Вот какие доводы приводил Билибин для обоснования постановки работ на Средниканской жиле.

Одновременно он подсчитал количество рабочих, необходимых при полном развороте работ на фабрике и для дальнейшей разведки жилы — четыре с половиной тысячи человек.

Умудренные опытом консультанты Института цветных металлов оказались еще осторожнее. Они в свою очередь несколько снизили среднее содержание, подсчитанное Билибиным, но и в таком случае месторождение оставалось вполне заслуживающим внимания. Консультанты подтвердили мнение Билибина, что Колыма представляет крупный золотоносный район, достойный больших затрат на геологоразведочные работы. За установление нового промышленного района Институт

цветных металлов премировал Билибина, Цареградского, Раковского и Бертина. Премия явилась признанием заслуг молодых исследователей со стороны научных авторитетов.

Билибин настоял, чтобы в состав второй Колымской экспедиции, выезжавшей на Колыму весной 1930 года и опять на два летних сезона, была бы включена геологоразведочная партия для детального изучения Средниканской жилы. Экспедицию на этот раз возглавил Цареградский. Билибин оставался еще на год в Ленинграде.

Излагая свою точку зрения на перспективы развития Охотско-Колымского края, Билибин делал упор на россыпное золото. По отрывочным фактам он с исключительным проникновением и с характерным для его ума бесстрашием сделал очень далеко идущие выводы о наличии гигантской золотоносной зоны. Это был гениальный прогноз! Ведь в 1930 году не был полностью известен даже старый приисковый правобережный район, где начиналась золотая Колыма. Ничего не знали не только о Берелехе и Теньке, но еще не был открыт соседний с Средниканом Оротуканский район. Сведения о золоте и геологии бассейна верхнего течения Колымы и Индигирки были очень скудны и отрывочны. Нужен был орлиный взгляд крупного ученого, чтобы объединить немногие разрозненные факты в единую стройную картину.

— Золото связано по своему происхождению с гранитами и их производными — кварцевыми жилами и дайками. Необыкновенное постоянство геологических условий на Колыме, региональное развитие одной и той же свиты триасовых глинистых сланцев и прорывающих ее гранитов, сохраняющих один и тот же характер на протяжении сотен километров, позволяет нам ожидать развитие золотоносности в стороны от обследованного района на сотни километров. Частные сведения подтверждают такое предположение, — утверждал Билибин после первой же экспедиции.

Безусловно, последующее детальное изучение геологического строения края внесло много поправок в схему Билибина, но суть им была схвачена верно.

Столичным авторитетам широкая, многообещаю-

щая картина россыпной золотоносности, нарисованная в 1930 году молодым исследователем, казалась мало обоснованной, всего лишь предположением. А под предположение, да если оно исходит от молодого геолога, вкладывать большие средства, в которых в то время нуждались все отрасли народного хозяйства, было более чем рискованно, почти преступно. Другое дело — крупное рудное месторождение с большими запасами и хорошим содержанием. Тут дело верное, и затраченные средства быстро и с лихвой возместятся! И средства дали, но дали главным образом под Средниканскую жилу. Осенью 1931 года был организован государственный трест строительства Дальнего Севера.

Руководство Дальстроя очень осторожно относилось к прогнозам Билибина. На совещании в марте 1932 года главный инженер Дальстроя Эйшлин выступил с критикой в адрес главного геолога Колымы.

— Для оценки рудных месторождений, — говорил главный инженер, — очень желателен приезд какого-либо крупного специалиста из русских геологов вместе со специалистом-американцем. Они должны дать заключение о происхождении месторождений и благонадежности их на глубину. Во всяком случае, впредь до правильного опробования и производства хотя бы предварительных анализов руды трудно говорить о каких-либо крупных затратах для разработки рудного золота.

Конечно, и речи не может быть о намерениях специалистов ошибочно информировать высшие инстанции. Все произошло проще, естественнее и по самым благородным побуждениям. Виноваты были все и никто. Всех лиц, принимавших участие в оценке Средниканской жилы, обуревало желание как можно скорее дать столь необходимое стране золото, без которого так трудно было вести торговые операции с капиталистическим Западом, закупать оборудование для строек первой и второй пятилеток. Поэтому все легко поверили и не произвели полагающейся тщательной проверки исходных данных. К тому же, поди проверь, доберись до месторождения! В то время до него из Москвы надо было ехать два месяца; и то только в летнюю пору, на пароходе, пока не замерзло море.

Проверка требовала целого года, а время было так дорого и золото так нужно!

Первое заключение по Средниканской жиле пришлось давать на основании поисковых штучных проб — крупных образцов из встреченных на поверхности выходов жилы, так как разведки еще не производилось и в экспедиции не было на это ни рабочих рук, ни средств, ни времени. Пробы были случайные, брались, где понравится. А нравились, конечно, самые эффектные, наиболее оруденелые участки. Какой же первооткрыватель будет брать образцы для показа из обедненных участков? Это психологически невероятно. К тому же поверхность жилы была вскрыта в немногих местах и очень небольшими участками, так что невозможно было составить представление о распределении оруденения по всему телу жилы. Словом, пробы, взятые первой Колымской экспедицией, как выяснилось впоследствии, оказались непредставительными для месторождения.

А тут еще подвел пробирный анализ, необоснованно и очень сильно завысивший содержание золота в представленных на исследование пробах. Получилась ошибка в квадрате! Билибин всю жизнь не мог простить ни себе, ни своим помощникам этой ошибки. Вскоре, по возвращении на Колыму, получив в свое распоряжение новый фактический материал, хотя и небольшой, но систематически собранный разведчиками жилы, он дал меткую характеристику месторождения, к которой впоследствии присоединились и все изучавшие жилу геологи.

Однако надежды, связанные с месторождением, оказались настолько велики, что никто не решался закрыть разведку. Главное геологоразведочное управление при Совнаркоме предложило Цветметзолоту, ведавшему в 1931 году работами на Колыме, расширить разведочные работы. В центре уже намеревались послать на Средникан обогатительную фабрику. Вот почему так тяжело вздыхал Денисов. Ему предстояло сказать последнее решающее слово о месторождении. И он сказал это слово — в конце 1933 года разведка была закрыта. Так кончилась эпопея открытия первого золоторудного месторождения на Колыме.

Ну, а что случилось с отпущенными средствами, спросите вы.

Они нашли прекрасное применение и вскоре с лихвой были возмещены государству, так как прогноз Билибина о широком распространении россыпной золотеносности на Северо-Востоке оправдался полностью.

В 1932 году подвергалась сомнению и главнейшая часть прогноза Билибина: его представление о существовании гигантского пояса золотеносных россыпей на Северо-Востоке.

— Огромные капиталовложения, — доказывал Эй-длин, — обязывают нас иметь твердую базу. В настоящее время основанием для капиталовложений в горную промышленность Колымского края являются лишь доклады Билибина за 1929 и 1930 годы. Эти доклады базируются главным образом на личных впечатлениях и личной его уверенности в широком развитии крупных золотеносных россыпей в Колымо-Инди-гирском крае и только в малой степени подтверждаются геологопоисковыми данными.

Казалось, главный инженер был логичен в своих высказываниях, но руководство Дальстроя к тому времени располагало большим количеством пока еще не проверенных сведений о золотеносности многих рек Северного Востока. Это давало основание думать об открытии в ближайшее время районов более богатых, нежели те, на которые указывал Билибин.

В 1933 году, покидая Колыму, Билибин детализировал свое первоначальное заключение о россыпях, указав размеры добычи золота по годам на ближайшее десятилетие. Но долго же этому прогнозу пришлось ждать признания! Руководство Дальстроя поверило в него только в 1936 году, когда цифра добычи золота, указанная Билибиным на этот год, точно совпала с количеством добытого металла.

В этот год Дальстрой, вопреки ожиданиям его руководителей, вдвое перевыполнил план и достиг цифры, намеченной три года тому назад Билибиным.

Собирая сведения о золотеносных районах Колымы, руководство Дальстроя в первую очередь обратило внимание на материалы, полученные от Акционерного общества.

Письма среднеколымского казачьего пятидесятника Попова, пересланные АКО Дальстрою, держались в величайшей тайне. А между тем еще в 1929 году горные смотрители, работавшие на Средникане, предлагали Билибину и через него якутскому управлению «Союззолото» свои услуги по разведке месторождения, открытого Поповым. Правда, недоверчивый пятидесятник зашифровал свою находку, и никто не мог точно определить ее месторождение. Попов открыл свои «золотые» месторождения незадолго до первой мировой войны. В 1914 году он предложил компании «Лена-Голдфилдс» купить богатые золотом участки, застолбленные им в бассейне Колымы. Неизвестно, что Попову ответила компания «Лена-Голдфилдс», но в 1917 году он повторяет свое предложение: за большие деньги указать золотоносные участки на Колыме — на этот раз Временному правительству. Ко времени организации Дальстроя Попова уже не было в живых. Его письма компании «Лена-Голдфилдс» обнаружил в иркутских архивах Ф. Д. Оглобин, который в 1927 году передал их правлению Акционерного Камчатского общества, поскольку это учреждение собиралось вести работы в Охотско-Колымском крае, АКО в 1932 году все архивные документы о Колыме передало Дальстрою. Оглобин же в 1928—1929 годах работал начальником конторы «Союззолото» в Средникане. От него-то горные смотрители и узнали о находках Попова.

Билибин скептически относился к слухам о находках Попова. По его мнению, в южной части Улахан-Чистая, в области развития палеозойского известкового комплекса пород, где отсутствовали верхнеюрские и нижнемеловые границы, с которыми в конечном счете связано колымское золото, нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь значительную золотоносность. И он, как выяснилось впоследствии, оказался прав.

Представители АКО были глубоко убеждены в ценности находок Попова. Они не сомневались, что «мало еще известного исследователя Попова замалчивают». Считали своим большим достижением, что им только в конце 1931 года совершенно случайно уда-

лось расшифровать записки Попова и установить истинное месторождение его поисково-разведочных работ.

...А между тем старый приисковый район рос очень быстро, наращивая золотоносные площади. Нужно было чрезвычайно скептически относиться к Билибину, чтобы сомневаться в его выводах. Еще до организации Дальстроя, летом 1931 года, партия С. В. Новикова обнаружила крупные россыпи золота во многих притоках реки Оротукан, по соседству с Средниканом. Ф. К. Рабинович установила золотоносность бассейна Гербы, впоследствии тоже оказавшейся промышленной. В. А. Дареградский выявил золотоносность левых притоков Бохачи. Партия Д. В. Вознесенского обнаружила признаки россыпного золота и оловянного камня в бассейне реки Теньки.

Дальстрой получал в свои руки солидную и быстро расширяющуюся базу для развертывания разведочных и эксплуатационных работ на россыпное золото. Но не будучи в состоянии сразу оценить полученное наследство, он первое время не прочь был погоняться за призраками вроде «месторождений» Попова и Розенфельда. Вот на поиски клада Попова и была отправлена весной 1933 года Верхнеколымская экспедиция.

А теперь мне надо возвратиться к моему первоначальному рассказу.

С рудной разведки возвратился поздно, контора была уже закрыта, поэтому я без всякой опаски оставил золото в боковом кармашке гимнастерки, брошенной на табурет в общежитии.

...Утром, рассказывая Шабарину о своих впечатлениях от россыпей на Борискином ключе, высыпал на стол Шабарину горсточку самородков, полученных от Лапина.

— Зачем вы взяли золото? Да еще без расписки! Этого делать нельзя! Немедленно сдайте в спецотдел. Я уже получил строгий выговор за золото, взятое мной с прииска «Геологический». Такая практика может превратиться в один из каналов утечки золота...

Золото приняли без скандала, начальник спецотдела благоволил ко мне.

Но что же все-таки делать дальше? Не имея рабочего места в тесной, переполненной конторе, я снова обратился к заведующему геологоразведочным бюро Шабарину, строго посматривавшему из-за стола на окружающих. Шабарин брал в руки листочки с подсчетом запасов золота по шурфам, с минуту рассматривал цифры, а потом важно выводил в нижней части листочка: зав. геолого-разведочным бюро Шабарин.

— Хотите, дам интересную работу,— предложил он, показывая на листочки с подсчетом запасов по шурфам.

— Если бы я понимал что-нибудь в подсчете.

— Ну, это я сейчас вам объясню, дело несложное. Через несколько минут запутавшийся в объяснениях Шабарин предложил пойти к нему на квартиру.

И там окончательно выяснилось, что Шабарин совершенно не понимает того, что подписывает. Но нельзя же показать свое незнание окружающим, тем более подчиненным. Гордость молодого специалиста не позволяет! Да потом он уверен в своих помощниках по подсчету запасов: уж они не подведут, собаку на этом съели.

— А давайте-ка позовем технорука Васильева. Пусть нам объяснит, как производится подсчет запасов по шурфовочным линиям.

После объяснений Васильева пачку листов с подсчетами запасов отодвинули в сторону и начали мечтать о работе зимой с микроскопом, об организации геологического кружка и о других приятных вещах, не имевших никакого отношения к шурфам. На этом и кончилось мое знакомство с подсчетом запасов.

Я и не подозревал, что через пять лет меня заставят вспомнить все детали этого дня при даче показаний комиссии, разбиравшей дело Шабарина. В 1938 году, просматривая документацию по шурфовке долины Средникана, начальник геологического отдела Южно-горнопромышленного управления Зубрев обнаружил, что шурфы по некоторым линиям остались недобитыми, хотя знаки золота, встреченные в торфах, свидетельствовали о наличии богатого пласта золотосодержащих песков в этих участках. Перепуганный Шабарин в своих показаниях комиссии сослался на меня,

заявив, что мы вместе подписывали листки с подсчетами запасов по шурфам. К счастью, я ничего не подписывал. Еле-еле удалось убедить комиссию, что Шабарин из ложного самолюбия, боясь показать свою неграмотность в вопросах подсчета запасов, сделал обнаруженные ныне ошибки. Я тоже ничего не понимал в этом, поэтому не мог предупредить руководителя разведрайона об ошибках Шабарина. Комиссия убедилась в невинности Шабарина, и его оставили в покое.

НА ЗЫРЯНКУ!

На другой день после наших неудачных подсчетов меня внезапно вызвали в резиденцию горнопромышленного управления, в Усть-Средникан. Начальник управления Пемов был в отъезде, его замещал Рюмин.

— Цареградский уже третий раз радирует, просит откомандировать вас на Зырянку, в Верхнеколымскую экспедицию. Почему он так в вас заинтересован? Вы с ним знакомы? Как сами смотрите на такую поездку? — спрашивал он меня.

— Я геолог-съемщик, работал в области распространения палеозойских толщ на Урале и Памире, поэтому мне бы хотелось работать в экспедиции Цареградского, которая ведет исследования тоже в области распространения древних толщ.

— Хорошо! Мы здесь, в управлении, не возражаем против откомандирования вас на Зырянку, но с руководством разведочного района договоритесь сами. Отпустят они — поезжайте в экспедицию, не отпустят — будете работать у них.

По дороге в разведрайон, раздумывая о приглашении Цареградского, я догадывался, что это дело рук Данилы Каузова, сплавлявшегося вместе со мной по Бохапче. Это он рекомендовал меня.

В тот же вечер решил пойти к начальнику разведрайона.

— Николай Николаевич, меня Цареградский вызывает на Зырянку. Мне там интереснее работать по специальности, по геологической съемке. В управлении не возражают. Нужно только ваше согласие.

— А что мне Цареградский! — рассердился Бегичев, — никуда я вас не пушу. Вы мне должны отыскать пески с содержанием не менее четырехсот граммов золота, чтобы нашему району не отставать от Оротукана и Утинки. Никуда не поедете! На легкую работу рветесь! Экспедиция, конечно, не разведочный район, где надо работать и работать.

Так рассуждать мог лишь человек, не понимающий в золоте. Но что взять с Бегичева: вчера он был директором бумажной фабрики, сегодня начальник золотодобывающего предприятия, а завтра с таким же сомнительным успехом возглавит рыбозавод или МТС. Надо идти к парторгу Шабарину, самому влиятельному лицу на стане — он и для начальника авторитет. И действительно, мечтавший о геологической работе, Шабарин стал вдруг сентиментальным, расчувствовался, что называется вошел в мое положение. На следующий день Шабарин уговорил Бегичева.

Получив к вечеру на увольнительном удостоверении подпись начальника, я побежал к главбуху, упрямил его сегодня же произвести расчет и рано утром, на заре, не дожидаясь лошадей, уложил в чемодан и мешок свой скарб, перекинул их через плечо и, опасаясь, что могут еще передумать и отменить решение, пошел пешком за пятнадцать километров в Усть-Средникан. Вблизи поселка услышал пароходный гудок. Неужели опоздал?

В Средникане узнал, что один из буксиров, притащивших баржи с продовольствием, действительно ушел вниз по Колыме. Баржи, притащенные вторым буксиром, еще только разгружались. Договориться с капитаном оказалось совсем просто.

— Займете каюту вместе с радистом, но только условие — будете помогать грузить дрова на пароход.

Буксиры, приплавившие баржи в Средникан, были первыми судами, поднявшимися в верхнее течение Колымы.

Вместе с новым товарищем по каюте, молоденьким радистом, мы днем помогали выгружать баржу, таскали кули с мукой, от которых к вечеру ныла спина и дрожали ноги. Вечером вместе с другими пассажирами хохотали до слез, наблюдая, как матросы учатся ез-

дить на оморочках, узеньких вертявых лодочках. Малейшее неосторожное движение, резкий поворот туловища — и матрос кувыркается в Колыму. Наблюдали внимательно: ведь нам тоже предстоит овладеть искусством вождения оморочки.

Отъезд из Средникана проспали. Буксир снялся чуть свет, дорожа каждой светлой минутой, так как шел только днем, а ночью вставал на якорь. В темноте невозможно было идти по малознакомой реке, к тому же почти без речных знаков.

Первые дни мы больше торчали наверху, ходили по палубе или забирались в капитанскую рубку и оттуда любовались пустынными то гористыми, то низменными берегами реки. Путешественника по Колыме поражает не величие реки с ее неласковой холодной поверхностью, а немая торжественность ее берегов. Осенью Колыма в среднем течении пересыхает настолько, что на некоторых перекатах ее можно перебраться на лошади. Это самая опасная пора для плавания. На каждом перекате лоцман и капитан зорко всматриваются в водную гладь и по им только известным признакам ведут судно по наиболее глубокому месту. На нос встает матрос, измеряющий глубину. Каждые десять секунд громко сообщает:

— Сто тридцать! Сто двадцать!

Сто десять сантиметров уже критическая цифра, это глубина осадки буксира, и на мелком перекате слышно, как судно скрежещет, задевая галечное дно реки, а иногда и останавливается.

Если судно садится на мель, капитан распоряжается опустить оплеухи. Они представляют собой две широких массивных доски, один конец которых закреплен у бортов судна, а положение другого конца доски регулируется с палубы, привязанной к оплеухе веревкой. Оплеухи ставятся с обеих сторон буксира перпендикулярно судну. Образуя запруды, они позволяют буксиру сняться с мели.

На второй день плавания, после полудня, буксир и баржи заворотили против течения и остановились возле террасы, покрытой горелым лесом. Матросы с пилами и топорами пошли в лес заготавливать дрова. Через два часа к ним на подмогу пришли пассажи-

ры. Началась погрузка дров. Только поздно ночью окончилась заготовка топлива. Все зверски устали. Но зато дровами заполнены трюмы и вся палуба. Их хватит на три-четыре дня, до Лабуи,— зимнего зато-на, куда буксир тащит пустые баржи.

Сосед мой по каюте оказался на редкость музыкальным: по памяти насвистывал и пел почти всю оперу «Кармен», к большому удовольствию своего единственного слушателя.

Как выяснилось из его рассказа, он и его товарищ на легкой небольшой лодке проплыли со сплавной базы на Хете до Средникана, через все страшные бохапчинские пороги, не потерпев ни единой аварии. Меня даже немного покорило от этой равнодушным голосом рассказанной истории. Вот тебе и героика перехода через пороги! Столько легенд ходит на Колыме о бохапчинских порогах, а только что приехавшие мальчишки спокойно прошли их и даже не видят в том ничего особенного.

...На третий день вечером буксир пристал у устья реки Шаманихи, одного из больших правых притоков Колымы в ее среднем течении.

Я уже ложился спать, когда меня вызвали к капитану. В каюте капитана сидели два человека из геологической партии, работавшей в составе экспедиции Цареградского. Два обросших бородами таежника с обожженными солнцем лицами, знакомясь, крепко стиснули мне руку. Это были начальник Шаманихинской геологической партии Ратюшков и его коллектор Сапежинский. Они возвращались с полевых работ и тоже решили плыть паромом.

Утром буксир подошел к лагерю экспедиции Цареградского, расположившейся на речной косе, в десяти километрах ниже устья реки Зырянки.

ВЕРХНЕКОЛЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Если в погожий солнечный день подняться с речной косы на восьмиметровую, поросшую густым и высоким лиственным лесом террасу, то далеко-далеко на востоке возникают неясные очертания темных

гор. До них, вероятно, не менее ста километров. Издали кажется, что горы сразу встают высокой зубчатой стеной над совершенно ровной, широчайшей, пока еще зеленой равниной. Там до сих пор не ступала нога исследователя. Якуты говорят, что в этих горах берет свое начало река Горбунова, и поэтому называются они Горбуновы горы. Хотелось сделать маршрут к таинственным горам, но уже наступила осень, геологические партии возвращались на базу экспедиции, затевать путешествие в одиночку было бы безрассудством. К тому же Горбуновы горы и не входят в территорию исследования экспедиции. Впрочем, что значит — входят или не входят? Все зависит от результатов полевых работ геологических партий, они продиктуют дальнейшее направление поисков полезных ископаемых. На сотни и тысячи километров вокруг «белые пятна» — неисследованные территории, изучай какой хочешь район. Поэтому очень важно не потерять путеводную нить, не дать закружиться голове от неограниченных перспектив, сохранить целеустремленность.

Этим летом партии Верхнеколымской экспедиции проводили исследования главным образом на левобережье Колымы, в хребте Черского, ближайшая цепь которого — Аргатас — высилась так же далеко к западу от Колымы, как и Горбуновы горы на востоке.

Экспедиция работала в пустыне, в северной лесной пустыне. Но как, вероятно, и все пустыни на свете, она не была совершенно необитаемой. Правда, в течение четырех-пяти месяцев полевых работ геологические партии в некоторые годы не встречали ни одного местного жителя. Наиболее населенной являлась долина Колымы. На расстоянии двух с половиной тысяч километров здесь было расположено восемь поселков, с общим количеством населения около тысячи пятисот человек. Только со времени появления на Колыме предприятий «Союззолота» и затем Дальстроя были основаны Средникан — крупнейший в начале тридцатых годов поселок на Колыме, затем Утинка, Оротукан, а в нижнем течении Лабуи — затон для зимнего отстоя судов.

Палаточный лагерь Верхнеколымской экспедиции

находился в сравнительно густо населенном районе северной пустыни. В двадцати пяти километрах выше по Колыме, на берегу ее левой протоки Прорвы, расположился поселок, состоящий из семи юрт и маленькой деревянной школы. Поселок этот на всех картах значился как город Верхнеколымск, а якуты его называли Крепостью, каковой он являлся в первые десятилетия владычества казаков. Город был древний, основанный почти триста лет назад казачьей дружиной Михаила Стадухина.

В тайге, в двенадцати километрах от базы, на берегах пойменных озер, жило еще несколько семейств якутов, занимавшихся скотоводством и рыболовством.

Попав на базу Верхнеколымской экспедиции, я был удовлетворен вполне. Вот это настоящее путешествие в неисследованную страну! Как-то разом забылись все тревоги и волнения. Ленинградская жизнь с ее книжными увлечениями ушла в прошлое и вспоминалась как сон. Сбылась мальчишеская мечта о путешествии в далекие края, настолько далекие, что путешествие на Памир теперь казалось чем-то вроде загородной поездки.

— Тишина здесь прямо монастырская, — говорил мне завхоз Горанский, прогуливаясь по колымской косе, — а какая охота, какая рыбалка! Только вот редко приходится охотиться, строительство базы не оставляет свободного времени. Ну уж будущей-то весной обязательно поеду на озеро пострелять гусей.

— Не жалеете, что заехали в такую глушь?

— Да что вы! Я радуюсь, что судьба свела меня в 1930 году с Цареградским! Ничего мне лучшего не надо. Жизнь на Севере меня вполне устраивает. Тем более, что чувствую я себя здесь превосходно. Ну, зима иногда и тяжеловатой кажется, зато уж весной и осенью раздолье охотнику и рыбаку. Нет, я бы не променял сейчас Север даже на родное Поволжье, а уже тем более на Ленинград.

К началу сентября начальство еще не возвратилось из тайги. Пришлось попросить Горанского устроить нас с Ратюшковым в пустовавшую палатку на краю бязевого поселка, рядом с медпунктом. Все палатки, посеревшие от пыли и дыма, поставлены были по-якут-

ски, на двух треногах, скрепленных потолочной перекладной и двумя боковинами. Таежный способ ставить палатки удобен, поэтому был быстро перенят у якутов геологами.

Только медпункт оборудовали более солидно: палатку натянули на каркас из жердей, возвышавшийся над срубом из четырех венцов, и настелили пол из горбылей.

Наиболее комфортабельным помещением оставалась все-таки столовая — большой десятитонный кунгас, покрытый брезентом.

В нашей палатке стояли два топчана. Стол соорудили из двух выючных ящиков Ратюшкова. Горанский выделил мне как земляку, спальный мешок на собачьем меху. В общем, жаловаться нельзя: походную жизнь обставили достаточно удобно. Я с любопытством приглядывался к своему напарнику по палатке, начальнику геологической партии Ратюшкову, очень живому, энергичному и общительному человеку. Он с первого же дня знакомства всех называл уменьшительными, ласкательными именами.

Вскоре я попросил у Володи Ратюшкова разрешения познакомиться с его коллекцией образцов горных пород.

— Смотри. Только не спутай этикетки. Да там и смотреть, пожалуй, нечего — одни порфириды.

Я развешивал бумагу, извлекал образец и этикетку с указанием места взятия образца и полевым его определением. Просмотрев десятки образцов, не мог скрыть своего недоумения.

— По-моему, Володя, в твоей коллекции главным образом кварциты, кристаллические сланцы и гнейсы, а совсем не порфириды. Во всяком случае, они очень похожи на кварциты и гнейсы Южного Урала где мне пришлось с ними познакомиться.

— Так ты думаешь, это не порфириды? — строго спрашивал Ратюшков. — Ну ладно, посмотри всю коллекцию и напиши легонько карандашом свои определения, может быть, кое в чем я и ошибся.

Ратюшков явно сдавался. Несколько дней я с большим удовольствием знакомился с его коллекцией и теперь уже вполне убедился в полном несоответствии

определений, указанных в полевых книжках Ратюшкова.

— Хорошо, верю тебе, — говорил Ратюшков. — Велю Сапежинскому, чтобы он переписал заново этикетки к образцам горных пород. Ты, я вижу, парень подходящий, с тобой жить можно, но только никому не говори, что произошло.

— Ты где, Володя, учился?

— На Зее. Я, брат, кого хочешь могу поучить мыть лотком и азиатским ковшом, даже в суповой чашке могу промыть пробу так, что мельчайшие знаки золота поймаю. Всю жизнь провел на приисках. Там и родился. В шесть лет уже мыл золото. А кончил я только рабфак. Поступил в институт в Томске, да ничего не получилось. Стипендия, сам знаешь, какая, а мне надо было помогать матери, вот я и махнул из института сначала на алданские золотые прииски, а потом в Москву. На Алдане познакомился с Раковским, по его рекомендации и завербовался в Дальстрой.

— Ну как же ты попал в начальники геологической партии?

Цыганское лицо Ратюшкова заулыбалось, черные большие глаза насмешливо сузились.

— Подумаешь, начальник партии! До поступления в Дальстрой восемнадцать партий по разведке строительных материалов были под моим начальством. Знаешь профессора Д.? Так вот я был его заместителем по экспедиции.

— По хозяйственной части, что ли?

— Ну, и по хозяйственной. В разведке я тоже не хуже других понимаю. Мне десятки геологов подчинялись! Я поступил в Дальстрой с документами заместителя начальника экспедиции.

...Ратюшков целыми днями слонялся по лагерю и к вечеру почти всегда оказывался в подпитии. Жить с ним было весело, человек легкий, рассказчик и враль занимательный.

Неделю спустя прибыла вторая партия, опробовавшая притоки Колымы в их устьевых частях. Все лето партия работала на плотам, служивших базой для работников партии, делавших небольшие пешеходные

маршруты вверх по речкам. Партию по опробованию долины Колымы возглавлял Иван Васильевич Заседателей, старый партизан, опытный поисковик, но малограмотный человек. Карту гидросети, хотя бы примерную, он так и не мог составить. Ее составил коллатор Ратюшкова Сапежинский, где пользуясь его записями, где расспрашивая, а то и просто придумывая направление речек. Все проделывалось, конечно, без ведома начальства, по секрету и по дружбе, повседневно закрепляемой спиртом, хранившимся где-то под спудом у супруги Ивана Васильевича. Можно представить, насколько точно была составлена такая карта.

Привез Заседателей и образцы горных пород.

— Вот тебе и камни. Смотри, каких навез! Чего, думаю, кусочки-то откалывать, что, на плоту места, что ли, мало? Давай, говорю ребятам, подплывай к скале и откалывай какую ни на есть глыбу — доведем. Постарались, словно знали, что для тебя. Только как ты понесешь их к себе? Тебе, пожалуй, и не поднять.

Геологическим молотком я отколол от лежащих на плотам глыб несколько образцов. Это были известняки, взятые из трех скальных обнажений на берегу Колымы. Место взятия образцов можно было установить только приблизительно, по рассказам Заседателя и его прораба, этикеток и номеров не было, записи тоже, конечно, отсутствовали.

— Куда же остальные камни девать? Жалко бросать. Столько везли, старались, хотели обрадовать, а ты отказываешься от них, — сожалел Иван Васильевич.

Вместе с Заседательным пришли плоты с рабочими из партии Ратюшкова. Оказывается, они были оставлены на берегу Колымы, на участке с хорошим лесом, чтобы заготовить бревна специально для домов Ратюшкову и сотрудникам его партии. Но чрезмерная инициативность Ратюшкова не понравилась начальству. Приплавленный лес был впоследствии конфискован для постройки конторы.

С приездом полевиков работы по строительству базы оживились. Днем рабочие строили экспедиционные здания, в первую очередь помещение для бухгалтерии,

склад, баню, столовую, конюшню; вечером — небольшие домики для себя.

В конце сентября на стан собрались все полевые партии экспедиции. Наиболее шумной оказалась партия Данилы Каузова. О прибытии партии было возведено арией князя Галицкого, во все горло, но без малейшей фальши, распеваемой подъезжавшим на плоту геологом.

— Ого, Данила приехал, — весело заулыбался Горанский.

Ночью весь лагерь проснулся от гроыхания жестяных коробок, которыми, как футболом, играли подвыпившие полевые. Раздавались голоса Каузова и Ратюшкова, весело соревнующихся в замысловатой брани. Ратюшков, значит, успел уже основательно познакомиться с Каузовым. Крики сменялись ариями, арии — криками.

— Мировой мужик, — рассказывал утром Ратюшков. — И выпить, и спеть, и повеселиться в компании — на все Даниа мастер. Вот это парень по мне!

Но рабочие заявили протест против излишне веселого времяпровождения возвратившихся полевииков: им из-за ночного шума не удалось выспаться.

Партия Каузова нашла выход ультраосновных пород и одно из полезных ископаемых, связанных с ними — асбест. Находки были принципиально интересными, но о промышленном их значении судить пока было рано.

Обнаружение ультраосновных пород сразу же ставило на повестку дня вопрос о платине. Если в районе есть ультраосновные породы, то, может быть, там есть и все связанные с ними полезные ископаемые, и в первую очередь самое ценное из них — платина?

Показывал же в 1924 году в Якутске один из участников банды генерала Пепеляева платину, найденную якобы в бассейне реки Чебыгалах, притоке Индигирки.

И хотя исследования Обручева не подтвердили наличие платины на Чебыгалахе, они полностью не исключали возможности найти ее в другом месте.

В партии Каузова не обошлось без приключений. Прежде всего, она голодала. Легкомысленный Данила Аркадьевич взял продуктов всего на две недели. Вверх

по реке Рассохе они плыли, насколько это было возможно, на моторной лодке, затем пошли пешком, с сидорами. В тайге встретили поисковый отряд прораба Седюкина, который поделился с ними продуктами. Для ускорения работ из состава партии был выделен второй поисковый отряд из двух человек: впервые попавшего в тайгу Коли Клеменкова, прораба со средним техническим образованием, и промывальщика Мишки Минина, прожженного таежника. Коля Клеменков решил не обращать внимания на советы «необразованного» Минина и, ведя глазомерную топографическую съемку, ухитрился заблудиться. Минин настаивал, что надо идти на север, но Клеменков приказал идти на юг. Продукты вскоре у них кончились. Тогда Минин категорически отказался идти за своим начальником и повернул на север. Испугавшийся Клеменков последовал за ним. Еле передвигая ноги от голода, они с трудом добрались до Рассохи, где столкнулись с отрядом Каузова. Счастливый Гена Русеев подстрелил в этот день четырех больших глухарей, которыми подкрепились оба голодающих отряда. Было решено: сделать плот и сплавляться по Рассохе, а затем по Ясашной до Верхнеколымска, а по дороге питаться дичью, если удастся убить; рыбой, если удастся поймать.

К Верхнеколымску подплыли на третий день под вечер. Их не покормили досыта, боясь тяжелых последствий. Но утром пронырливому Русееву удалось достать у кого-то из местных жителей перловой крупы. Он сварил ведро каши и один всю съел, запивая чаем. Завтрак оказался настолько плотным, что Гена не мог двигаться. Ждать было некогда, торопились на базу экспедиции: Русеева осторожно скатили с террасы к реке и затем вкатили на плот. Способность двигаться он приобрел только через несколько часов, но уже через день Русеев вполне мог повторить свой цирковой гастрономический номер.

Вскоре после Каузова приплыла на плоты партия Юрия Трушкова, высокого, худого, кудрявого парня, молчаливого и скромного. Как и другие полевые партии, три дня они отдыхали, а на четвертый день приступили к работе. Трехдневный отдых после полевых

работ был узаконен традицией. Отъезд на полевые работы и возвращение всегда отмечались как праздники. Так уже в те времена повелось по всей Сибири. Некоторые это делали с ухарством, надолго запоминающимся по своей оригинальности.

Данила Аркадьевич, как натура артистическая, быстро уловил вкусы старателей и умел слиться с ними воедино, соревнуясь в лихости и ухарстве при преодолении опасностей и в гульбе. Рабочие в нем души не чаяли. О нем слагали легенды, и он всячески, все новыми и новыми необычными поступками старался увеличить свою таежную, несколько скандальную славу. Летом этого года, подплывая на кунгасе к Верхнеколымску, он встретил пароход, стоявший на другом берегу протоки. Каузов спрыгнул в воду и на глазах изумленных матросов пошел пешком через глубокую и широкую протоку. Вода закрыла уже голову, он поднял вверх руки и продолжал идти. Вскоре скрылись под водой и поднятые руки. Прошла, быть может, минута, прежде чем снова появились кончики пальцев, затем руки, наконец голова. Матросы вытащили смеющегося Каузова на борт парохода. Он был первоклассным пловцом, мастером спорта и обладал громадной вместимости легкими.

...Наконец приехал на базу экспедиции и один из начальников — заместитель Цареградского по хозяйственной части Михаил Лунеко, сразу же реквизиравший строительный лес, доставленный партией Ратюшкова. Лунеко был одним из четырех рабочих первой экспедиции Билибина, сплывавших с ним на плотах по Бохапче в 1928 году. В прошлом — партизан, боровшийся с белыми и японцами, затем приискатель, человек с типичной дальневосточной биографией, он был энергичным, но несколько запальчивым администратором. Как у человека не слишком грамотного, у него сохранилось почтительное отношение к людям науки, какими ему представлялись геологи. С приездом Лунеко строительство базы активизировалось. Рабочие хоть и знали, что Лунеко свой брат, сам три года назад был конюхом, но боялись его крутого нрава и относились к нему гораздо почтительнее, чем к интеллигенту Горанскому.

Заместитель начальника по хозяйственной части был озабочен не только строительством. Экспедиция не была обеспечена продуктами. Баржи с грузами, поднимавшиеся по Колыме буксирами, направлялись в первую очередь в приисковый район. Экспедицию, расположившуюся на полпути между Среднеколымском и Средниканом, предполагалось снабдить в последнюю очередь, в конце навигации, когда будет закончена заброска продовольствия в верховья Колымы. Лунеко еще и еще радировал в Магадан о критическом положении геологоразведчиков, настаивал на выделении специальной баржи в Среднеколымске для экспедиционных грузов.

Наконец буксир подтащил долгожданную баржу с продовольствием, снаряжением, жидким топливом для радиостанции.

В начале октября по Колыме уже шла шуга, река вот-вот должна была встать, когда появились наконец лодки и кунгасы с застрявшими в Верхнеколымске сотрудниками запоздавших геологических отрядов.

Теперь почти все сотрудники экспедиции собрались вместе. Небольшая группа — человек двадцать — осталась на всю зиму для разведки Зырянского угольного месторождения. От базы экспедиции до Угольной геологический отряд проложил просеку, по которой зимой прошла санный дорога.

За повседневной суетой подготовки к зиме о новоприбывших сотрудниках забыли, благо их было только двое — я и топограф Котенко, подъехавший с последним спустившимся сверху буксиром. Во всяком случае, нас к начальству не вызывали.

Первое мое знакомство с заместителем начальника по технической части Раковским произошло на колымской косе. Подняв темно-зеленую гальку и показывая ее Раковскому, я спросил, насколько широко распространены в районе диабазы.

— Я плохо разбираюсь в геологии, — откровенно ответил Раковский, — мне больше всего приходилось работать по разведке россыпей.

Раковский говорил спокойно, не смущаясь, как человек, сознающий свою силу и значительность в избранной им области и не испытывающий ни ма-

лейшего желания слыть всезнайкой. Сибирский говор, решительные движения, прямота и даже резкость в разговоре, в сочетании с нерусским, напоминающим индейца, волевым, с крупными чертами лицом делали чрезвычайно оригинальным, запоминающимся этого человека. Он был невысокого роста, на сильных ногах, доставивших ему славу лучшего ходока на Колыме. Уже в те годы ходили легенды о его таланте разведчика.

Как-то вечером ко мне явился коллектор Алексей Владимирович Елышев, юноша с пышной шапкой медно-красных волос, и передал приглашение зайти сейчас же к Цареградскому. Пройдя через весь поселок — жилье начальника экспедиции стояло на другом конце косы, — я вошел в палатку, освещенную свечой.

Я увидел молодого, чуть старше себя, кудрявого блондина с длинным, узким, бледным лицом, напоминающим молодого Александра Блока.

— Вы и есть наш новый сотрудник? Ну, будем знакомы: Цареградский, а это Мария Яковлевна.

— Вы давно приехали сюда? — обратилась ко мне сидевшая на походной кровати женщина, акцент и наружность которой выдавали ее прибалтийское происхождение.

— Мы слышали, вы привезли интересные книги, и хотели попросить дать нам их почитать. У вас есть и стихи? А сами ничего не пишете? На Севере многие сочиняют стихи.

Затем разговор перешел с литературы на дорожные впечатления, начались расспросы о «материке» и общих знакомых в Среднечукотке. Но уж так видно созданы люди, пишущие стихи, что не могут удержаться, чтобы не показать свои творения, как молодая мать не может не похвастаться своими детьми. Стихи четы Цареградских были посвящены Северу с большой буквы, в них воспевались люди, стремившиеся добраться до полюса, их трагическая гибель, воспевалась суровая романтика Заполярья. После того как все стихи были прочитаны, хозяева вспомнили:

— А ведь нас Раковские ждут в гости. Мы, собственно, и пригласили вас к себе для того, чтоб вместе поить. Они приглашают и вас. Надо торопиться.

Я уже знал, что значит в тайге ходить в гости. Ратюшков как-то таскал меня с собой на вечеринку к одному из прорабов и после строго выговаривал за неприличное, по его мнению, поведение.

— Ты, брат, в чужой монастырь с своим уставом не суйся. Хочешь обидеть людей? Раз все пьют — и ты не должен отставать. А то, подумаешь, не пьет, особый, видите ли, человек! Так нельзя, тебе же работать и жить с ними надо!

Жилищем Раковских был кунгас, вмёрзший в Колыму. В ночь становления Колымы, благодаря подвижкам и давлению льда, вызванным увеличившимся напором подпруженной воды, судно дало трещину, его начало затапливать водой. Хозяева были разбужены неистовым лаем перепуганной собачонки, тоже ночевавшей в кунгасе. По колено в ледяной воде начали вытаскивать вещи на берег. К утру вода спала, и они снова водворились в свое жилище. Сейчас Колыма прочно замерзла, и квартира в кунгасе стала вполне безопасной.

К нашему приходу гости были уже в сборе. Приглашены были главным образом начальники партий — всего человек десять. Сидели за столом, воздвигнутом из выючных ящиков. Меня познакомили с хозяйкой — веселой черноглазой женщиной — и с тихим, скромным поисковиком Иннокентием Галченко, который только сегодня добрался до базы.

— Прежде всего давайте выпьем, а то вы запоздали, — предложил хозяин.

— Штрафную, штрафную полагается, — дружно подхватила публика.

Пили разведенный спирт, закусывая рыбой и мясными консервами. Потом завели патефон, понеслись звуки фокстрота. Танцевали, а в промежутках между танцами наперебой рассказывали о летних приключениях.

Помня наставления Ратюшкова и подбодренный примером окружающих, я старался пить беспрекословно. Уходили с пирушки уже за полночь. Я решил прогуляться в одиночку по косе, чтобы немного освежиться перед сном. Никогда мне не приходилось столько пить, да еще спирта. И результаты сказались. Минут

через десять — пятнадцать я упал на косу и с громадным трудом, боясь замерзнуть, еле-еле на четвереньках дополз до своей палатки. Что было дальше, не помню. Утром очнулся на своей кровати от головной боли. Оказывается, Ратюшков, увидев ночью вползающего в палатку человека, раздел меня, всунул в спальный мешок и взвалил на топчан. На этот раз мой товарищ был вполне доволен, считая, что направил меня на путь истинный.

В середине октября появилось первое здание экспедиции — длинная двухкомнатная изба без крыши. В одной из комнат разместились бухгалтерия и отдел снабжения. Днем в этой комнате щелкали счетами, писали разнарядки рабочим, а ночью помещение служило спальней для четверых сотрудников экспедиции. Вторая комната была загромождена полками для образцов горных пород и служила по вечерам клубом.

Вскоре закончили постройку радиостанции, бани, конного двора и конюховской. Достраивались общежитие, столовая и дом начальника экспедиции. Элемент гармонии в строительство внес берег реки — все здания были окнами на Колыму, но одни из них располагались непосредственно у обрыва речной террасы, другие отстояли на тридцать, сорок, пятьдесят метров, кому где вздумалось строить.

В комнате, служившей складом для геологических коллекций, при свете керосиновой лампы Цареградский собрал производственное совещание, на котором все начальники партий должны были сделать информационные сообщения о результатах летних исследований.

— Слушай, только между нами, — обратился ко мне за день до совещания Ратюшков, — ты мои полевые книжки читал, образцы просмотрел, тебе не трудно будет написать информационную записку о геологическом строении района. Сделай, пожалуйста, будь другом. Я тебя, если придется, тоже выручу, за мной не пропадет. Напиши странички две, мне ничего не стоит выучить их наизусть, а о поисках я и сам сочиню с три короба.

Память у Ратюшкова действительно оказалась хорошей. Он слово в слово пересказал написанное.

Меня мучили угрызения совести, что из-за ложнопонимаемого товарищества я согласился изготовить фальшивку. Но Володя был доволен.

— Ну, как ты думаешь, ведь не хуже других я доложился?

Тем не менее руководители экспедиции, очевидно, раскусили его. К тому же Ратюшков оказался очень шумным человеком, в особенности в сочетании с Каузовым. Это он уговорил приехавшего на базу представителя якутского колхоза дать ему взаймы на пару дней пять литров полученного для охотников спирта. Спирт был распит, но возратить долг было нечем. Проспавшийся якут пришел в отчаяние: он подвел весь свой коллектив охотников. Цареградскому пришлось второй раз выдать спирт.

Ратюшкова решили отправить на разведку золотых россыпей в район его летних поисковых работ. Лучше его никто не мог провести эту работу. Геологические материалы его и Заседателя были переданы для камеральной обработки мне.

За организацию разведрайона Ратюшков принял со свойственной ему энергией.

— Сами понимаете, братва, — говорил он выделенным ему рабочим, — что в тайге все пригодится. Так что не зевайте!

И рабочие не зевали. Из бани были утащены все ведра и тазы. У плотников стали пропадать топоры и пилы. В конюховской не стало веревок и ремней. Начальство решило произвести обыск и оставить Ратюшкову только то, что ему полагается. Кто-то вовремя шепнул Володе о намерениях начальства.

— Подбросьте-ка кое-что обратно, ребята!

Ребята подбросили, и начальство успокоилось.

Вскоре после отъезда Ратюшкова выехали отряды разведчиков на Зырянку и на Рассоху. Строительство на базе замедлилось, плотников оставалось мало.

Быстро соорудили себе зимовье из толстенных бревен два силача экспедиции: Каузов и Гена Русеев, не без помощи, конечно, товарищей. Каузов построился в тайге, в двухстах метрах от базы. Мебель в его домике была под стать хозяевам — богатырская. К толстому чурбану прибавалась длинная пятисантимет-

ровой толщины узкая доска — и стул готов. Кресло сделано из того же материала, но сиденье представляло собой обрубок такого толстого комля лиственницы, что его не всякому было под силу поднять.

— У нас мебель в стиле ранней готики, как в рыцарских замках тысячу лет тому назад, — шутил Каузов.

Уборка комнаты была автоматизирована. Все объедки сметались на пол, а дальнейшая уборка являлась делом собачки-санитара, обязанной съедать весь стряхиваемый на пол сор, дабы не затруднять хозяев подметанием комнаты. Чтобы собачка не забывала своих обязанностей, ее не кормили.

Часть инженерно-технических работников временно, до постройки общежития, переселили в конюховскую, где я, как редактор, занялся подготовкой первого номера стенной газеты.

В газете освещались все достижения экспедиции. Лунеко горделивым жестом указывал на лесистый берег Колымы: «Здесь будет город заложен!»

Прораб Седюкин, хваставший, что он чуть ли не с опасностью для жизни подобрался по обрыву к жиле асбеста, чтобы взять образец, был изображен балансировавшим на одной ноге на уступе скалы с таким выражением страха на лице, что все покатывались со смеху.

Результатами работ пока нельзя было хвастаться — ничего существенного из полезных ископаемых не было найдено. Зато геологические данные были очень интересны: они указывали на то, что экспедиция попала в район чрезвычайно сложного строения, совершенно отличного от Колымского приискового района. Перед геологами, писал в передовице Цареградский, стоит почетная и очень трудная задача расшифровки геологического строения района, в котором представлены отложения всех периодов истории Земли, разобратся в сложных взаимоотношениях разновозрастных толщ горных пород и выявить связанные с ними полезные ископаемые.

Наступала полярная зима, день быстро сокращался, а помещения для обработки собранных летом материалов все еще не было. Куда девать время? В один

из вечеров живущие в конюховской геологи занялись заготовкой дров. В радиусе двухсот метров от своего жилья повалили весь сухостой и натаскали громадную кучу сухих дров, по меньшей мере на месяц постоянной, круглосуточной топки двух железных печек.

Каждый вечер в бухгалтерии собирался кружок любителей пения, и «Ермак» гремел на всю базу. Коллитор Елышев научил всех покеру, азартной карточной игре золотоискателей. Покер процветал в конюховской, где десять—двенадцать человек поочередно проигрывали свою зарплату, которая, кстати сказать, представлялась чем-то совершенно абстрактным. Наличных денег на базе было так мало, что все продукты, весь паек, а также снаряжение, одежда, даже обеды в столовой выдавались по безналичному расчету. Зарплата насчитывалась бухгалтерией, за нее не расписывались, и никто ей особенно не интересовался. Переводы семьям отчислялись тоже бухгалтерией. В экспедиции не было денежного обращения, и никто не страдал от этого. Но увлечение покером тоже длилось недолго, и вечерами люди слонялись по базе, не зная, куда себя девать.

Руководство экспедиции приняло меры, чтобы чем-нибудь разумным заполнить свободное время. Начались вечера воспоминаний. Два раза в неделю в столовой после ужина собирались кого-нибудь послушать. Рассказывали о Памире, Кавказе, Урале, но больше всего об Алдане и Забайкалье. В один из вечеров Цареградский рассказал об истории золотой промышленности в России.

— Почему в старой России геологи, состоящие на государственной службе, так мало занимались поисками золота? — интересовались мы.

— До революции на государственной службе находилось всего несколько сот геологов, — пояснял нам Валентин Александрович, — и перед ними в первую очередь стояла задача изучения европейской части России и Урала. На Севере геологические маршруты чаще всего прокладывались по большим рекам. Но в широких долинах больших рек не так-то просто обнаружить золотую россыпь.

Систематическое же опробование долин всех ре-

чек тогда не проводилось. Эта методика была создана уже после революции на Алдане и Колыме Ю. А. Библиным. Те немногие исследователи, что заглядывали на Северо-Восток, довольствовались редкими случайными пробами. Поэтому так долго и не знали о золоте на Северо-Востоке. Искали плохо!

К тому же царское правительство не было прямо заинтересовано в открытии золотых месторождений и с 1877 года все казенные золотые предприятия передало в частные руки. Горный департамент осуществлял лишь контроль над золотой промышленностью, следил, чтобы все добытое золото сдавалось государству, не утекало на сторону.

— Значит, государство сочло невыгодным для себя заниматься добычей золота?

— Собственно говоря, не государство, а министерство двора русского царя, ведавшее его личным имуществом, куда входили и так называемые кабинетские земли — богатейшие земельные владения царской семьи, тянувшиеся на сотни километров. Но надо отметить, что до второй половины XIX века царское правительство занимало в отношении добычи золота совсем другую позицию.

Золотом в России стали интересоваться давно. Еще в конце пятнадцатого века, при отце Ивана Грозного, русское правительство обращалось к венгерскому королю Матвею Корвину с просьбой прислать специалистов по золоту и серебру, которых предполагали направить на Северный Урал. Искали золото и на Печоре, и по Енисею, и на Алтае. Одним из организаторов золотопоисковых экспедиций был отец петровского дипломата дьяка Виниуса. Находили серебряные, медные, железные руды, но промышленных месторождений золота не нашли.

Петр I в своих указах требовал, чтобы никто не смел пренебрегать общенародной пользой и скрывать рудопоявления и месторождения драгоценных металлов. Он предлагал всем, кто только хотел заняться поисками и разведкой месторождений полезных ископаемых, содействие и помощь.

Но золото не давалось в руки. Немного, очень немного золота было добыто при Петре, и то только из

серебряных руд Нерчинска, содержащих небольшую примесь золота. Но золотая медаль в честь заключения победоносного Ништадтского мира с Швецией была все-таки отчеканена уже из русского золота. Из драгоценных металлов в России сначала освоили добычу серебра на Алтае и на Нерчинских рудниках в Забайкалье, где золото добывали попутно из тех же руд.

Новые золотые месторождения были открыты через двадцать — двадцать пять лет после смерти Петра и сразу в нескольких местах: на Алтае и на Урале. На Алтае золото добывалось попутно с серебром в очень небольших количествах.

Собственно, золотое месторождение (рудное и россыпное) было впервые найдено на Урале, в двенадцати километрах от Свердловска. Это было Березовское месторождение. Нашел его горщик, как называют на Урале людей, занимающихся поисками драгоценных камней, крестьянин Ерофей Марков. Случилось это весной 1745 года. Марков доложил о своей находке в горнозаводское управление. Три года проверяли данные первооткрывателя и наконец в 1748 году заложили шахту. Первое время добывали не больше восьми килограммов золота в год и только лет через пятьдесят подняли добычу до двухсот килограммов.

Нельзя не отметить заслуг перед отечественной золотой промышленностью и уральского самоучки Льва Ивановича Брусницина. Ему принадлежит открытие промадного значения. Он доказал, что золото нужно искать не только в горе, в коренном залегании, то есть непосредственно в рудном месторождении и около него, но и в речных наносах долин.

Брусницин первым, еще в 1814 году, додумался до извлечения золота из песков, из речных наносов, путем промывки, без предварительного их размельчения.

Уральские золотопромышленники, начиная с двадцатых годов прошлого столетия, организовали поиски золота и в Сибири, конечно, руками старателей, отбирая или покупая за бесценок открытые ими россыпные месторождения. За какие-нибудь пятьдесят лет старатели прошли по всей Южной Сибири. В тридцатых годах XIX века нашли россыпное золото на Алтае, Ени-

сее и в Забайкалье, затем в сороковых годах открыли россыпи в бассейне реки Лены. В пятидесятых годах прошлого столетия было найдено золото во многих притоках Амура.

Золотой промысел развивался в Сибири стихийно, но довольно быстро. Как-никак, а в конце XIX века в Восточной Сибири насчитывалось около четырехсот больших и малых приисков. Причем и тогда уже добрую половину всего русского золота давала Восточная Сибирь.

После открытия золота на Амуре подошла очередь и Охотского побережья. Богатое промышленное золото на Охотском побережье нашли только в 1912 году. Но первые признаки золотоносности установлены были давно, еще в 1853 году, агрономом Ленже в бассейне реки Ульи. А первую промышленную россыпь в Охотском районе, на реке Лантарь, открыла в 1895 году экспедиция известного геолога К. И. Богдановича. Ну, раз нашли золото, значит, потянулись к нему хищники. Вот так, постепенно, старатели очутились на подступах к Колыме. Ну, а дальше вам, вероятно, все уже известно. Впрочем, могу рассказать и о Колыме, но это уж в следующий вечер,— закончил Валентин Александрович...

У ПОЛЯРНОГО КРУГА

После Октябрьских празднеств на Колымской косе оставалась единственная палатка, в которой летом помещался медпункт. Там жили геодезист Зеленский и топограф Якушкин. Зеленский предпочел как можно быстрее перейти в общежитие.

— Переходи ко мне,— уговаривал меня Якушкин,— нам с тобой в палатке будет лучше, чем в общежитии. Там же настоящий шалман, минуты спокойно не проведешь. Ни читать, ни заниматься. А мы с тобой натынем на нашу палатку вторую, брезентовую, получится воздушная прослойка между двумя палатками, и не так уж будет дуть.

Мне к тому времени порядком надоела шумная жизнь в конюховской, и я с удовольствием принял предложение Якушкина.

В первый же вечер повесили на двери палатки объявление: «Прием гостей только с 10 до 12 вечера».

Решили строго придерживаться нового правила. И поэтому, когда в восемь часов вечера в палатку пришел слоняющийся по базе Сушаков, его попросили взглянуть на вывешенное объявление.

— Видел. Ерунда все это,— буркнул гость и спокойно взялся за книгу.

Я переставил свечку со столика в изголовье своей кровати.

Сушаков не замедлил тоже перебраться туда со своей книгой.

— Павел Николаевич, убирайтесь к черту, надоели!

— Я не к вам пришел, а к Сергею Прохоровичу.

Якушкин, рубивший дрова на косе у дверей палатки и слышавший разговор, поддержал меня. Гость бросил книгу, хлопнул дверью и убежал.

— Ну, догор,— посмеялся я,— кажется, рассорились на всю жизнь с Сушаковым.

Мы часто обращались друг к другу со словом догор, по-якутски — товарищ. К этому так привыкли, что и все другие члены экспедиции звали нас догорами.

Якушкин, во все вносящий порядок и дисциплину, потребовал ежедневных часовых прогулок перед сном, как профилактического средства против цинги. Мы уже собирались выйти пробежать километров пять-шесть по лесной дороге, как дверь отворилась и снова явился Сушаков.

— Сейчас ровно десять часов, и вы, согласно вывешенному объявлению, не имеете права меня выгнать.

— Пожалуйста, сидите, Павел Николаевич, а мы пойдем погуляем.

Неприятный инцидент был таким образом исчерпан. Возвратившись через час с прогулки, догоры нашли в палатке Сушакова, просидевшего еще час, ровно до двенадцати, как разрешалось в объявлении.

Жизнь в палатке зимой у Полярного круга не казалась особенно трудной. Конечно, требовалась временная заготовка дров, которая, в сущности, являлась для нас всего лишь физкультурой. В воскресный день брали у конюхов лошадь и отправлялись в тайгу за сухостоем. Одного веза сухостоя и двух везов сырых

дров вполне хватало на неделю. Палатка отапливалась постоянно, за исключением того времени, когда спали. На ночь в печь закладывали толстые сырые дрова, которые, постепенно разгораясь, докрасна накаляли бока печи и поднимали температуру в палатке чуть не до сорока градусов тепла, так что приходилось открывать дверь на улицу. Когда температура становилась нормальной, мы засыпали в своих спальных мешках, прикрытые сверху заячьими одеялами.

Теплый воздух через час-полтора сменялся морозом, а утром было холодно, как на улице, то есть сорок — сорок пять — пятьдесят градусов ниже нуля. Спать в ватном мешке, да еще под заячьим одеялом, было прекрасно, но вот вставать, решиться выскочить утром из спального мешка, чтобы растопить печь — это уже было хуже. Когда по палатке разливалось благодетельное тепло, на печку ставился большой чайник со льдом, запас которого в мешках хранился на улице возле палатки. Вскоре треск распадающихся и тающих льдинок возвещал, что на дне чайника появилась вода. Она сливалась в кружку. Догоры выскакивали на улицу и умывались.

В общежитии, конечно, было лучше, но там иногда не хватало дров, вечерами поднимался галдеж, в котором каждый проявлял себя по-своему. Заключались пари, порой очень странные, если не сказать нелепые. Очевидно, на некоторых товарищах неблагоприятно сказывалось отсутствие женского общества, а других просто привлекала перспектива скандальной известности.

Но с началом занятий на коллекторских курсах дисциплина сразу поднялась. Теперь в общежитии по утрам оставался только радист Сережка-Медное Дерево, прозванный так за свою феноменальную лень, флегматичность и сонливость. Никто не мог переспать Медное Дерево, хотя пробовали состязаться и в этом.

Отсутствие рабочего помещения заставило геологов проводить камеральную обработку материалов на дому. В холостяцких зимовьях пылились прекрасные новые микроскопы, но больше ничего не оставалось делать.

Самой необходимой и в то же время самой простой работой при камеральной обработке собранных летом материалов является просмотр шлихов, взятых при лотковом опробовании речных наносов. Правда, знаки золота в шлихах устанавливаются еще в поле, и руководство экспедиции уже с осени наметило объекты для шурфовки. К сожалению, особенно перспективных долин не оказалось. Больше всего знаков золота было встречено на правобережье Колымы, куда направили разведку во главе с Ратюшковым. На левобережье Колымы, в бассейнах рек Рассохи и Зырянки поисковое опробование дало достаточно ясную картину бесперспективности на золото этой области. Шурфовочные работы здесь планировались для получения достоверных доказательств отсутствия промышленного золота, для опровержения ошибочного утверждения Попова.

Руководство экспедиции уже не сомневалось, что промышленного золота, такого, как в приисковом Колымском районе, они не найдут. Хорошо, если удастся отстоять в этом смысле правобережье Колымы. Находки Попова оказались мифом. И этот миф помог развенчать счастливый случай. В Верхнеколымске экспедиция нашла сподвижника Попова, его конюха якута Данилова.

Один из лучших поисковиков Колымы — Иннокентий Иванович Галченко в сопровождении Данилова отправился искать клады Попова. Разведчики оказались в бассейне реки Зырянки, устье которой находилось в пятнадцати километрах ниже Верхнеколымска. Опробование долины реки было достаточно обескураживающим — не нашли даже мелких знаков золота. В долине небольшой речки Бочеры, правого верхнего притока Зырянки, в ущелье, на десятиметровой речной террасе, Данилов показал Галченко неглубокие, в пятнадцать — двадцать сантиметров ямки, откуда Попов добыл самородки золота. Произведенная Галченко шурфовка дала только ничтожные знаки золота. Тогда Данилов обратил внимание поисковиков

на выброшенные вместе с породой кристаллы серного колчедана — пирита. Оказывается, Попов за золото принимал пирит! Обычная ошибка людей, не знающих золота! Можно привести большое количество аналогичных анекдотических случаев, когда чрезвычайно распространенный повсюду серный колчедан из-за его цвета принимали за золото. Итак, большие средства были затрачены для выяснения анекдотической ошибки малограмотного казачьего пятидесятника. И снова Билибин оказался прав! Конечно, геологическая съемка «белого пятна» сама по себе тоже является необходимым для государства делом, но ведь средства-то отпущены на золото! И они с несравненно большей для страны пользой могли быть использованы в приисковом районе Колымы. И хотя в первый же год работы экспедиции удалось расширить границы угленосного Зырянского района, найти новые пласты хорошего каменного угля, дать прогнозные запасы его и даже начать добычу угля для нужд Главсевморпути, но это не оправдывало затрат на экспедицию. Нужно было найти месторождение металла! Установление выходов ультраосновных пород в бассейне Рассохи и Зырянки насторожило геологов и подбодрило Цареградского. Дело в том, что с ультраосновными породами связана драгоценная платина, которую нашел пепеляевский офицер на соседней Индигирке. Такая находка вполне компенсировала бы отсутствие золота. Срочно были заказаны петрографические шлифы из образцов ультраосновных пород, дано указание искать во взятых шлихах минералы платиновой группы — может быть, удастся найти платину!

Подозрительные на платину минералы оказались в шлихах, взятых в бассейне Зырянки, где не было встречено ультраосновных пород. Однако это не очень смущало: ведь произведенные исследования были маршрутными, и ультраосновные породы могли быть пропущены. Однако исследования шлихов под микроскопом не давали ничего определенного: то ли это какие-то платиноиды, минералы, содержащие платину, то ли шпинели, не имеющие никакого отношения к ней. Увлечшись поисками, всюду стали находить подозрительные минералы. Даже на правобережье Колымы,

в шлихах, взятых партией Ратюшкова, просматривавший их Елышев отыскивал крупное зерно платины, якобы с характерным для нее цветом и блеском. Однако при ближайшем рассмотрении оно оказалось осколком железа, очевидно лопаты, обломившейся при рытье закопушки, из которой брали шлиховую пробу.

Необходимо было проверить наличие платины химическим анализом, но химической лаборатории не было. Геолог Каузов, геохимик по образованию, соорудил вытяжную трубу в своем зимовье и начал производить анализы. К нему, пересекая всю базу, зачастило начальство. В целях поощрения Каузову отпускался в неограниченном количестве спирт для горелок; жившему с ним великану Гене Русеву, учитывая его габариты, официально было разрешено выдавать полуторный паек. Оба они ходили веселые, оживленные, а Каузов часто бывал более чем весел. Всем посетителям домашней лаборатории он совал под нос пробирки и спрашивал, чувствует ли тот явственный запах мышьяка. Каждый делал вид, что да, чувствует. Всем так хотелось, чтобы платина была найдена!

— Надо думать, мышьяковистая платина, спериллит. Есть такой минерал, если вы помните, — насмешливо улыбаясь, сообщал Каузов.

Об этом очень редко встречающемся и малоизвестном минерале он только что вычитал из учебника минералогии и хорошо знал, что о спериллите никто из геологов не помнит.

В честь открытия платины устроили вечеринку в доме Цареградского. Его заместитель Лунеко принес мороженных чиров на закуску и подсчитывал голоса геологов «за» и «против» платины.

— Я сообщил Берзину, что большинство наших геологов считает, что мы открыли платину. Но есть и противники этого мнения. Ну вот, давайте еще раз выясним, кто считает платину открытой, а кто отрицает ее нахождение.

Чтобы заставить Лунеко расщедриться и снова сходить за чирами и спиртом, все шути поддерживали его точку зрения...

...В декабре горное управление вызвало в Средникан Раковского. Цареградский готовил доклад о ре-

зультатах работ первого года экспедиции. Всех геологов приглашали критически просмотреть его.

— Не стесняйтесь, делайте замечания, чиркайте. Может быть, что-то нужно переделать. Начальник экспедиции на редкость терпеливо относился к критике.

Усевшись за чтение доклада, мы хором начали доказывать недостаточную убедительность аргументов относительно открытия платины и ее регионального распространения. Раковский быстро дал себя убедить и согласился весь раздел доклада о платине рассматривать как проблематику. И, таким образом, открытие платины на всей площади работ экспедиции было поставлено под вопрос. Абзац с предположительными высказываниями о платине на правобережье Колымы я попросил вообще изъять из доклада, поскольку материалы правобережья, обрабатываемые мной, не давали оснований для такого вывода. Цареградский в конце концов тоже согласился с нами. Раковскому были переданы шлихи с предполагаемыми платиноидами для передачи их на анализ в минералогическую и химическую лаборатории горного управления в Среднечане. Кстати, среднечанские лаборатории ничего не могли сказать определенного по этому вопросу и попросили прислать таинственный минерал в большем количестве. Но в следующем году повторить шлиховое опробование не удалось, и вопрос в сущности остался неразрешенным. С крушением легенды о платине перспективы экспедиции стали весьма неутешительными.

ЗИМА

Суровый климат Заполярья мы почувствовали только после Октябрьских праздников, хотя снег лежал уже больше месяца. До ноября не было больших морозов, и все себя чувствовали по-осеннему. Зимнюю одежду обычно распахивали на ходу — она оказалась еще излишне теплой, шапки сдвигали на затылок, открывали лоб и чаще всего щеголяли по базе без перчаток.

Настоящая зима началась в ноябре, с морозами ниже 50 градусов, с короткими днями, когда солнце

только показывалось на горизонте и, окрашивая в багряные тона небо, снова исчезало. Тусклый диск солнца в морозные дни еле просвечивал сквозь туман. Вокруг него иногда наблюдались ложные солнца — еще два симметрично расположенных желтых диска. Однажды сквозь морозную мглу можно было различить шедшие от солнца две перпендикулярные друг другу цветные полосы, образовавшие фигуру, похожую на крест. Солнце стало холодным, неласковым.

В короткие зимние сумерки, заменявшие собой день, трудно было оценить красоту заснеженных лиственниц. Отсутствие яркого света придавало мрачный колорит даже девственно белому снегу.

Впервые за последние десять лет я попал в обстановку, где почти не было книг, жил без очередного книжного увлечения, выполняя свои, пока несложные обязанности, и все ближе и ближе сходясь с товарищами.

— Приходите поговорить о потустороннем, — звал иногда Цареградский.

И мы шли к нему на целый вечер ворошить в памяти все заслуживающее внимания. Не торопясь, делились воспоминаниями о Ленинграде, где мы все учились, рассказывали о своих путешествиях, несбывшихся планах, о своих книжных и научных увлечениях, о встречах с известными людьми.

Рассказывал все больше Валентин Александрович. Он был старше всех, раньше других начал заниматься геологическими исследованиями и сейчас имел за плечами уже восьмилетний стаж самостоятельной работы. Как и многие из первых исследователей Колымы, он когда-то работал на Алдане, оказавшемся превосходной школой для будущих колымчан: почти такие же суровые таежные условия, тот же уклон в исследованиях — поиски золота. Но все-таки на Алдане жилось легче. Не было полной оторванности от населенных центров страны, от железной дороги, да и сам край не так пустынен и огромен, как Колыма с ее тысячекилометровыми расстояниями.

— Повезло вам в жизни, Валентин Александрович: сразу на свою золотоискательскую стезю попали.

— Ну, это как сказать. Пожалуй, наоборот. Ведь

я в душе больше палеонтолог и увлекался изучением мезозавров.

— Откуда у вас такое увлечение?

— С кем поведешься, от того и наберешься. Еще будучи студентом я начал работать с профессором Рябининым, специалистом по древним позвоночным животным. Первую самостоятельную работу провел в бассейне Северной Двины, в классическом районе развития слоев с костями древних ящеров. Вот тогда и увлекся изучением этого класса животных. Как-никак шесть статей о них написал. Две статьи опубликованы в «Трудах палеонтологического общества». Помню, раздобыл дохлого варана из зоологического сада, отпрепарировал скелет, выварил его, привел в порядок. И все для того, чтобы, изучив его, можно было сравнить скелеты современных ящеров со скелетами мезозавров. Большая тема назревала: эволюция костного скелета. Все-таки жалею, что перестал заниматься палеонтологией. По окончании института меня пригласили в аспирантуру Академии наук.

Не думал и не гадал, что так долго задержусь на Колыме. Правда, Сибирь меня всегда интересовала. После работы на Алдане меня взяли на учет в секции золота и платины Геологического комитета как специалиста по золоту. Золотая промышленность нуждалась в специалистах, вот я и оказался на Колыме по заданию «Союззолота». Специалистов и до сих пор не хватает, а пять лет тому назад их совсем было мало, каждый студент состоял на учете. С четвертого курса, за год до окончания института, мы уже назначались начальниками геологических партий, так что зимой приходилось и учиться и работать.

Первая зима в Заполярье всегда переносится тяжело: угнетающе действует темнота. Зима кажется бесконечной.

За несколько дней до Нового года на нашу базу приехали руководители речного затона на Колыме, расположенного чуть ниже Среднеколымска, около устья речки Лабуи. Они остановились у Цареградского, возле дома которого поставили свои нарты. В этот

же вечер в общежитие вбежал Николай Клеменков, единственный комсомолец в экспедиции. По его возбужденному лицу было видно, что он задумал какую-то веселую проказу.

— Братва, парходские начальники везут Берзину нельму, да какую — длиной во всю нарту. Давайте ставим для общего новогоднего стола.

— Как бы не попало нам за это? Нельма-то начальнику Дальстроя предназначена.

— А кто узнает? Пропала и пропала рыбина!

— А вдруг Цареградского подведем? Неловко получится.

— Ерунда, при чем тут Цареградский. Пошли, ребята!

Через несколько минут со смехом и гамом в общежитие втащили громадную нельму. Она не помещалась по длине в одном куле, поэтому и с головы и с хвоста на нее было надето по большому мешку, перевязанному веревками.

Нельма, вероятно, весила не менее сорока килограммов. Полюбовавшись рыбиной, большинство предложило водворить ее на место. Но к утру от нельмы все-таки ничего не осталось — ее стащили с нарты и съели собаки, не испугавшиеся возмездия.

Наступил Новый год. Прошла темная и морозная половина зимы. Скудное однообразие дней, протекавших не столько в работе, сколько в борьбе с морозами, прервалось праздником.

Неторопливо проходили январь и февраль. Днем морозная тишь нарушалась стуком плотничьих топоров — строили временное служебное помещение для геологов, двухкомнатный барак. В морозном воздухе особенно звонко и гулко раздавался каждый удар по замерзшему дереву. Плотники прекращали работу только при температуре ниже 55 градусов. На разведках при такой низкой температуре рабочие дни должны активизироваться, но там это правило не могло строго соблюдаться из-за отсутствия низкотемпературных термометров.

Все было комом в первую зиму.

Геологи по-настоящему могли начать изучение собранных летом материалов лишь в феврале, когда

сквозь бязевые окна стало проникать достаточно света для работы с микроскопом и бинокулярной лупой.

В декабре и январе, при тусклом свете свечей, которых к тому же не хватало на весь вечер, занимались лишь самообразованием. Преподавательская работа на коллекторских курсах не отнимала много времени, поэтому геологи засели кто за учебник английского языка, кто за повторение институтских курсов по петрографии, минералогии и палеонтологии. Штудировали популярных в то время Джולי и Вегенера, книги которых нашлись у Цареградского.

Увлекающийся спортом Каузов организовал кружок регбистов. Регби, или американский футбол, — игра опасная, в которой почти нет ограничивающих правил. Играли вечерами на покрытой глубоким снегом Колымской косе. Толстый слой снега предохранял от членовредительства. Сие благоприятное обстоятельство особенно учитывалось, когда в игре участвовал Русеев. Жалобы на легкие ушибы и повреждения не принимались в расчет.

На льду Колымы устроили довольно большой каток, но коньки были только у Каузова, и катались на них попеременно, что было не так уж приятно. Вскоре пустующий каток был занесен снегом.

В начале марта на Севере уже много солнца. Дни стоят еще морозные, но уже достаточно длинные. Отраженные снегом лучи солнца наполняют воздух таким количеством света, что от него становится больно глазам.

Настроение у всех поднимается, словно вместе с темнотой сбросили с себя какую-то тяжесть.

На базе экспедиции большое событие — отправка коллекторов на месячную практику. Их десять человек. Во главе учебной разведки поставили прораба Новика. В ста пятидесяти километрах от Колымы, в долине ключа Сатаны, они должны пробить две линии шурфов.

За день до отъезда Русев позвал к себе всех преподавателей на традиционную предотъездную вечеринку. Придя к назначенному часу в зимовье Каузова, я с неудовольствием заметил, что оказался первым. Хозяева почему-то смутились, заговорщически посмат-

ривая друг на друга. Я тут же повернул обратно, но мне не дали уйти.

— Обойдемся и без того продукта, — о чем-то непонятном сказал Данила Аркадьевич в ответ на вопросительный взгляд Русеева.

Вскоре подошли и остальные гости. Гена подал на стол громадную сковороду с жареными кусочками мяса и несколько бутылок кофейного ликера.

— Что это за мясо, Гена? — спросил кто-то из гостей.

— А тут всего понемногу: глухарь, оленина, зайчик. Я на днях двух глухарей взял километрах в шести отсюда. Можно было бы еще нескольких подстрелить, но снегу там по пояс, а я был без лыж.

Пили маленькими глотками обжигающий рот ликер. Он действительно был вкусен, но только уж очень крепок, вероятно, не менее девяноста градусов. Под такой ликер мясо было уничтожено моментально. Все хвалили прекрасные поварские способности Гены, который весело смеялся в ответ на комплименты. Последние кусочки, оказавшиеся с хрящиками, доедал запоздавший геодезист Зеленский.

— Должно быть, глухарина шея, — определил он.

На десерт был подан кофе по-турецки, так по крайней мере утверждал Русеев. Вечер прошел на славу — вкусно поели, в меру выпили и пошумели...

...В морозное солнечное утро коллекторы ушли в далекий поход. Первая ночевка была назначена в зимовье за сорок пять километров. Транспорта еле хватило под продовольствие и личные вещи. Через два дня кто-то из приехавших с Угольной рассказал, что один коллектор сильно обморозился в дороге.

Но кроме печального известия об обмороженном коллекторе, было сообщено на потеху всей базе, чем накормил Гена на вечеринке своих преподавателей. Оказывается, вкусное мясо, поданное на горячей сковородке, принадлежало больше чем наполовину щенку, заколотому Генкой. Мой ранний приход, как рассказывал Каузов, помешал подоить собачку — ведь для кофе нужно было молоко. Все пострадавшие отнеслись к этому известию спокойно и чувствовали себя чуть ли не героями: дескать, никто кроме нас здесь собак не

ел, а мы вот ели. Только геодезиста Зеленского, вспоминавшего, как он обгладывал хрящики собачьего хвоста, принимая их за глухаринное горло, мучило несколько дней.

Через две недели, возвращаясь с бочерской разведки, Зеленский заехал к коллекторам и взял реванш. Совершенно спокойно, как бы сожалел о случившемся, он докладывал коллекторам:

— Я, конечно, простил бы это издевательство, но общественность настолько возмущена, что потребовала составления протокола и передачи его на рассмотрение прокуратуры в Среднеколымск. Боюсь, что прокурору не понравится Генкин поступок. Магадан тоже все знает, и начальнику экспедиции пришла грозная телеграмма с приказом наказать виновника происшествия. Сами, хлопцы, понимаете, какую нежелательную окраску можно придать такому поступку. Ведь враги наши скажут: у них нет даже мяса, принялись за собак! Но будем все-таки надеяться, что суд примет во внимание молодость Гены и не очень строго накажет его.

Русеев лежал на нарах ни жив ни мертв. Потом совсем не присущим ему жалобным, перехватывающимся от волнения голосом начал оправдываться:

— Не понимаю, почему все свалили на меня. Небось Каузова не трогают, он инженер, специалист, его выгораживают, а меня, темного, необразованного человека, под суд отдадут.

— Вот как?! — возмутились лежавшие рядом товарищи. — Ты, оказывается, темный, необразованный человек. А кто несколько дней тому назад посмеивался над нами, над нашей некультурностью? Кто хвастал знанием французского языка?

А Зеленский все три дня, что пробыл у них, участливо вздыхал и жалел Гену, сочиняя все больше и больше подробностей о возмущении всей базы его поступком и о передаче дела в суд.

Русеев считал себя конченым человеком — в лучшем случае останется на свободе до осени, так как отсюда он прямо уедет в полевую партию. А осенью все равно надо возвращаться на базу и, быть может, сесть в лагерь. Будь она проклята, чертова собачка,

паршивый щенок! Задавить бы его и выбросить! Да и Каузов хорош — все свалил на товарища.

И только садясь на нарты, чтобы через минуту уехать на базу экспедиции, Зеленский решил больше не томить Гену и сознался, что он сочинил историю с протоколом.

...В конце марта наконец выстроили контору для геологов. Можно, следовательно, было работать. Окна затянули бязью, но весеннее солнце светило ярко, и геологам, после их приземистых темных избушек с миниатюрными окошками, после палаток и мрачного общежития, барак с его высоким потолком и большими окнами показался очень светлым помещением. Так приятно вновь привыкать к настоящему столу, где можно разложить книги, образцы, поставить микроскоп и нормально, положив локти на стол, писать. Жесткий табурет заставлял быть строже, официальнее, дисциплинированнее, не то что расслабляющая человека кровать, которая у геологов в их зимовьях, палатках, общежитиях часто являлась единственным сиденьем.

Никаких обязательных часов для посещения конторы не объявляли, но геологи после завтрака и обеда с удовольствием шли туда поработать. Каждый занимался своими материалами, делая упор на то, что больше всего его интересовало. Трушков занимался главным образом определением минералов. Сушаков и Зимин определением флоры. Я пытался составить карту по материалам Ратюшкова и просматривал петрографические шлифы. Только Каузов, почувывая весну, ничем не занимаясь, приходил в контору повеселить товарищей анекдотами. Он изобрел еще одно развлечение: по субботам из жарко натопленной бани, из раскаленного воздуха полка, где иступленно хлестали себя венниками парильщики, выскакивал на улицу и, несмотря на мороз, голый бежал по базе к кому-нибудь из геологов выпить стакан чайку. После чего опять в том же виде бегом возвращался в баню еще разок попариться. Другие парильщики предпочитали освежиться старым деревенским способом — поваляться несколько секунд в сугробе у бани. Такая процедура удивительно хорошо взбадривает здорового человека. Впрочем, в декаб-

ре и январе, в пору самых лютых морозов, валяться в снегу не решались.

С наступлением весны появились новые заботы — нужно было обеспечить переброску партий в далекие районы.

В Кыгыл-Балыктах, в зимнее становище эвенов и якутов, выехал заместитель начальника по хозяйственной части Михаил Лазаревич Лунеко. Ему удалось заключить договор, по которому колхоз предоставлял экспедиции оленей для перевозки грузов на базы полевых партий...

С возвращением Лунеко началась подготовка к выезду на полевые работы. Начальники партий по очереди получали продовольствие, одежду, снаряжение. Все старались достать как можно больше спирта, обуви и ружейных припасов. Плохо, например, было с мясными консервами, но это как-то мало трогало полеви́ков, очевидно, все надеялись на удачную охоту. Консервы берегли всю зиму, выдавая по три банки в месяц на человека, — паек весьма скудный для полярников.

Разъезд полеви́ков начался в конце марта. Первым двинулся в тайгу Трушков. Ему надо было проехать в вершину Омудевки, за пятьсот километров от базы. Уехал на реку Далекую Галченко. Отправили на Бочеру грузы моей партии.

В середине апреля на базе никого из полеви́ков, кроме меня, не осталось. Я решил ехать со своим промысловиком Некрасовым на собаках. Грузы партии и сопровождающий их коллектор Салежинский были уже переброшены на Бочеру и находились в зимовье разведчиков. А пока что Некрасова отправили на собаках в Среднеколымск за спиртом для участников будущего сплава по Зырянке. Уехал на Угольную и мой приятель Якушкин. Там готовились к навигации — строили кунгасы, на которых уголь будет доставлен на базу экспедиции. На Колыме зарождалась своя угольная промышленность. Примерно в семидесяти километрах выше устья, в левом борту Зырянки, обнажались пласты превосходного каменного угля. Один из них достигал девятиметровой мощности. Впору было подводить кунгас к пласту и ломать уголь прямо в

кунгас. Уголь был нужен для электростанции, которую должны были выстроить осенью.

В ожидании Некрасова я переселился из палатки, в которой теперь оставался один, в избушку своего промысловика. Да и пора было убирать палатку с Колымской косы — через месяц начнется весеннее половодье.

Хотя геологи почти все разъехались, Цареградский продолжал работать в конторе. Я также целыми днями торчал там, заканчивая обработку материалов Ратюшкова. К нам обычно присоединялся прораб-поисковик Новик. Тихон Федорович Новик относился к людям, которые пошли вдоль тайги, как здесь выражаются. Человек он тертый, с налетом городской образованности, был когда-то старателем. Ему под пятьдесят лет, но еще вьются седые кудри, цветет на щеках румянец. Высок, статен, мужчина хоть куда. Прошлого его никто не знал. К тому же у него была такая переплеталась с небылицей, сочинять он большой мастер, — что ему бы все равно не поверили, если бы, паче чаяния, вздумал говорить правду. Придя как-то в контору, где сидели Цареградский и Зеленский, он начал рассказывать о методе холодного воронения ружейных стволов.

— Врете все, нет такого способа! — кричал Зеленский.

— Ну, Николай Иванович, что вы говорите. Я же знаю, что есть. Вот давайте спросим Валентина Александровича, он не даст соврать.

Цареградский весело хохотал, но ни одним словом не вмешивался в диспут.

В другой раз Новик рассказывал о стометровой высоты лиственнице на Лене, которую он срубил для радиомачты. Потом стал уверять, что, опять же на Лене, убили, он сам видел, медведя в восемьдесят четвертей длины.

— В четверти-то ведь двадцать сантиметров, — заметил Зеленский.

— Правильно, — подтвердил рассказчик.

— Так ведь если двадцать сантиметров помножить на восемьдесят, это же получится, что медведь-то ваш был шестнадцати метров длиной.

— Ну, клянусь вам, сам видел, при мне шкуру мерили,— продолжал врать увлекшийся Новик.

...Некрасов возвратился только 28 апреля. Дорога стала тяжелой, мокрой, и он целых пять суток должен был потратить на преодоление пятисот сорока километров. Кроме спирта, он привез осетра, осетровой мороженой икры. Было чем встретить Первомайский праздник. Всю эту благодать он приобрел в Родчево в обмен на свою долю спирта. Отделив большую часть благодати, Некрасов роздал ее своим хорошим знакомым. Остальное было решено пожертвовать на отвальную вечеринку. Выезжать решили в ночь на Первое мая. Ждать было некогда, кругом все таяло, вот-вот пойдет полая вода и еще застрянешь где-нибудь в дороге, без продуктов, без жилья, без палатки и печки, так как все уже отправлено в район работ.

В одиннадцать часов вечера собачья упряжка во главе с Сокотком стояла возле избушки Некрасова. Выехали светлой северной ночью, напоминавшей поздние сумерки умеренных широт. В первые дни мая возле Полярного круга ночь не белая, это еще только серая ночь. Светло, но все предметы видны словно сквозь дымку. Ехать можно только ночью. Днем мокрый снег липнет к полозьям нарты и собаки быстро выбиваются из сил.

Нарта наша была сильно перегружена. Постели и вычюные ящики высоко возвышались над ней и делали ее неустойчивой. Для такого количества вещей и двух человек надо бы иметь две нарты. После встряски на первых дорожных выбоинах багаж начал расползаться, потом, на косогоре, нарта перевернулась. Пришлось вновь укладывать и завязывать вещи. Собаки, взявшие вначале бодрой рысью, стали задыхаться, видно было, с каким напряжением они тянут тяжелые нарты. Поэтому я бежал сзади, держась за веревку, и только когда дорога шла под горку, вскакивал на нарту, чтобы передохнуть. Часа через три Некрасов решил дать отдохнуть собакам. Я ушел вперед. Дорога одна, и заплутаться было невозможно. В тайге было тихо. От высоких лиственниц, уже освещенных утренним солнцем, падали на дорогу мрачные тени. Кругом лежал уплотнившийся, осевший, но все-таки еще глубокий

снег. Еле заметная зимой узкая лента дороги сейчас приобрела четкие очертания, возвышаясь над окружающим снежным пространством, так как утрамбованный за зиму снег на дороге не садился.

Я шел не торопясь, то мечтая о будущей работе, то вспоминая прошедшую зиму. Ходьба доставляла удовольствие. Только часа через два мое созерцательное состояние было нарушено криком Некрасова. Я оглянулся. Собачий потяг, надбавив ходу, неся за мной.

— В сторону, в сторону! — кричал Некрасов и махал руками, показывая, что надо бежать прочь с дороги.

— Ах, вот в чем дело, на меня может броситься потяг.

Проваливаясь в глубокий снег, отбежал метров на тридцать в сторону. Собаки, далеко до моего поворота с дороги, тоже свернули и по целику бросились ко мне. Некрасов тормозил нарту остолом. Вынужденные с силой упираться в снег, чтобы тащить заторможенную нарту, собаки проваливались и, не добежав до меня, задыхаясь от усталости, но в азарте еще порываясь вперед, застряли в глубоком снегу и постепенно успокоились.

— Давай, выходи на дорогу и отойди за нарту, — попросил Некрасов. — Когда выведу собак, подойдешь сзади и сядешь.

Если впереди потяга появляется какой-нибудь движущийся предмет, собаки страшно возбуждаются и что есть сил бросаются к нему и рвут в клочья. На базе экспедиции несколько раз случалось, что влезающий в поселок потяг разрывал или сильно ранил собаку, попавшуюся ему на дороге. Десять — двенадцать собак, путаясь в постромках, рычащим клубком бросались на поверженного собрата, и только удары нескольких палок, беспощадно обрабатывавших их бока, могли привести собак в чувство. Это была коллективная форма охотничьего азарта. Через два-три часа, успокоившись и разойдясь поодиночке, псы превращались в мирных, меланхолических обитателей базы, даже не лающих на прохожих.

В зимовье на Зырянке мы застали разведчиков, возвращающихся с Бочеры. Они сообщили, что кол-

лектор Сапежинский вместе со всеми грузами моей партии уже на Бочере.

Зная буйный нрав Дмитрия Игнатьевича, я не хотел брать его с собой в поле.

— Не беспокойтесь, Андрей Васильевич, я солдат и дисциплину знаю. Никаких недоразумений не будет, только прошу вас не привозите в партию спирта,— заверял Сапежинский.

Попив чайку с разведчиками, отправились на Угольную. Я дошел туда поздно. Некрасов уже давно прикатил на собаках.

Дальше поехали снова в ночь. Теперь ехали по руслу Зырянки. Некрасов по-новому уложил вещи, оставив лишние из них на Угольной до летнего транспорта.

Река прорезала невысокие увалы, сплошь поросшие лиственничным лесом. На ее левом берегу появились первые обнажения.

— Вон, видишь, уголек выходит,— показывал Некрасов,— это самый толстый пласт.

Я безуспешно пытался рассмотреть его в серых сумерках.

Вскоре увалы сменились горами. По реке стало больше попадаться обнажений коренных пород, их скальных выходов, подмываемых рекой. Дорога была тяжелой, и мы попеременно шли пешком.

Чтобы подбодрить собак, Некрасов, завидя пролетающую кедровку, стрелял, и тогда собаки, забыв об усталости, залааяв, бросались вперед.

Как только стало припекать солнышко, встали на отдых. Привязали к лесине собак, сварили на костре чай.

Перед тем как лечь спать, Некрасов вытащил мясо, разрубил его на равные одиннадцать кусков и накормил псов, строго наблюдая, чтобы более сильные не отнимали мясо у более слабых. Только для Сокотка, вожака потяга, было сделано исключение — он получил двойную порцию.

Проснулись мы под вечер от шума, поднятого двумя дерущимися собаками. Опять разожгли костер и в ожидании наступления ночи развлекались разговорами.

— Яков Тимофеевич, ты бы хоть рассказал, как попал на Колыму. По договору, что ли?

— Какой там по договору! В 1928 году никаких договоров со старателями не заключали. Самочинно пробирались на Колыму.

— Как же тебя занесло так далеко? Ты ведь родом с Онеги, кажется?

— Оттуда, отсюда, с Онеги. Природный сплавщик леса. Мне здешние таежные реки нипочем. Вот все твердят: Бохапча, Бохапча! А что особенного на Бохапче? Мне на родине и не по таким рекам приходилось сплаваться. Взять хоть молевой сплав. Всегда по речкам то там то здесь образуется затор. Забьет всю речку бревнами и стоят они, как на приколе. Вот попробуй-ка расчистить в таком заторе бревна, снова пустить их по реке. Тоже не всякий сможет и не у всякого смелости хватит. Приходилось по несколько километров на одном бревне плыть, да не сидя верхом (сплавщики бы увидели — засмеяли), а стоя. Были у нас ловкие ребята, такие ухверты, что на спор брались проплыть на бревне, стоя на руках, через перекат.

— Как же ты все-таки на Колыму попал?

— Так я не сразу попал сюда, сначала на Алдан поехал, потом в Охотск, а уж из Охотска судьба занесла на Колыму.

— Что, золотишко в Охотск поманило?

— Оно, оно — сначала на Алдан меня потянуло, а потом и в Охотск.

— Ну и что же — находил золото?

— А как же! Не скажу, чтобы очень фартило, но жить было можно.

— Чего же ты тогда метался с Алдана в Охотск, из Охотска на Колыму?

— Да как тебе сказать. Интересно новые места посмотреть. А главное, все надеялся напасть на настоящее, большое золото. Так вот и повело меня вдоль тайги. Шесть лет уже хожу. Не знаю, как отец с матерью живут. На Алдан меня сманил дружок-сибиряк.

Вместе с ним в Брянске в Красной Армии служили. Как только демобилизовались, по бесплатному воинскому литеру прикатили на Невер, а оттуда пешком за обозом на алданские золотые прииски. Там и лотком шуровать научился, и кайлом в шурфе орудовать. Незавидные участки нам попадались, вот мы поэтому с Учура, есть такой приток у Алдана, и махнули в Охотск. У обоих по якутскому коню. Сначала до Аяна добрались, а оттуда вдоль берега моря побрели в Охотск. Явились в Охотск, а там и без нас народу хватает. Кое-как удалось пристроиться. Все-таки у нас два коня — большая подмога для любой безлошадной артели. Начали мыть золото на Кухтуе. Так себе золотишко — с голоду не помрешь, но и много не зарабатываешь. Зиму перебились, однако. А весной слух пошел, будто на Колыме богатое золото открылось. Все старатели только и думали, как бы пробраться на Средникан. Туда от Охотска поболее семисот километров, да и дорогу никто толком не знал. Охотские власти запретили старателям уходить на Колыму, потому что знали — плохо там с продуктами. Да разве нашего брата удержишь, испугаешь чем-нибудь, если богатое золото нашли.

— Кто же слухи-то распустил? Видно, старатели побывали на Колыме?

— Был такой в Охотске старатель Федор Поликарпов. Головастый и смелый мужик. Позже на Колыме горным смотрителем работал. Он еще в 1922 году с Сафеем Гайфуллиным, приятелем погибшего Бориски, бывал на Колыме. Золото искали. Неподалеку от устья Гербы в нее слева впадает речка Сулухучан. Они по ней сначала ходили, потом перевалили в верховье Средникана. Зимовьюшки ихние до сих пор там стоят. Но за большое золото не довелось тогда зацепиться. Было кое-что, но, можно сказать, возвратились пустыми. Поликарпов, однако, не оставил мысли о Колыме. В 1926 году ему удалось пристроиться к транспорту с продовольствием для якутского поселка Сеймчана. Об этом узнали бывалые старатели Канов и Бовыкин и бросились его догонять. Канов, как и Гайфуллин, тоже был дружкой Бориски, еще в 1914 году они вместе в первый раз попали на Колыму. Ну,

догнали они Поликарпова в Оле и сбили маленькую бригаду, чтобы легче разговаривать с торговыми организациями. Вроде будто не хищники, а трудовая артель. В Оле в то время оказался уполномоченный Дальгосторга Миндалевич. Того вокруг пальца не обведешь. Продукты дает, но в обмен требует расписку по всей форме, в которой старатели обязуются, если откроют золото, заявки на золотоносные площади оформлять на имя Дальгосторга. Ну куда ребятам деваться, без продуктов в тайгу не пойдешь. Согласились, конечно. Видно, легкая рука у Миндалевича — повезло хлопцам, девять площадей застолбили, в том числе Бовыкин застолбил и ту площадь, где в 1916 году Бориска шурфы бил. Но самым счастливым оказался Поликарпов. Завидное золото он нашел по ключу Безымянному, левому притоку Средникана. Только бы работать, глядь продукты кончились, и по весне, в 1927 году, пришлось им выбирать на побережье и потом в Охотск. Ну тут они уж не зевали. Собрали своих дружков в Охотске, набрали продовольствия, купили лошадей и на своем транспорте восьмером уехали на Средникан. Зимой 1927/1928 года хорошо заработали на Безымянном ключе. Весной опять вышли из тайги в Охотск. О колымском золоте охотские старатели знали кое-что и раньше. Поликарпов, Канов и Бовыкин в 1927 году тоже не с пустыми руками возвратились, но в первый раз золотишка у них было немного. Может, они остерегались рассказывать — зачем им свое богатство выдавать?

А уж весной 1928 года, когда возвратились с Колымы второй раз, не стали утаивать. Тем более, поругались они между собой. Поликарпов заявку на золотоносную площадь послал в якутскую контору, потому что Средникан к Якутской республике относился. И почему-то не на себя, а на своего приятеля Швецова оформил заявку. Большие расходы понес он при закупке лошадей, ну и требовал, конечно, чтобы расходы на всех разложить поровну, а остальные не соглашались. На Миндалевича и на свое обещание застолбить для Дальгосторга золотоносную площадь они, понятно, наплевали, да к тому времени в Оле был уже другой уполномоченный, которому об их распис-

ке не было известно. Обидно показалось Поликарпову, что золотиносный участок на Безымянном поделили поровну, а расходы пали на него одного. Рассердился мужик на своих товарищей и вступил в переговоры с уполномоченным АКО, был такой в Охотске с нерусской фамилией Лежава-Мюрат. Вот через него Поликарпов и передал свои права на ключ Безымянный. Товарищи его остались с носом.

Как стало все известно, старатели давай рваться на Колыму, в Сеймчанский район. Поселка на Средникане еще не было, а от Сеймчана там всего пятьдесят километров, поэтому и называли Сеймчанским районом.

Не только сибиряки туда рвались. И аляскинские хищники, мывшие золото на Охотском побережье, тоже потянулись на Колыму. Организовали они артель во главе с американцами Хеттлом и Соллогубом. Второй-то, правда, русский, но тоже в 1923 году из Аляски прибыл и тоже был членом Аянской корпорации золотоискателей. Был у них привезенный с Аляски небольшой старенький бойлер. Я его потом видел на Безымянном. Хеттл бросил и бойлер, когда узнал, что приехала экспедиция Билибина, и куда-то удрал с Колымы. Может, в Америку возвратился с нашим золотом...

Слушали, слушали мы рассказы о Колыме, да и надумали пробраться туда. Подговорили еще одного товарища, тоже с конем.

Продуктов в Охотске было вдоволь, а в Оле, слышно было, насчет жратвы туговато. Поэтому все деньги потратили на покупку продовольствия. Навьючили продуктами и постелями своих конишек, повод в руки и зашагали на поиски удачи, счастья, богатства.

Не знаю, нашли бы мы Колыму или нет, если бы не встретили на Оле Поликарпова. Он вез на Средникан управляющего колымской конторой «Союззолото» Оглобина. И с Оглобиным по дороге договорились, что стараться станем честно, золото на сторону продавать не будем. Прибыли на Колыму мы в сентябре. От Охотска месяца два ехали, или, вернее сказать, шли. На ключе Безымянном стояло тогда несколько избушек. Насчет жилья мы, понятно, не беспокоились. То-

поры есть, руки свои, лесу кругом сколько хочешь. Через несколько дней хата была готова.

Нашли знакомых по Охотску старателей.

— Принимайте в свою артель,— просим их.

— А мы вас не звали,— отвечают они.— Тайга большая, ищите сами, может, еще лучше нашего золото разыщете. Наш участок поделен полностью.

Пожались так несколько дней, а потом показали нам шурф Бориски — копай, мол, там. А как там будешь копать, ежели место застолбленное. Пошли к Оглобину.

— Нет больше у Бовыкина прав на эту площадь,— толкует нам управляющий.— Все ранее застолбленные площади переданы «Союззолоту», все прежние заявки недействительны.

Оно ведь и правда. По-настоящему заявку оформил только Поликарпов, а он сам согласился передать свой участок «Союззолоту». Остальные его товарищи только поговорили, а заявок по форме не сделали. Выходит, они право на площадь потеряли, как, например, Бовыкин, застолбивший Борискину площадь.

Ну это бы еще ничего, пусть Средникан отходит конторе, а то ведь Оглобин объявил, что вся территория от Буюнды до Бохалчи отходит «Союззолоту». Куда ни бросишься, хищничать нельзя. Дальше Буюнды и Бохалчи тоже податься трудно. Из Средникана все-таки хоть тропа на Олу идет, зимней дорогой продукты подвозят, а уйдешь куда подальше, так пропадешь, как Бориска. Ну, коли площадь числится за конторой, то и добытое золото туда надо сдавать, иначе ни деланы, ни продуктов не получишь. Прослышав про такие новости, братва забушевала. В субботу пошаташили, выпили для храбрости и двинулись в контору к Оглобину. Однако не на того напали. Твердый мужик был управляющий, недаром старый партизан, быстро утихомирил наших заводил.

— Разве где-нибудь в других местах можно было сдавать золото негосударственным организациям?

— Открыто нельзя, а потихоньку продавали. На побережье скупщики золота подороже давали, чем в конторе. Продукты на золото у ольских кулаков можно было выменять, запасы сделать, чтобы было чего

шамать, если задумал без разрешения добывать золотишко подальше от людей. Старателю всегда хочется иметь про запас желтенького песочку. Оно как-то приятнее, когда золотишко зашито у тебя в поясе или в тайге в надежном месте припрятано...

— Хорошее было золото?

— Подходяще золотило. Только раз на раз не приходилось одинаково. Золото там кочковое, в одной яме много, а кругом опять бедно. Ну, бедные золотом ямы сразу же забрасывались, рыли новые. Был случай, бригада из шести человек за один день с богатой кочки четыре с половиной килограмма взяла. Вот это была кочка!

— Самородок попался?

— Нет, путевых самородков там не встречалось, но все же золото было очень крупное. Мелковатые, с муху или с таракана, самородочки попадались, а так, чтобы на полкило или килограммчик, — этого не слышал. Золото было все такое окатистое, гладкое, словно налившееся пшеничное зерно. Цвет темно-желтый, высокой, значит, пробы. Самородочки все больше в красно-бурой рубашке встречались.

— Поди-ка ты, Яков Тимофеевич, тоже где-нибудь в тайге баночку-другую с золотом закопал.

— Нет, у меня его много не было. Когда мы пришли на Безымянный, все хорошие деланки были разобраны. На следующий год на Борискиной площади нашей бригаде тоже пофартило.

— И все золото сдавали в контору?

— Кто сдавал, а кто утаивал. Если бы сдавали полностью, так не несколько десятков килограммов золота за 1929 год получила бы контора, а в несколько раз больше. По плану должны были сдать в несколько раз больше, но очень много утекло.

— Может быть, его и не было. Старателей-то было мало.

— Зато содержания-то какие были! Народа, конечно, маловато осталось. Настоящие хищники. Большинство уехало, как только Поликарпов стал следить за сдачей золота. Зимой тысяча девятьсот двадцать восьмого — двадцать девятого года всего человек тридцать старались. Почесть, каждый год среди

зимы часть старателей уходила на побережье, спасаясь от голода. Вот Генка Русеев вас, своих преподавателей, накормил мясом щенка, и то уже диковина, скандал на весь Дальстрой, а мы зимой 1928 года за милую душу двух собак съели. Коней тоже съели. Конские шкуры — и те пошли в ход, на еду.

— И долго ты, Яша, в старателях ходил?

— До тысяча девятьсот тридцать первого года. До этого времени и не было хозяйских работ по добыче золота.

— Каких это хозяйских?

— Ну, от учреждения, от «Союззолота» или теперь, скажем, от Дальстроя. «Союззолото» больше на самих старателей надеялось, обходилось без хозяйских работ. Старатель несет добытое золото в контору, получает деньги, покупает продукты и опять работает, как ему вздумается: хочет в артель вступает, хочет в одиночку работает. «Союззолото» деланку ему отводит. А он выхватит оттуда самый богатый участок и бросает, дальше ему нет расчета работать. Старатель не будет тебе бить несколько линий шурфов, чтобы оконтурить россыпь. У него на это пороку не хватит. Он нащупает золотишко и начинает в этом месте рыть яму. Хорошее золото — яму расширяет, мало золота, невыгодно работать — бросает яму, роет в новом месте.

Яша долго еще рассказывал о своем житье-бытье на Колыме.

Расчеты в два-три дня доехать до Бочеры оказались нереальными. К счастью, на половине дороги, на ключе Сатана, весновала партия Клеменкова. Посоветовавшись, мы поставили себе целью добраться до Сатаны, где я должен остаться и ждать летнего транспорта, а Некрасов возвратиться на Угольную.

Выехали уже под утро, дождавшись, когда подтаявший снег снова сцементировался утренним морозом. Километра через два подъехали к полынье, покрывшей русло реки. Она была затянута свежим льдом, Некрасов остановил собак и пошел с остолом проверять прочность затрещавшего под ним льда.

— Может, проскочим? Все равно нам деваться некуда, на скалы не полезешь с нартой, а объез-

жати за несколько километров — так мы весь день потеряем.

Решили попробовать. Некрасов ударами хлыста и гиканьем разогнал собак, и они мигом проскочили полыню. Лед затрещал, за полозьями нарт показалась вода, но нарта так быстро неслась вперед, что не успевала проваливаться. Собаки, боящиеся холодной воды еще больше, чем мы, тоже прекрасно понимали опасность положения и неслись через полыню, прямо-таки, расстилаясь по льду.

Часов в девять утра снова стало тепло, и снег прилипал к полозьям. Решили поехать по увалу, может быть, наст выдержит нарту. Некрасов шел сзади упряжки, я брел на лыжах. Но и наст подтаял, нарта то и дело проваливалась в снег. Собаки устали, а мяса осталось всего на две кормежки. Положение становилось критическим.

— Как будто Сатана должен быть близко. Помнится мне, что этот ключик где-то в этой местности, — рассуждал Некрасов, прошлым летом работавший промывальщиком у Галченко.

— Посиди здесь с собаками, Андрей Васильевич, а я возьму Сокотка и махну на лыжах на Сатану. Только бы на Зырянке полыни не было.

Весь день я или спал или жег костер. Когда костер догорал, шел, проваливаясь выше колена в снег, выискивал сухие лесины и подтаскивал их к костру. К вечеру вернулся Некрасов и с ним пришел Клеменков. Сатана оказался километрах в семи от нашей остановки. Некрасова туда привел Сокоток, издали учуявший дым, жилье человека. В тайге, где воздух чист от всяких посторонних примесей, даже человек, приближаясь к маленькому якутскому поселку или эвенскому стойбищу, на расстоянии трех-четырех километров начинает ощущать запах дыма.

Опять пришлось ждать, когда немного подморозит, чтобы собаки смогли последние семь километров протащить нарту. На Сатану пришли под утро. Коллектор партии Клеменкова, молодой веселый москвич Вася Облянцев, давно приготовил ужин. В зимовье было тепло, сухо, относительно просторно. Во всю длину избы по обеим сторонам тянулись сплошные нары, на

которых зимой спали коллекторы, проходившие практику по разведке. Здесь до первой половины июня придется ждать Некрасова с лошадьми, если раньше не сумею перебраться на свою базу на Бочеру.

Следующей ночью на отдохнувших собаках и на облегченных нартах Некрасов выехал обратно на Угольную.

ВЕСНОВКА НА САТАНЕ

Начало весны на Севере не блещет красками. Лиственницы, сбросившие со своих ветвей снег, траурно чернеют на фоне ослепительного снежного покрова. Но лес уже начинает полниться весенними звуками. Высоко над горами пролетают гуси, лебеди, журавли. Впрочем, основной путь этих птиц лежит по долинам крупных рек, и гусиный гогот в горах слышен редко. На открытых местах можно встретить стайки вертячих, доверчивых пуночек. Часто кричит кедровка-воровка, зимующая в тайге. Она не боится людей, и лучше не оставлять вещей вроде туалетного мыла на берегу ключа, протекающего возле зимовья: кедровка украдет их.

Начинает стучать дятел, разыскивая себе пищу в подгнивающих стволах деревьев. Уже проснулся медведь, и встречи с ним сейчас мало приятны. Он голоден и питается чем придется. Но нам он не страшен, да и собачонка всегда предупредит о его приходе. Продукты партии Клеменкова, лежавшие на улице, мы все-таки перетаскили в зимовье, но по другой причине. До них добрались бурундуки, небольшие зверьки с узорчатым зеленовато-желтым мехом. И, вероятно, хищный горноста́й. Теперь можно было себя чувствовать совсем спокойно, как в крепости. И все-таки вовремя мы спрятали продукты: две ночи подряд нас поднимал неистовый лай собачонки, прижимавшейся к самой двери. Когда кто-нибудь выскакивал с ружьем из зимовья, она с лаем бросалась метров на двадцать вперед, перебегала русло ключика и, пугово озираясь на хозяина, останавливалась.

— Должно быть, медведь похаживает. Ну, да те-

перь продукты в зимовье, а туда он побойтся полезть.

У меня началась цинга, болезнь, знакомая мне по студенческим годам. Чтобы поразмяться, я бродил ежедневно вдоль Сатаны. Шел к устью ключа на берег Зырянки, где стоял толстый пенёк давно срубленной лиственницы с еле заметной надписью Черского и прошлогодние свежие затесы Царегородского.

Чтобы помочь Клеменкову, я принимал участие в однодневных маршрутах по Зырянке и вверх по Сатане, до его истоков. Всюду мы встречали только ту же самую немую сланцевую свиту, предположительно юрского возраста. По Зырянке среди сланцев встречались их углистые разности и линзы глинистых углей.

В конце мая в тайге набухают почки на лиственницах, выпрямляется стланик-кедрач, образующий красивые зеленые купы. Иглы стланика тоже, казалось, чуть-чуть набухли и их цвет изменился, словно они покрылись жирным блеском. Возле зимовья, на южном склоне долины, лучше пригреваемом солнцем, появились подснежники. В такое время трудно усидеть в темном зимовье. Хотелось скорее взяться за настоящее дело, бродить по маршрутам — в общем, самое время работать, если бы не буйно разливавшиеся речонки.

Я решил произвести рекогносцировку. Может быть, удастся дойти до своей базы — она была всего в сорока километрах. Но как ее найти? Карты не было, можно было руководствоваться только слышанными еще на базе экспедиции рассказами. Идти по Зырянке до устья Бочеры нельзя — мешали многокилометровые скалистые прижимы. Эта часть Зырянки была доступна только зимой, при путешествии по замерзшей реке. Но очень не хотелось терять время. Следовало все-таки попытаться пробраться на Бочеру, если пустят разлившиеся речки. Поэтому как-то утром мы с Облянцевым отправились вверх по Зырянке к устью ее правого притока речки Разбойник. Русло Разбойника было заполнено до краев, вода залила пойменную террасу. Если переходить, придется в середине пересекать речку вплавь. Будь бы она единственной! Но после нее

нужно будет пересекать два еще более крупных притока Зырянки — Шумную и Агиджу.

— Подождем несколько дней и попробуем пройти, если Клеменков тебя отпустит.

Но Клеменков не соглашался отпустить своего помощника.

— Вот-вот подойдут лошади, а у меня не будет коллектора. Летний сезон короткий, зачем я буду терять дни ради чужой партии. У меня свой план. Нет, не могу отпустить Облянцева. А одному тебе идти, да еще без ружья и карты, вдобавок больному, тоже не советую.

Пришлось остаться. Тем более, что на несколько дней установилась дождливая погода. В зимовье стало сыро. Чтобы подсушиться, топили железную печку. Устроили дымокур — около приоткрытой двери в тазу жгли мох. Когда ветер загонял дым в зимовье, там становилось трудно дышать.

Миновала приятная, бескомариная пора весны. В начале июня комары почти незаметны, но числа 10—12 июня появляются сразу тучами. Молодые, злые, очень активные, они пользуются любой возможностью, малейшей щелью, чтобы проникнуть к человеку. Одежда не спасает, комары всегда найдут место, где оно неплотно прилегает к постели, и доберутся до тебя.

Чтобы крылатые хищники не забрались в палатку, ее со всех сторон обсыпают галькой или обкладывают мхом, а входную полость прижимают к полу камнем. Единственное надежное укрытие от комаров — тюлевый полог, причем лучше индивидуальный. Залезаешь в него, выбиваешь всех проникших туда с тобой комаров, плотно закладываешь полы полога под матрасик или оленюху, и вот тогда спокойно и равнодушно слушаешь их звонкое, тонкое гудение у стенок полога — ты для них недоступен.

В комариную пору сохатые и даже медведи лезут в озеро, оставляя над водой только голову. Собаки обычно поджимают под себя задние лапы, а передними закрывают нос. Щенки, впервые знакомящиеся с комарами, сначала лают на них, ловят ртом, чтобы проглотить, потом устав, начинают жалобно скулить. Пер-

вые дни, пока не научатся спасать свой нос, он у них распухает от укусов.

У лошадей свои методы спасения от комаров. Они выходят на открытые речные косы и становятся мордой навстречу ветру. С морды комары сдуваются ветром, сзади в непрерывном движении находится хвост. И все же комары находят чувствительные места. Иногда до крови они разьедают грудь лошади, куда она не может дотянуться ни хвостом, ни мордой. Чтобы согнать насекомых, лошадь резко и быстро сокращает мышцы. Когда нет ветра, она забивается в густой тальник, где меньше комаров, и стоит там неподвижно.

В полевых партиях, как только останавливается караван, немедленно разводятся дымокуры, возле которых и ставят лошадь с подветренной стороны. Но ветер может изменить направление, поэтому лучше всего по углам большого квадрата ставить четыре дымокура, полностью гарантирующих лошадей от нападения насекомых. Дымокур представляет собой небольшой костер, на который наваливается большая охапка сырого и поэтому долго тлеющего мха, дающего густой, черный, низко стелющийся дым.

Комары могут довести до истерики человека. В до-революционное время пытка комарами практиковалась у якутских кулаков. И это действительно пытка! Человек, привязанный голым к дереву, не выдерживает больше двух-трех дней, умирает.

Вася Облянцев, панически боявшийся медведей, тем не менее считал, что лучше бы из объема всех комаров выкроить, сколько уж там получится, медведей. Хоть и страшнее, а несравненно легче было бы жить в тайге.

В середине июня, когда изнывавшие от ожидания транспорта полевики теряли терпение, привели, наконец, лошадей. Сразу для двух партий — моей и Клеменкова. С ними пришли рабочие. Транспорт возглавлял Тихон Федорович Новик.

«Все-таки прислали мне таежного «барона Мюнхаузена», не нашли «более подходящего человека», — с горечью думал я.

За дорогу Новик успел переругаться с рабочими

и особенно с Некрасовым, и все из-за спирта. Чтобы пресечь зло, пришлось отдать остатки спирта для ознаменования встречи. Я помнил, что Сапежинский просил не привозить выпивки в партию.

По дороге на Сатану конюх Клеменкова, якут из Верхнеколымска, отстав со своей связкой лошадей от каравана, наткнулся на медвежью свадьбу, до смерти перепугавшую его. За медведицей шли три кавалера-соперника. В таких случаях все зависит от настроения, от каприза мохнатой грандамы. Достаточно ей было неблагосклонно отнестись к коням и человеку, зарычать, сделать вид, что она хочет напасть на них, как услужливые кавалеры бросились бы на конюха и его лошадей. Якут отстегнул от седла свою берданку, приготовившись к защите. Лошади тоже испугались, но не побежали и не заматались, а как-то сжались, у них стали подламываться ноги, вот уж действительно поджилки затряслись. К счастью, медведица не обратила на них внимания, повернула в сторону и увела за собой ухаживающих медведей.

На другой день с Новиком, Некрасовым и еще тремя рабочими я двинулся на свою базу. Все лошади, за исключением передней, на которой ехал конюх, были навьючены и привязаны друг к другу. Обычно повод лошади привязывается к хвосту переднего коня. Повод и конец хвоста связываются узлом. Или, чтобы дать лошади возможность отгонять хвостом комаров и слепней, повод привязывается к седлу впереди идущей лошади.

Передний конь, на котором сидит конюх, не вьючится или выючится очень легко. Его внимание настроено, он прокладывает путь, должен показывать пример остальным коням: спокойно входить в воду, не перескакивать, а переходить канавы, рывтины и перегораживающие тропу сваленные бурями деревья.

Но вот кони ушли вперед, за ними по тропе потянулись сотрудники партии, последним шел я. Через десять — двенадцать километров, почувствовав слабость, начал отставать от каравана, пошел тише, надеясь вскоре вновь догнать своих спутников. На одном из подъемов закружилась голова, я упал на тропу

и потерял сознание. Сколько времени пролежал в обмороке — не представляю. Вероятно, не больше десяти—пятнадцати минут. Ничего не болело, и я, не придав особого значения этому происшествию, пошел дальше. Через пятьсот метров снова в обморочном состоянии упал на траву. Придя в себя, начал кричать, звать на помощь, но караван был уже далеко. Тогда я снова зашагал по тропе и вскоре еще раз свалился, потеряв сознание.

«Неужели не спохватятся, что потеряли меня, — думал я, придя в себя. — Теперь мне уж не нагнать их».

Снова потихоньку шагал по тропе, время от времени падая в обморок, покуда не услышал крик. Через некоторое время подъехал конюх с лошадей. В седле я отдохнул. Догнав далеко ушедших спутников, успевших к этому времени приготовить чай, подкрепился консервами и вместе со своими сотрудниками снова пошел пешком.

ПЕРВЫЕ МАРШРУТЫ

Светлой ночью мы пришли на Бочеру. Зимовье оказалось заколоченным от медведей. Отодрали доски от окон, открыли дверь. Все продукты целехоньки. На нарах разложены образцы горных пород. Потолок зимовья протекал, и вода, попавшая туда с крыши после последних дождей, еще не успела высохнуть, на стенах появилась плесень, надо было срочно сушить помещение. На столе лежала записка Сапежинского: «Ушел с Генкой на Далекую. Приду, как только спадет вода в Зырянке. Ждал вас по последнему зимнему пути».

Ну что же, будем устраиваться. Прежде всего надо посмотреть, где поблизости есть корм для лошадей. Завтра, когда выспимся, организуем баню, а через день можно будет приступить к работе.

База разведчиков, которой воспользовались мы, представляла собой довольно большую избу с двумя небольшими оконцами, затянутыми бязью, с полом и нарами из жердей. В избе стоял стол, сбитый из ящиков, в которых разведчики привозили продукты.

На другой день поставили палатку на берегу реки, нагрели в ведрах воду и по очереди мылись в импровизированной бане, где лоток промывальщика служил нам тазом, а пустые консервные банки — ковшами.

Зимовье было расположено не очень удобно — не было поблизости корма и коней надо было отгонять километра за два вверх по Бочере, где долина расширялась и на широкой пойменной террасе было много травы.

Выспавшись, я пригласил с собой Некрасова и пошел вниз по Бочере знакомиться с разрезом горных пород в обрывах десятиметровой террасы, по которой петляла Бочера. В километре ниже зимовья, там, где тропа через перевал уходила на Агиджу, на левом берегу, на террасе, нашли два шурфа. Один из них был пробит в 1914 году пятидесятником Поповым, открывателем мнимого Эльдорадо, другой, рядом, — разведчиками экспедиции. Покопались в отвалах вынутой из шурфа земли. Там встречались кубики пирита и халькопирита — сульфидов железа и меди.

Шурф был неглубоким, судя по количеству выложенных вокруг него бугорков земли, из которых каждый соответствовал двадцати сантиметрам углубки. Обычно кучки выброшенных речников, или, как их называют разведчики, проходки, идут вокруг шурфа, одна за другой, в той последовательности, в какой они были вынуты из него. Из каждой проходки берется два лотка породы и промывается, чтобы узнать, содержится ли в них золото. Драгоценный металл обычно находится около спая речных наносов с коренными или скальными породами, поэтому наиболее важны для промывки самые нижние проходки. Чтобы убедиться в добивке шурфа, то есть в том, что рыхлые отложения пробиты до плотика, берут одну или две проходки и из коренных пород. Если породы трещиноваты, россыпное золото может содержаться и в них. В каждый шурф разведчиками втыкается штамп — лесина с надписью на стесанном конце, указывающей номер разведочной линии и номер шурфа, чтобы топографам легко можно было бы нанести шурфы на карту, а эксплуатационникам, если россыпь окажется

промышленной, ориентироваться в положении россыпи на местности, знать, где ее наиболее обогащенные и наиболее бедные участки.

Пробираясь обратно по неглубокому ущелью речки, мы увидели кварц-халькопиритовую жилу, выделяющуюся на отвесной стене. Жила была около двадцати сантиметров ширины и в двух местах обрывалась раздувы до полуметра. Предполагалось, что она-то и содержит золото, в небольшом количестве найденное в россыпи. Для разведки этой жилы партии был придан прораб Новик. Жила прихотливо извивалась по стенке ущелья и уходила куда-то дальше.

Для выяснения степени золотоносности жилы через каждый метр берется рудная проба, то есть по всей ширине жилы отбивается порода на пять сантиметров в глубину и десять сантиметров в ширину — так называемая бороздовая проба. Делается подробный план жилы с точным нанесением всех канав и взятых проб. На плане показывается не только сама жила, но и пласты окружающих ее горных пород, их простирающие и угол наклона, или падения, как говорят геологи.

В речной гальке мы нашли отпечатки раковин древних моллюсков, многие миллионы лет тому назад живших в море, покрывавшем эту местность. Множество отпечатков уже было собрано Сапежинским и лежало на нарах в зимовье.

...На другой день снова отправились к жиле, на этот раз с Новиком. Облазили весь склон сопки в поисках продолжения жилы, но ничего не нашли. Придется, значит, бить канавы.

— Составьте подробный план выхода жилы в ущелье, опробуйте ее, потом метров через сто от ущелья пробейте канаву. Местоположение канавы наметите по компасу, — указывал я.

— Вряд ли тут мы убьем бобра, — вздыхал Новик, — в россыпи-то золота кот наплакал, значит, и в жиле его не должно много быть. Ну, раз начальство приказало, будем опробовать. Царегородскому виднее, он спец по золоту.

— Да, проку от этой жилы не будет, но для очистки совести придется опробовать. Царегородскому нужно неопровержимо доказать, что пятидесятник По-

пов брешет. И от нас, Тихон Федорович, потребуют точных доказательств присутствия или отсутствия золота, так что ведите дело аккуратно.

— Можете не беспокоиться, сделаем, как полагается.

В ожидании Сапежинского, мы еще несколько дней прожили в зимовье, делая с Некрасовым маршруты в радиусе восьми—десяти километров от лагеря.

В первом же маршруте встретили в долине речки горного барана. Шли навстречу ветру по заросшей высоким пыреем пойменной террасе и вдруг на повороте тропы услышали шелест в траве и увидели голову с загнутыми рогами. Животное секунду-две стояло неподвижно, потом легкими большими прыжками стало взбираться на склон горы, оглядываясь на нас.

— Эх, шляпы, ружья не взяли! Ушло мясо, а ведь, можно сказать, само в котел просилось, — досадовал Некрасов.

В обрывах правого берега Бочеры, в четырех километрах выше зимовья, нашли множество кораллов, настолько обычных для отложений силурийского периода, что по рисункам в учебнике палеонтологии удалось вечером в зимовье определить их родовые названия.

Маршрут вниз по Бочере позволил установить верхнеюрский возраст черных глинистых сланцев по содержащимся в них прекрасной сохранности ауцеллам — морским двустворкам.

Если возраст известняков с силурийскими кораллами определялся примерно в четыреста миллионов лет, то черные глинистые сланцы были в три раза моложе — со времени накопления глин и илов в верхнеюрском море, в котором жили ауцеллы, прошло около ста тридцати миллионов лет.

Только астрономия и геология оперируют таким гигантским, поражающим воображение человека летоисчислением. Более трех миллиардов лет тому назад впервые земля покрылась твердой корочкой остывшей лавы. То были первые горные породы нашей планеты. Но еще очень долго после этого земля оставалась безжизненной. Жизнь на земле возникла, вероятно, не более миллиарда лет тому

назад, сначала в водах теплых морей. Более полумиллиарда лет живые существа обитали только в воде. Потом, свыше трехсот миллионов лет тому назад, некоторые растения приспособились жить на берегу моря. Отсюда они начали завоевание необитаемой в то время суши, и через двадцать—тридцать миллионов лет пышная растительность, гигантские хвощи и папоротники покрывали почти все материки. Вслед за растениями появились на суше и первые животные — скорпионы, затем амфибии и ящеры. Отпечатки всех этих растений и животных сохранились в осадочных толщах, накапливавшихся на дне морей.

Плохо еще ориентируясь в обстановке, мы старались как можно детальнее изучить разрезы осадочных толщ. В первую очередь нужно было просмотреть в другом пересечении, по речке Агидже, пласты зеленых песчаников, переслаивающихся с лавами. В ней обнаружили много раковин моллюсков, совершенно не знакомых мне.

Забрав на сутки продуктов, мы вечером пошли по увалу на водораздел с Агиджей. На вершине водораздела нашли следы медведя — его лежки на мелкой сланцевой дресве. Спуск к Агидже был очень крутой. Цепляясь за кусты стланика, кое-как сползли к речке. Наступила ночь, такая же светлая, как и день, но более прохладная. Спать приспособились на большой плите песчаника, забрызганного с краев бурливой речкой. Но я так и не мог уснуть — было неудобно, жестко, холодно. Стараясь не шуметь, встал, насобирал по склону сухих веток, воткнул палку в расщелину между глыбами песчаника, на другом конце палки привесил чайник с водой и под ним развел костер. Скоро встал и Некрасов. Позавтракав, начали спускаться по ущелью. Ущелье было обрывистое, у скал бурлила вода. С трудом отыскивая опору для ноги, хватаясь за кусты, задевая за скалу громоздкими рюкзаками, миновали самую опасную часть ущелья и повели работу. Некрасов брал пробы на золото, я описывал обнажения, брал образцы горных пород, искал фауну, измерял компасом элементы залегания пород. Но самым мучительным и нудным в нашей работе являлась глазомерная топографическая съемка, очень при-

митивная, неточная, но начисто изматывающая геолога.

Карты, составленные на основе глазомерной съемки, были далеко не точны и снижали качество составляемой геологической карты. Только через пять-шесть лет стали вести съемку более точным и легким способом угловых засечек. Но и способ угловых засечек не давал необходимой точности. И лишь через двадцать лет после начала исследований на Северо-Востоке геологи получили наконец, в свое распоряжение точные топографические карты, сделанные сравнительно недавно открытым способом аэрофотосъемки. Чтобы дать топографию Северо-Востока старыми методами, понадобилась бы работа нескольких тысяч топографических партий, многие десятки лет съемки.

Мы работали в районе, на карте которого была нанесена лишь главная река — Зырянка, да и то далеко не точно. Нужно было составить не только геологическую, но прежде всего топографическую карту, то есть нанести реки и горы. Получался очень сложный и разнообразный комплекс работ, в котором глазомерная съемка отнимала большую часть времени, в ущерб геологической.

Некрасов тем временем через каждые триста метров брал пробы, которые мне тоже надо было отмечать в своей записной книжке, чтобы при нанесении на карту проделанного маршрута указать места их взятия. Из таких однодневных маршрутных карт постепенно составлялась карта района. При сопоставлении с картами соседних районов выяснялось, что масштаб глазомерной съемки завышен или занижен против заданного, реки то лезли одна на другую и им не хватало пространства, то между ними зияли неправдоподобно широкие водоразделы, лишённые гидросети. Опорными пунктами нашей сводной топографической карты являлись редкие астрономические пункты. В бассейне реки Зырянки был только один астропункт, а в районе работ партии не было ни одного. Но даже такие карты представляли большую ценность, потому что они были единственными.

— Давай-ка вот тут еще возьмем пробу, — говорил Некрасов, подходя к изгибу русла реки и останавли-

ливаясь возле куста, росшего прямо из воды,— место очень удобное для накопления косового золота. Если уж тут его нет, так и нигде на этой речке не будет.

Проба на золото берется не где попало, а в местах, наиболее благоприятных для осаждения тяжелого металла. Всего лучше опробовать спай скалы с рыхлыми отложениями. На речной косе опробуется ее головка. Благоприятным местом для опробования является берег реки по выходе из ущелья или за крутым поворотом русла. У поисковиков существует много таких примет. Так как золото быстро проникает сквозь рыхлые речные отложения к самой их нижней части, то лучше всего брать пробу из самой нижней части речных отложений. Если же нет такого удобного места, то полагается вырыть на речной косе ямку в тридцать—сорок сантиметров глубиной и оттуда взять пробу.

Некрасов в обрыве пойменной террасы набрал полный лоток речников — песка, гравия, гальки. Опробование лотком представляет сепарацию, где взвешенные в воде наиболее тяжелые минералы оседают на дно лотка, а наиболее легкие уносятся водой. Если в речниках содержится много обломков рудных минералов, то остающаяся в лотке после промывки горсточка минералов, называемая шлихом, обычно черного или темно-серого цвета. Про такой шлих говорят, что он черный. Если же в речниках нет или очень мало рудных минералов, то шлих состоит из полевых шпатов, кварца и кальцита — сравнительно легких минералов светлого цвета. Это шлих серый, совершенно безнадежный для золотоискателя.

— Смотри-ка, все-таки два маленьких значка золота поймал!

Пока Некрасов промывал еще одну пробу, я развел небольшой костер и подсушил высыпанный в совок шлих, затем высыпал его в заранее приготовленный пакетик, на котором надписал название речки и номер пробы. Этот шлих, как и все остальные, будет зимой изучаться под микроскопом. В нем могут оказаться и знаки золота, не увиденные при полевом просмотре, и другие полезные ископаемые, которые трудно определить на глаз и даже под лупой...

Во второй пробе оказался еще один значок золота,

но такой маленький и легкий, такая тоненькая, еле видимая пластиночка, что нужно было очень осторожно промывать шлих, чтобы удержать его в лотке. Да, насчет золота дела обстояли плохо! Оно обнаружено в одной только пробе, да и то в виде незначительных знаков. Поисковика радует весовая проба, то есть когда он в лотке поймает столько знаков золота, которые в сумме уже дают ощутительную величину, измеряемую несколькими миллиграммами. Ведь промышленная россыпь должна содержать самое меньшее пять граммов золота на кубический метр породы. В кубометре сто лотков породы, значит при промышленной золотосодержимости в лотке должно быть хорошо видимое золотишко.

Некрасов собрал немудрящий инструментарий промывальщика: лоток, совок и гребок. Засунул их в рюкзак, вскинул на плечи ружье и отправился вниз по реке, время от времени останавливаясь, чтобы взять очередную пробу.

Я пошел вдоль обрывистого склона посмотреть обнажения. Рюкзак обвисал под тяжестью образцов и давил плечи. Становилось жарко от поднимавшегося все выше и выше солнца. Комары, почувствовав тепло, поднялись в воздух. Пришлось спустить сетку и надеть перчатки. Вскоре спина, плечи, шляпа стали серыми от плотного слоя комаров.

— Не вижу золота в пробах,— говорил подошедший Некрасов.— Давай-ка сматываться, если тебе тут больше ничего не надо смотреть.

— Пожалуй, что и так. Но только возвращаться будем вон через ту гору. Там как будто видны скальные обнажения, нам их надо посмотреть и описать.

Ровно через сутки, усталые, измученные, возвратились мы в зимовье на Бочеру. Сапежинского все еще не было.

«Придется, значит, самому вести и глазомерную и геологическую съемку»,— приуныл я.

На другой день еще раз сходил на кварц-халькопировую жилу в ущелье, чтобы посмотреть, как Новик берет бороздовые пробы.

Все делалось, как полагается.

Теперь нужно было заняться подготовкой к месяч-

ному маршруту, рассчитать, сколько груза можно навьючить на четырех коней, сколько и каких захватить продуктов, отобрать необходимое из носильных вещей, а главное — не забыть несколько головок к ичигам. Летом все ходили в ичигах — эвенских сапогах, очень легких, но непрочных. Подошва их представляла собой тот же единственный слой тонкой кожи, из которой шилось и голенище. Нужно иметь легкую скользящую походку охотника-эвенка, чтобы сохранить такую обувь в течение двух-трех недель. Но геологи ходят не по мху, а держатся всегда возле камней, лазают по обнажениям, взбираются по осыпям, идут по каменистым речным косам. Ичигов хватало на два-три дня, а потом они чинятся или к ним подшиваются новые головки.

Во вьючные ящики сложили то, что боится воды, — сахар, чай, галеты, табак, записные книжки, бумагу. Мука и крупа, консервы и постели помещались во вьючных сумках. На случай холодной дождливой погоды нужно было взять с собой и железную печку, трубы от которой прятались внутри печки. Обязательно следовало прихватить мешок печеного хлеба. За сутки, что мы бродили по Агидже, стараниями рабочих была поставлена русская печь. Делается она очень просто. В небольшой срубик из четырех-пяти венцов наваливаются взятые с речной косы камни и песок. Примерно на высоте метра на этой куче камней, сдерживаемых срубом, устраивается под печки. Подом является лист железа, а если его нет — ровная большая плита или несколько плит песчаника. Затем возводится свод печки. При отсутствии железяк свод делается по методу постройки якутских мостов — длинные камни частично выдвигаются вперед, навстречу противоположному ряду, на них в свою очередь кладется второй ряд камней, пока они не образуют свод. Чтобы тяга была лучше, трубу делают в конце печки, где под немного приподнят. Затем камни обсыпаются песком, закрывающим все дыры. Вот печь и готова. Она делается за полдня. И качество ее вполне удовлетворительное, в ней прекрасно пекутся хлеб и пироги. Еще быстрее делается печка в крутом уступе террасы.

Один из рабочих, Саша Устименко, тотчас по приезде сварил дрожжи из взятого с собой хмеля, так что к нашему отъезду был испечен настоящий хлеб. После надоевших галет он показался лакомством. Мы попросили остающихся в зимовье товарищей заготовить в течение ближайших десяти дней сухари, за которыми обещали прислать конюха.

Выезжали на другой день после обеда. Общими усилиями быстро навьючили четырех лошадей. На первой, мало загруженной, ехал конюх. За ним цепочкой тянулись привязанные друг к другу остальные лошади. Мы с Некрасовым ушли вперед. Конюх нагнал нас в километрах десяти от зимовья. Велели ему проехать еще четыре-пять километров, выбрать удобное место для лагеря и остановиться. Конюх был забайкалец, привыкший к таким путешествиям. Нехитрое, казалось бы, дело — вьючка лошадей, но не всякий сумеет уложить вещи так, чтобы не перевьючивать в дороге. И не всякий умеет вьючить в одиночку, если это понадобится. Забайкалец, однако, вполне с этим справлялся.

Мы шли от одного берегового обнажения к другому, от одних обрывов к другим. По пояс в воде перебирались с одного берега речки на другой. Я подробно описывал обнажения, сложенные известняками, в которых опять нашел остатки кораллов силурийского периода. Отметил в своей записной книжке пещеру в верхней части скалы, указывающую на наличие карстовых явлений в районе. Затем встретили толщу, сложенную чередующимися пластами известковистых сланцев и песчаников, собранных в мелкие складки. Я рылся в небольших делювиальных осыпях — кучах угловатых обломков, сползающих с крутых склонов сопки в долину реки, искал в них фауну, чтобы установить возраст различных толщ. За день набрал почти полный рюкзак образцов.

Поздно вечером, усталые, мы дотащились до своей палатки, расставленной конюхом на пышном лугу у речки. Нас ждал ужин. У геолога-полевика бывают только завтрак и ужин. Обед, в виде размоченных в речной воде галет, проглатывали на ходу, присев отдохнуть возле какого-нибудь обнажения. Впрочем,

иногда таскали с собой в рюкзаке маленький чайник и кружки, и тогда разводили костерок, готовили чай, устраивали себе часовой отдых в пути.

Бязевая белая палатка в два с половиной метра шириной и три метра длиной. Из нее, слева от входа, торчит черная труба железной печки. Рядом с палаткой навалены седла, сумы, выючные ящики. В пяти метрах от них, на пойменной террасе, перерезанной сухой протокой, среди зеленой травы горит небольшой костер.

— Ты зачем, Иван, лагерь разбил на острове? Отъехал бы поближе к лесу. Пойдет дождь, что будем делать?

— Неоткуда быть дождю, небо чистое. А от леса больно далеко бегать за водой и комаров там больше.

— Ну, ладно, может обойдется без дождя. Давай ужинать, жрать хочется, как из ружья!

После дневного похода полевики идут мыться. Холодная вода приятно освежает весь день потевшее лицо, меньше зудят искусанные комарами запястья, недостаточно защищенные перчатками. Хорошо бы искупаться! Да нет, как-нибудь в другой раз, при ветре, когда комарам трудно держаться в воздухе.

— Тащи, Иван, суп в палатку, на улице эти кровососы не дадут спокойно поесть.

— Должно быть, все-таки будет дождь,— рассуждает Некрасов,— уж очень сильно комар навалился.

После ужина расставили тюлевые пологи. Обвисшие полы их подтыкаются под постель, под оленюху. Теперь комар не достанет, можно раздеться и спать без одеяла, если ночь теплая.

Беседуя перед сном, докуривая последнюю папиросу, вспоминаем происшествия минувшего дня. Вечером в лагере полевик чувствует себя словно в родной семье.

Конюх, он же повар, тоже выкладывает свои новости и горести.

— Суп давно сварил, палатку поставил, коней отпустил после выстойки, а вас все нет и нет. Сегодня запустил макароны, думал сразу же за мной придет в лагерь. Завтра буду кормить картофельным супом. С утра замочу сушеную картошку, чтобы

успела размокнуть. Да, чуть не забыл! Товарищ начальник, пусть Яша поможет мне утречком подтянуть задние подковы у двух коней, а то хлябют, чего доброго, потеряем. Потом надо в потнике у Чалки вырезать кусок кошмы против наваленного места. Очень больно ей, появилась опухоль, совсем испортим спину. Лучше испортить потник, чем коня.

Начинается обсуждение текущих домашних вопросов. Конюх вырастает в собственных глазах, видя, что и он незаменимый человек и его работа не менее важна для выполнения плана партии, чем любая другая.

Но вот докуривается вечерняя папироса, и все через несколько минут засыпают. Засыпают спокойно, в полной уверенности в надежности кровя, словно они не в бязевых палатках, а за прочными бревенчатыми стенами зимовья.

Как ни крепко спится после трудного перехода, Некрасов вдруг просыпается от сотрясений палатки и всхрапов коня, копающегося мордой в экспедиционном имуществе, сложенном рядом с его постелью, по ту сторону бязевой стенки. Конь задевает ногой за палаточную треногу, палатка трясется, позванивает труба печки. Все три пса, взятые в полевую партию, где-то прячутся от комаров и не думают отгонять незваного гостя, который ищет соль или вообще что-нибудь соленое.

— Пошел отсюда, Гнедой!

Некрасов ударяет ладонью по стенке палатки. Гнедой шарахается в сторону, минуту стоит неподвижно, потом опять начинает рыться в вещах. Просыпается конюх.

— Отгони ты его, спать не дает,— просит Некрасов.

Забайкалец, чертыхаясь, натягивает брюки, выходит из палатки и подвернувшейся под руку палкой ударяет по ребрам коня. Не ожидавший такого обращения, конь секунду-другую ошалело смотрит на хозяина, потом опрометью, галопом несется прочь. Ну, кажется, можно спать спокойно. Палатка затихает.

Через полчаса конь снова, сначала осторожно, потом смелее, начинает копать в вещах и трясет пал-

латку. Обозлившийся Некрасов вскакивает и, не одеваясь, не обращая внимания на комаров, выбегает из палатки. Но конь уже имеет опыт, знает, что его ждет, и, услышав шаги, бежит прочь. Некрасов кидает в него камни, отгоняет метров за сто за сухую протоку и возвращается спать. Только успели задремать, как опять услышали скрежет гальки под копытами Гнедого, возвращавшегося к палатке. Конь был молодой, игривый, ему, очевидно, не только хотелось соли, но доставляло удовольствие убегать от преследования. Вконец рассердившийся Некрасов бесшумно подкрался к двери и с камнем в руке ждал приближения Гнедого. Вот тот подошел к вещам, несколько секунд постоял неподвижно; слышно было, как обмахивал себя хвостом, отгоняя комаров. Прислушался: спят или не спят люди,— и шевельнул мордой суму. Некрасов выскочил из палатки и с силой бросил камень в круп убегающего коня. Но как ни сердись на озорника, бросание камнями может кончиться плохо. А ну как попадешь ему в ногу и сломаешь ее.

— Вставай, Иван, давай перетаскивать вещи в палатку, иначе Гнедой не даст нам спать.

Утром, во время завтрака, неожиданно для всех в палатку просунулась обросшая бородой голова кол-лектора Салежнинского.

— Вот где я вас разыскал! Ну, встречайте гостя!

Оказывается, Дмитрий Игнатьевич не был в зимовье у Новика и набрел на нас случайно.

— Помогал партии Галченко опробовать вершину Зырянки,— раздевшись, прихлебывая горячий чай, рассказывал он.— Ну подвел ты меня, Андрей Васильевич! Как я тебя ждал весной! Хотел пешком отправиться на Сатану к Клеменкову и жалею теперь, что не сделал этого. Как-нибудь бы уж добрались до своего лагеря. До весеннего разлива рек у меня жил Генка Русеев, пришел с Далекой, из партии Галченко. Видел, сколько лежит фауны в зимовье на нарах? Из бочерского ущелья с Генкой натаскали. Думаем— обрадуем Андрея Васильевича. Как началось половодье, решили перебраться к Галченко, все-таки вместе веселее. Всего до лагеря Галченко двадцать километров, а еле добрались. Вода большая, через Зырян-

ку не перейдешь. Зимовье у них стоит на Далекой, метрах в трехстах от Зырянки. Подошли к речке и выстрелили несколько раз, чтобы дать знать о себе. Прибежали двое рабочих и прораб Ермолаев, стоят на берегу, помочь ничем не могут. Лодки нет, плот вязать долго, да по такой бешеной воде его сразу унесет черт знает куда. Потом догадались, принесли длинную веревку, за один конец привязали камень. Гена обмотал себе грудь веревкой и первым полез в воду. На середине реки его сбило течением, пришлось товарищам вытаскивать его при помощи веревки. Потом таким же манером переправился я. Вообще-то вполне надежная, безопасная переправа, но вода ледяная, даже сердце заходится от холода. Хорошо, что теплое зимовье было близко. Мы бегом туда, разделись, обтерлись досуха. Галченко, спасибо ему, по чарке поднес для такого случая. Всю весну прожили на Далекой. Неделию тому назад, как только показались из-под воды речные косы, Костю Ермолаева и меня Галченко отправил опробовать вершину Зырянки, а сам с промысловщиком и Генкой пошел опробовать Далекую. Мы с Костей выполнили задание и теперь вот возвращаемся обратно. Я перевалил с Зырянки на Бочеру, проведаль на перевале наш лабаз— стоит целехонек— и направился в свое зимовье, а Ермолаев ушел на Далекую.

— Как Галченко поживает?

— Хорошо. Сейчас они, вероятно, собираются перевалить в бассейн реки Мюмы. Русеев у него отличается. Рыщет по сопкам, по тайге, ищет медведя и сам как медведь— большущий, сильный и тоже хищный. Помните его длинный массивный нож, тесак, которым маленькое дерево можно срубить. С одним этим тесаком готов идти на медведя, лишь бы добыть мяса, поест его вволю, да достать шкуру на починку ичигов.

— Нашли что-нибудь в вершине Зырянки?

— Золота нет и шлих совсем серенький, бесперспективный. Между прочим, там эвены стоят со стадом оленей. Угощали нас оленьиной. Мы с Костей ночевали в стаде.

— Ну что же, Дмитрий Игнатьевич, располагайся на отдых. Постель и все твои походные вещи мы захва-

тили с собой. Иван покажет твою суму. А нам с Некрасовым надо идти в маршрут. Когда отдохнешь, помоги Ивану подтянуть подковы у коней. И вообще проверьте, все ли в порядке.

Мы с Некрасовым пошли по небольшому притоку Бочеры, из вершины которого перевалили в другой ключ, и вечером снова вышли на Бочеру в трех километрах примерно выше лагеря. Начался дождь. На спех замеряя простираение и падение пластов, коротенько описывая обнажения, поспешили добраться до лагеря.

После ужина, под стук дождя о крышу палатки, опять начались взаимные расспросы.

На другой день раньше всех проснулся Сапежинский. Дождь продолжался, но что-то подозрительно сильно шумела речка. Выйдя наружу, Дмитрий Игнатьевич ахнул. И речка и ее протоки, вчера бывшие сухими, до краев были полны бурлящей мутной водой. Еще десять—пятнадцать сантиметров повышения уровня воды — и лагерь будет залит. Коней не видно. Гнедой не подходил ночью к палатке. Очевидно, почуввав наводнение, кони перебрались через протоку и ушли поближе к лесу, на более высокое место. Но собаки оставались на острове, неодобрительно поглядывая на разбушевавшуюся речку.

— Подъем!

Сапежинский растормошил спящих и доложил обстановку.

— Говорили тебе, Иван, не разбивай на острове лагерь! — ругали все конюха.

Впрочем, положение было только неприятное, но не опасное. Перейти через протоку не составляло труда, вода не доходила даже до пояса.

— Запакуем вещи, а когда вода зальет островок, снимем палатку и будем перетаскивать вещи через протоку, — предложил Некрасов.

В ожидании повышения уровня воды развели костер из оставшихся с вечера дров, сварили чай. Но вот поток стал пениться меньше, поубавилось количество сучьев и всякого хлама, несущихся на его хребте, середина главного русла перестала дыбиться, поверхность его из слегка выгнутой превратилась в слегка

вогнутую — верный признак убыли воды. Мы успокоились, снова залезли в палатку, расстелились и легли досыпать. Больше ничего не оставалось — все равно сегодня речка не пустит работать.

У ОЗЕРА СЕРГЕЯХ

Опробование вершины реки Зырянки, проведенное Сапежинским совместно с прорабом соседней партии, сильно подвинуло выполнение плана.

Мы были благодарны Галченко за дружескую услугу и в то же время я по достоинству оценил энергию и активность Сапежинского. На долю Некрасова осталось опробовать только речку Ламутку — небольшой приток Зырянки, да три ключа, впадающие в Бочеру.

Теперь все внимание следовало сосредоточить на геологической съемке района, оказавшегося весьма сложным по своему геологическому строению. Для первого года самостоятельной исследовательской работы задачи, стоящие передо мной, были чрезвычайно трудными, но в то же время и очень заманчивыми.

Сорок лет тому назад по Зырянке прошел знаменитый И. Д. Черский, материалы которого обработал другой известный исследователь Северо-Востока — С. В. Обручев. В опубликованной работе С. В. Обручева о Северо-Востоке геологическому строению верхней части бассейна Зырянки было уделено всего несколько строк. После Черского никто не посещал этот район. Цареградский пробыл в прошлом году на Бочере два-три дня и, естественно, не мог составить о нем сколько-нибудь полного представления.

Масса нового фактического материала подавляла меня. Я не умел в нем разобраться.

Работая в поле, накапливая факты, геолог все время на основании их строит рабочие гипотезы. Бывает, что он ежедневно меняет свою точку зрения, если факты не подтверждают его вчерашних предположений. Эта способность осмысливать фактический материал еще в поле является обязательной для геолога, если он не хочет работать вслепую. Геолог все лето находится в творческом горении. Он постоянно про себя

строит схемы геологического строения района, которые подкрепляются или опровергаются последующими наблюдениями и окончательно закрепляются потом на карте. Осматривая обнажение, он описывает и зарисовывает его. По дороге к следующему обнажению он продолжает раздумывать, сопоставлять новые факты со старыми. Он мучается в догадках, часто не зная, какой точке зрения отдать предпочтение. Все эти раздумья находят отражение в особой тетрадке — в дневнике геолога. Геолог радостно возбужден, если накопленные наблюдения укладываются в стройную схему, ярко освещающую картину геологического строения того или иного участка. И он мучается, раздражается, не находит себе места, если полученные данные противоречивы. И тогда геолог совершенно не в состоянии понять геологическое строение района. Но тем большая у геолога радость, когда после мучительных долгих раздумий наконец улавливается нить, по которой можно добраться до понимания целого: работа не прошла даром.

Самое страшное для человека этой профессии — равнодушие. Тогда нет геолога. Собранный без души материал мало чего стоит. Я вспоминал своего учителя, с которым работал на Урале и Памире. Он ежедневно подводил итог своим наблюдениям, и его представления о геологическом строении района ежедневно пополнялись количественно и в какой-то степени изменялись качественно. Этот ежедневный творческий рост в понимании геологического строения изучаемой территории продолжался все лето. При таком изучении района картина геологического строения складывается в голове исследователя еще в поле, и чаще всего она подтверждается камеральной обработкой материалов.

Через день после наводнения забайкалец с Некрасовым поехали вверх по Бочере к озеру Сергелях, к нашему лабазу, а мы с Сапежинским пошли за ними в геологический маршрут и вскоре встретили темно-серые глинистые известняки, показавшиеся непохожими на все встреченные ранее. Переверотив несколько глыб, нашли на поверхности одной из них отпечатки ракушек морских животных, напоминающих своей формой и многочисленными ребрышками пектенов

и монотисов, какие в прошлом году я видел в зимовье на Средникане у Леонида Сняtkова.

— Вероятно, верхний триас, — решил я и так записал в своей полевой книжке.

Это были породы древнее верхнеюрских сланцев, но значительно моложе верхнего силура. Прогнал между самыми древними и самыми молодыми породами начинал заполняться Прикинули мощность пород верхнего триаса — что-нибудь около двухсот—трехсот метров. И известковистый состав пород и их мощность были совсем другие, чем в приискском районе, где такого же возраста породы состояли из песчаников и сланцев, составляющих в десять—пятнадцать раз более мощную толщу. Опять загадка — почему породы одного и того же возраста в соседних районах являются столь различными по минералогическому составу и по мощности? Такой сокращенный разрез мог бы встретиться на платформе, но здесь породы так сильно смяты, собраны в такие крутые складки, что о платформе не может быть и речи.

Поднимаясь выше по Бочере, нашли в осыпи, на крутом склоне, редкие глыбы габбро-диабазы. Полезли на сопку и там встретили небольшое изверженное тело — шток габбро-диабазов. Значит, габбро-диабазы залегают в бассейне Бочеры не только в виде даек, но и образуют более крупные формы — штоки, то есть более или менее округлые тела изверженных пород, проникших в осадочную толщу.

Озеро Сергелях увидели, когда подошли к крутому повороту речки. Оно прижималось к высокой скале, сложенной известняками. Когда-то река подмывала скалу, а потом ушла к другому склону долины. Отшнуровавшийся от коренного русла отрезок превратился в озеро — старицу, окруженную кольцом темно-зеленого луга, на котором сейчас паслись все наши четыре лошади.

Проснувшись утром на новой стоянке, я, к своему удивлению, услышал, что для Некрасова седлают коня.

— Ты куда, Яша, собрался?

— В стадо съезжу, к эвенам. Завтра буду обратно. Все равно дня три-четыре проживем на этом месте. А я,

может, свежего мяса достану и дикого лука наберу. Дмитрий Игнатьевич говорит, что в вершине Зырянки лука много. А то ты совсем расхвораешься и работать не сможешь.

Оказывается, Сапежинский и Некрасов, втихомолку посоветовавшись, решили лечить своего начальника от цинги. Я действительно чувствовал себя еще плохо, ощущал слабость, не мог при ходьбе угнаться за Сапежинским, хотя тот на десять лет был старше. К тому же свежатины и лука хотелось всем: консервы надоели.

На озере Сергелях задержались на пять дней.

В первый же день отправились на перевал на резервный лабаз. Такие лабазы забрасывались весной, по последнему зимнему пути, чтобы облегчить летом транспорт. Бывает, что удается разбросать несколько лабазов в районе и тогда геологическая партия летом почти не затрудняет себя перевозкой продуктов.

Лабаз был небольшой, уместился на одной толстой лиственнице, между сучьями которой лежало два ящика, покрытые небольшим брезентом. Очевидно, здесь весной не проходили медведи, если столь примитивно устроенный лабаз не был ими разграблен. Конюх решил подъехать сюда позднее на лошади и забрать необходимые продукты, а мы ушли в маршрут.

На протяжении трех километров встретили много разнообразных по составу и возрасту пород. На берегу Зырянки, ниже тропы, увидели плитчатые известняки с редкими мелкими моллюсками из рода продуктид, характерных больше всего для морских отложений каменноугольного и пермского периодов. Выше по реке в невысоких береговых обнажениях оказались плотные зеленые туфы. Расколавая глыбу туфов, чтобы взять образец, нашли небольшую, закрученную на подобие рогов горного барана раковину, с узорчатой линией на поверхности, много раз кругом охватывающей раковину. Она была настолько усложнена мелкими зубчиками, что походила на ветку с сидящими на ней многочисленными мелкими листочками.

— Вот это и есть аммонит, — показывал я Сапежинскому. — Назван он так в честь древнеегипетского бо-

га солнца Аммона-Ра, которого изображали с двумя круто завитыми рогами на лбу.

— Да мы такую же ракушку, во всяком случае очень похожую на эту, только крупнее, пытались выбить с Генкой в бочерском ущелье, — заметил Сапежинский...

Судя по сложной лопастной линии двух найденных аммонитов, они скорее всего относятся уже к нижней части мезозойских отложений, вероятнее всего к триасу. А между тем туфы с аммонитами лежат на известняках с каменноугольными продуктами. Вот нам опять задача! Куда же девались отложения пермского периода, которые должны залегать между каменноугольными и триасовыми отложениями? Надо попробовать отыскать контакты туфовой толщи с толщей известняков.

Тщательно отмечая каждый слой, снова прошли метров двести вниз по реке, но граница между толщами была скрыта осыпью. Такая же неудача ждала нас и на втором контакте, вверх по реке. Пришлось удовольствоваться замерами элементов залегания во всех трех наблюдаемых пунктах, судя по которым можно было предполагать несогласие между толщей туфов и нижележащими породами.

— Ну и что из того, что они лежат несогласно друг на друге: нижняя толща круче, верхняя — положе? — спрашивал Сапежинский.

— Пока трудно сказать. Может быть, оба контакта, обе границы тектонические, то есть толща туфов опустилась по разломам и клином вошла в древнюю толщу, в древнюю структуру, как инородное тело. Тогда по сделанным замерам нельзя ничего сказать. А вот если туфовая толща не ограничена сбросовыми трещинами, а тем не менее слои ее залегают несравненно положе, чем слои более древних известняков, то это интересное и важное наблюдение может явиться доказательством фазы складчатости, собравшей в складки толщу известняков и вероятно выведшей их на земную поверхность со дна моря. На земной поверхности известняки были частично разрушены, размывы проточными водами. Потом этот район снова стал опускаться, и на дне моря отложились вот эти туфы, обра-

зовавшиеся из выброшенных прибрежными вулканами кусочков лавы и из вулканического пепла. Через несколько десятков, а то и сотен миллионов лет снова повторилась горнообразовательная революция, во время которой еще больше покорило известняки, а туфы, почти горизонтально лежавшие на дне моря, собралась в складки. Так как туфы лежат на размытых складках известняков, то их складки не совпали со старыми складками. У них другие углы падения и несколько иное простираание. Вот такое угловое несогласие между различными толщами и есть доказательство горнообразовательной революции, происшедшей в промежуток времени между образованием этих толщ. А в какое время это было, когда это произошло, сможем сказать только в Ленинграде после точного определения возраста найденных нами в этих толщах ракушек.

Разговаривая друг с другом, мы очутились перед скалой из вертикально стоящих пластов, сложенных множеством мелких и крупных галек, сцементированных зеленовато-серым песчаным цементом.

— Вот опять конгломераты,— определил Сапежинский.— Ниже по Зырянке их целая гора. Мы с Ермаевым ковырялись в них, когда проводили опробование.

В конгломератах оказалась галька самых различных пород: известняки с силурийскими кораллами, черные известняки с раковинами каменноугольных моллюсков, породы, похожие на туфы, из которых мы выбили аммониты, глинистые сланцы и даже небольшой кусок гранита.

— Откуда тут набралось столько всякого добра?— опять спрашивал Сапежинский.

— Вот такие мощные толщи крупногалечных конгломератов обычно обозначают линию берега древнего моря. Море размывало, разрушало берег, обломки пород окатывались и отлагались вблизи берега. Промежутки между крупными обломками заполнялись песком. Постепенно все это цементировалось. А при сжатии, когда образовались складки, рыхлые отложения превратились в плотную, крепкую торную породу. По составу обломков мы можем судить, какими поро-

дами были сложены горы, лежавшие возле древнего моря.

— Значит, они моложе всех толщ, породы которых находятся в нем в виде гальки?

— Безусловно. Судя по тому, что мы нашли в них гальку гранитов, можно говорить о небольших древних, ныне, вероятно, уже полностью размытых массивах гранитов.

— А что же конгломераты так круто стоят, почти вертикально?

— Такое положение у них не было первоначальным. Скорее всего, они, так же как и туфовая толща, сначала были собраны в складки, а потом ограничены разломами, по которым опускались и вклинивались в окружающие их древние толщи. Очевидно, при опускании они приняли такое ненормальное положение.

— Значит, после образования туфовой толщи наш район опять поднимался и подвергался размыву, потом снова погрузился на дно моря. Сколько же можно так циркулировать?

— Для разных районов земного шара по-разному. Одни районы очень долго остаются сушей. Другие часто поднимаются и опускаются. Есть такие подвижные зоны, где на памяти человека, то есть в последние полторы-две тысячи лет, участки суши, населенные людьми, погрузились постепенно на дно моря. А у берегов Центральной Америки в XVIII столетии за какие-нибудь несколько часов опустился на дно океана целый остров с городом, населенным пиратами. Успели спастись только двести человек на одном корабле. Колымский край, судя по собранным экспедицией Библина материалам, стал сушей уже в конце юрского или в начале мелового периода, то есть больше ста миллионов лет тому назад. Конечно, за это время горы разрушались, местность становилась равниной, а затем вновь поднималась, и реки прорезывали в ней новые глубокие ущелья, снова образовывались горные хребты. Местами край опять заливался мелким морем, в которое реками приносилось много древесины, засыпавшейся на дне моря песком и илом. Вот из захороненной на дне моря древесины и образовались угли на Зырянке.

С озера Сергелях мы сделали два коротких, но очень интересных маршрута, позволивших собрать богатейший материал. Фауны набралось столько, что решили оставить ее на лабазе, чтобы потом специальным рейсом отправить в зимовье.

...Яша Некрасов возвратился на второй день и привез мясо и зеленый лук. Сварили суп из свежего мяса, заправили его свежим луком. И даже приготовили второе блюдо — поджарили оленину. Ужин был роскошный!

Чтобы мясо не испортилось, куски его развесили на ночь на веревке, протянутой между деревьями на высоте более двух метров, чтобы обдуло ветерком. Завтра предполагалось вырыть для мяса яму в речных наносах или поместить его в ящике в воду.

На этот раз и псам перепал хороший ужин, а то они жили полуголодными. Ну что можно уделить из мясного, если на четырех человек полагалось в день не больше шестисот граммов тушенки. Приходилось их кормить хлебом, лепешками, остатками каши, да и то далеко не досыта. Дернуло же Некрасова забрать с собой трех псов! Прекрасно могли бы обойтись одним Сокотком.

Осоловелые от обильного и вкусного ужина, мы вскоре заснули. Ночью проснулись от повторяющихся глухих шлепков о землю. Прислушались — опять и опять что-то мягко шлепается на песчаную косу, рядом с палаткой.

— Собаки за мясом прыгают, — догадался Некрасов. — Не достанут, высоко. Пусть попрыгают.

Но вот после одного из прыжков послышался звучный шлепок упавшего куска мяса.

— Сокоток, подлюга! — Некрасов пулей вылетел из палатки. Самого большого куска мяса как не бывало. Он свисал наиболее низко, и Сокоток поставил себе целью достать именно его. Две другие собаки с возбуждением следили за своим вожаком, но сами не прыгали. Очевидно, Сокоток не терпел конкуренции в таком важном деле.

Некрасов вбежал в палатку, схватил ружье, снова выскочил из палатки и выстрелил в кусты, куда скрылся убегающий вор.

— Ну погоди, я тебе завтра покажу, как воровать! Но ни завтра, ни послезавтра Сокоток не пришел в лагерь.

— Бойтся, мошенник. Видно, убежал к Новуку, — решил Некрасов.

На следующий день я в одиночку пошел осматривать скалы у берега озера Сергелях, чтобы затем пробраться в маленький распадок, где нашел кремowego цвета известняки с многочисленными отпечатками ракушек. Остальные сотрудники на конях отправились на большой левый приток Бочеры. Когда около четырех часов дня я возвратился в лагерь, конюх варил обед.

— Отвез я их, пару коней им оставил, а другую пару привел обратно. Седла снял, коней спутал, — докладывал Иван.

— Да кони все четверо пасутся на той стороне озера.

— Как так? Значит, убежали с ключа.

— Ты давай-ка лови коней и поезжай за товарищами, а я сварю суп.

Через два часа все были в лагере. Не обошлось, оказывается, без приключений. В долине ключа лотковое опробование дало весовые знаки золота, в честь чего ключу дали название Находка. Знаки были всего в двух пробах у вершины ключика. Пока поисковики детально обследовали вершину, кони удрали. Сапежинский и Некрасов взяли седла и пошли вниз по долине, надеясь вскоре встретить пасущихся лошадей. Наконец Сапежинский заметил в кустах темное пятно.

— Верно, Гнедой. Только что это он побурел? Вымазался, что ли, в чем-нибудь?

Недолго думая, Сапежинский двинулся к нему.

— Стой, стой, чертова Сивка-Бурка! Залез, дурак, в чашобу, вместо того чтобы пастись на лугу!

Дмитрий Игнатьевич зачмокал, вытянул руку, сложенную горсткой, делая вид, что хочет дать соли. И вдруг вместо коня видит встающего на дыбы медведя. Перехватив седло левой рукой и выставив его перед собой как щит, Сапежинский правой рукой схватил геологический молоток — единственное средство защиты. На короткий охотничий нож он не надеялся. Некрасов, не видя медведя, спокойно шел сзади. Мед-

ведь посмотрел на людей, рывкнул, повернулся на девяносто градусов и быстро исчез в поросшем лесом маленьком боковом распадке.

На Сапежинского встреча произвела сильное впечатление.

— Без берданки я теперь никуда. Хватит с меня таких встреч. Стоишь как дурак, беззащитный.

На следующий день снова, и теперь уже все вместе, поехали знакомиться с геологическим разрезом по ключу Находка. Нужно было выяснить, с чем могло быть связано золотое оруденение. В вершине ключа, у самого русла, встретили шток долеритов, на границе с которым, в сильно измененных силурийских известняках, увидели прекрасно выкристаллизовавшиеся минералы, в том числе и рудные. Это было небольшое месторождение сульфидов. Очевидно, при разложении таких минералов, как пирит и халькопирит, иногда содержащих золото и в изоморфной смеси, и образовались единичные крупные золотишки. Нигде ниже по ключу не было встречено знаков золота. По этому признаку заключили, что золото на ключе Находка не имеет промышленного значения. Но тем не менее встреченные в вершине ключа золотишки свидетельствовали, что в области развития палеозойских известковых пород имеются небольшие скарновые сульфидные месторождения с золотом.

Еще один день потратили на маршрут в вершину Бочеры. У устья одного из ее левых притоков, на склонах сопки, в осыпях нашли множество отпечатков моллюсков. Ручей поэтому был назван Фауновым... На Бочере было все закончено. Надо перебираться к вершине Зырянки.

Первый день маршрута по Зырянке оказался скучным в геологическом отношении. На протяжении многих километров залегали одни и те же серые силурийские известняки, собранные в крутые складки. Когда мы подошли к границе леса с горной тундрой, то увидели белевшую возле русла нашу палатку.

Навстречу выбежали собаки, и среди них черный лис Сокоток, приветливо урчащий, выгибавший спину, бьющий хвостом о землю, всем своим существом выражая покорность и преданность.

— Хороший, хороший, — гладил его Сапежинский, а потом, меняя интонацию: — Вор, стащил мясо, я вот тебе!

Сокоток съеживался, слыша угрожающие нотки, и жалобно повизгивая, стелился перед хозяевами.

— Проси, проси хорошенько прощения, — посмеивался Некрасов, наблюдавший эту сцену и уже беззлостно взиравший на своего любимца.

— Как только снялись с лагеря, — рассказывал Яша, — выехали на перевал, он и появился сзади. Видно, все три дня прятался в кустах, боялся показаться на глаза, а как увидел, что лагерь снялся, — испугался, пришел с повинной. Небольшую трепку все-таки я ему задал.

На следующий день, как обычно, мы с Сапежинским отправились в маршрут, поручив Некрасову опробовать один из правых притоков Зырянки, пропущенный весной.

Путь наш лежал по долине Зырянки. Выискивая обнажения, иногда заходили в долины маленьких ключиков.

Работая у скал, обрывающихся к руслу Зырянки, незаметно подошли к оленьему стаду, откуда пастухи-эвены давно, оказывается, следили за нами.

Одиннадцать часов дня. Ветра нет, поэтому даже в центральной части хребта жарко. Чтобы обезопасить себя от комаров, все стадо, несколько сот оленей, сбилось в одну кучу — тихо шевелящийся бурый островок. Кое-где около стада разложены дымокуры. Долина покрыта мхом, перемешанным ногами сотен оленей с торфяным перегноем почвы, что создает впечатление громадного неубранного скотного двора. Олени тяжело дышат от жары. В эту пору года они линяют, на них висят выпадающие комки грязной шерсти и вид у них какой-то несчастный. К концу сентября эти же олени превратятся в сытых, с лоснящейся шерстью, энергичных красавцев.

К геологам молча приковыляли стреноженные псы. Чтобы не задирали оленей, одну ногу у псов сгибают и подвязывают. Собака беспомощно прыгает на трех ногах и становится вполне безопасной. Своих псов мы еще с вечера привязали к вычюным ящикам из опа-

сения, что Сокоток может отправиться на охоту за оленями и испортить наши дружеские отношения с пастухами.

После перекура попрощались с эвенгами и пошли в самую вершину Зырянки, которая представляла собой здесь всего навсего большой ручей.

Под вечер мы остановились передохнуть. Кругом не было ни одного кустика. Не было даже ягеля, чтобы развести небольшой огонь и сварить кружку чая. Мрачные темно-зеленые скалы все теснее сжимали ручеек. Ужинали размоченными в ручье галетами и банкой мясных консервов.

Спуск с хребта оказался хуже, чем подъем на него. Впрочем, спустаться всегда хуже, труднее, опаснее. Опять придерживались русла ручейка, через каждые тридцать—пятьдесят метров образующего водопады.

Маршрут не дал ничего нового. Хуже — он внес разноречия в понимание возраста зеленоцветной свиты. И это разноречие мучило меня, как невытащенная заноза.

Возвратились в лагерь к десяти утра, пробыв в маршруте больше суток. Теперь придется сутки отсыпаться и отдохнуть. Некрасов тоже пришел пустой, не обнаружив ни единого значка золота в пробах из речных отложений.

В последнем маршруте мы дошли до западной границы своего района. Но пересечение такого большого участка, как вершина Зырянки, одним маршрутом было явно недостаточным для съемки в масштабе 1:100 000. Надо было сделать еще несколько маршрутов, но времени оставалось в обрез. Кончался июль, а заснята была только половина территории. Надо было в спешном порядке передвигаться в юго-восточную часть нашей территории, в бассейны рек Ламутки, Агиджи и Шумной.

До Ламутки добирались два дня. Первый день спустились вниз по реке Зырянке. Чтобы не переходить через реку, я и коллектор отделились от каравана и шли по правой стороне долины. Вступив в полосу леса, наткнулись на первые грибы — рыжие маслята — и наполнили ими свои рюкзаки. Этот отрезок Зырянки был

закартирован Сапежинским еще весной и, поэтому мы вели только геологические наблюдения, отдыхая от счета шагов. Мало-помалу разговорились. Рассказывал главным образом Сапежинский.

— Родом я с Урала. Отец служил там лесничим. Учился в реальном училище уездного городишка, и уже закончил его, и в армию был мобилизован, когда грянула революция. Отец, а потом и мать вскоре померли от тифа. В армии был настроен по-большевистски, поэтому сразу же после приезда в родные места, как только началась гражданская война, решил вступить добровольцем в Красную Армию. И в партию тогда же вступил. Дрался на колчаковском фронте, брал Уфу, но дальше Урала не пошел, отозвали из части и откомандировали в Москву на курсы политработников. В девятнадцатом году в Москве, в помещении бывшего университета имени Шанявского, дважды довелось слушать Владимира Ильича Ленина. По учебному плану он еще должен был прочитать нам несколько лекций, но наступили горячие дни — белые наступали с юга, и ему было не до нас.

— Расскажи о Ленине.

— Что сказать о нем? Прежде всего, Ленин рассказывал ясно и просто, доходчиво. Не чувствовалось в нем ученой важности. Правда, все лекторы держались более или менее просто, но все же у некоторых сквозь наигранную простоту чувствовалось интеллигентное превосходство, взгляд на слушателей сверху вниз. А состав слушателей был пестрый. Тут и бывшие студенты, и люди, кончившие три класса начальной сельской школы. Разъяснить трудный вопрос без непонятных иностранных слов, так, чтобы дошло до каждого, это редко кто умеет. А у Ленина всегда здорово получалось. Ну и слушали его, можно сказать, не дыша — муха пролетит и то слышно. Недолго, к сожалению, пришлось учиться. Срочно всех курсантов направили на фронт.

— Ты всех вождей видел, Дмитрий Игнатьевич?

— Видел и слышал. Я же кончил кремлевские военные курсы. Но это было уже позже, после гражданской войны. Однажды сопровождал на юг очень важного товарища. Отдельный вагон, в нем член политбю-

ро и нас, курсантов, двое, добровольно вызвавшихся сопровождать и оберегать его. Стою я как-то в коридоре вагона, смотрю в окно, покуриваю и вдруг слышу:

— В профиль вы совсем, как Ворошилов!

— Что же, — отвечаю, — может быть, еще и буду таким же крупным деятелем, вырасту.

— Правильно! Растите, растите, — смеется важный товарищ.

После окончания школы меня откомандировали в Жмеринку, а потом перевели работать в Государственное политическое управление в Москве. Работал бы там до сих пор, да статья «Головокружение от успехов» помешала. Отправили нас пять лет тому назад, в 1929 году, в деревню на коллективизацию. Дали инструкцию, как действовать. А потом появилась эта статья. По содержанию статьи чувствовалось, что вся вина за серьезные недостатки в проведении коллективизации сельского хозяйства перекладывалась на низовых работников. Не мог я тогда рассуждать хладнокровно. Казалось бы, не все ли равно, кто ошибся! Важно выправить ошибку, а я в бутылку залез, пошел в райком и партбилет секретарю на стол положил.

Куда, думаю, теперь податься. С женой к тому времени я разошелся. По роду работы не мог сообщать ей, зачем исчезаю, скажем, по ночам, а она вздумала меня ревновать.

— Знаю, — говорит, — твою службу, на свидания бегаешь!

Так и разошлись. Ну, а одна голова нигде не бедна. Завербовался рабочим в экспедицию по изысканию гидроаэродромов на севере Якутской республики и с ней добрался до Колымы. Экспедиция закончила свою работу, но я решил не возвращаться в Москву, устроился на службу в Дальстрой. Понравился чем-то начальнику горного управления Пемову. Он назначил меня заместителем начальника отдела снабжения. Но не люблю я конторской работы.

— Назначь, прошу тебя, — говорю Пемову, — в геологическую партию, чтобы освоить мне горную специальность.

Сначала хотели меня с геологом Вронским отправить, а потом решили к Цареградскому прикомандировать. Вот теперь ты давай обучай меня геологии.

— Ладно, Дмитрий Игнатьевич, я тебе в конце сезона выделю участок для самостоятельной работы.

— Хорошо, договорились.

В этот день мы прошли не менее тридцати пяти километров и достигли полосы увалов, сложенных верхнеюрскими сланцами. Отсюда, по увалам, легко было перевалить на Ламутку.

До Ламутки нужно было пройти не более пятнадцати километров. На следующее утро мы даже не нашли нужным взять с собой продукты. Все равно караван с Некрасовым и конюхом придет на Ламутку раньше нас. Место будущего лагеря наметили выше ламуткинского ущелья.

Вышли поздно — идти-то недалеко! Долго искали фауну в зеленоцветной толще на другом берегу реки. Поднимаясь на перевал, встретили крупногалечные конгломераты. Хорошо окатанные круглые валуны силурийских известняков с бурым налетом на поверхности достигали в диаметре сорока сантиметров.

Работали не торопясь и только под вечер спустились в долину речки Ламутки выше ущелья.

— Что за черт! Где же караван?

Прошел час, каравана нет. Должно быть, Иван и Яша стали ниже ущелья. Решили пойти вниз по ущелью, оказавшемуся крутым и узким, трудным даже для пешего хождения. У нижнего конца ущелья тоже никого не оказалось. А может быть, пока мы спускались вниз по ущелью, караван пришел в условленное место? Пришлось снова подняться по ущелью, чтобы опять убедиться в отсутствии там лагеря. Оставили записку на видном месте: «Лагерь, ставьте здесь!» — и полезли на сопку, чтобы издали рассмотреть палатку или караван. Вечерело. И хотя около Полярного круга солнце в начале августа заходит очень поздно, в одиннадцатом часу ночи трудно было разглядеть с сопки цепочку навьюченных лошадей. Очертания предметов расплывались, все покрывалось серой пеленой поднимающегося в прохладный вечер тумана.

— Неужели могли заплутаться? Да тут и плутать негде, — ворчал Сапежинский, в раздражении трепля свою светло-рыжую бороду. Внизу под нами расстилась поросшая редким листовичным лесом стометровая терраса, служившая водоразделом между Ламуткой и Зырянкой.

— Придется сойти вниз и там где-нибудь ниже ущелья ждать их. Вьюки, что ли, тяжелые, что они не сумели перевалить в условленное место? Пошли, Дмитрий Игнатьевич!

Начали спускаться.

На стометровой террасе Сапежинский выстрелил из берданки. Прошло около десяти минут, но ответного выстрела не последовало. Выстрелил еще раз, опять нет ответа.

— И тут их нет! Куда, дьяволы, подевались? Что могло с ними случиться?

По размытому пологому борту террасы спустились к поросшему тальником берегу Ламутки.

Вскоре на косе уже пылал костер, и неудачливые путешественники, подмостив под себя по охапке зеленых гибких прутьев тальника, лежали с подветренной стороны.

— Что же случилось? Может быть, лошадей не могли найти? В крайнем случае, отсюда не больше пятнадцати километров до Новика, уйдем туда, а пока придется голоднуть.

— Сами виноваты. Известно, идешь в тайгу на день, бери припасов на неделю, — ворчал на самого себя Сапежинский.

— Давай согреем по кружке воды. Все-таки на чай похоже.

Зачерпнув из речки воды, поставили кружки на нагоревшие уголья, поближе к огню.

— Расскажи чего-нибудь, Дмитрий Игнатьевич, скорее время пройдет, а спать нам комары все равно не дадут.

— Все уже порассказано. Надо маленько прикорнуть, отдохнуть, а то совсем без еды обессилим. Особенно ты, цинготник. И ног не дотащишь до лагеря.

К утру поднялся ветер, не стало комаров и удалось немного поспать.

— Ну, я пошел искать наших олухов. — Сапежинский вскинул на плечо берданку. — Если их там нет, возвращусь обратно. Посиди, подожди. Нет смысла обоим ходить. Может быть, они сюда перевалят. Словом, я буду стараться их перехватить выше ущелья, а ты — ниже.

Часов в одиннадцать дня послышался лай Сокотка, а затем показался и Некрасов с чайником и рюкзаком с продуктами.

— Ну как, жив? Сапежинский всяко обругал нас с Иваном за опоздание.

— В чем дело, Яша, где все-таки вы остановились?

— Там, где и условились. Нашли записку и на этом месте разбили лагерь. Понимаешь, дорога оказалась такой паршивой, что мы уже почти затемно пришли туда. Сначала болото, потом крутой подъем по маленькому ключику. Как только лошади ноги не переломали! Отдыхать два раза останавливались. Сколько раз перевьючивали! Вот тебе и короткий путь! Он вон каким длинным оказался. Нашли записку — успокоились. Думаем, вот-вот подойдут. А вас нет. Я уж и кричал, и стрелял — никто не откликается.

— Зачем ты чайник приволок?

— Дмитрий Игнатьевич велел. Подкорми, говорит, его, а ты ног не потянет.

Опять пропал день. Было пятое августа — день условленной встречи с Цареградским. Я попросил Сапежинского провести тщательную съемку по левой Ламутке, а сам, взяв с собой геологический молоток, на другой день отправился к Новiku.

В зимовье, кроме Новика и канавщиков Устименко и Перфильева, никого не было. Шалимов ушел работать на канаву.

— Жду, каждый день жду высокое начальство, — говорил Новик.

Он захлопотал, открыл две банки мясных консервов, поджарил их, достал пачку печенья к чаю.

— Кушайте, Андрей Васильевич. Рад вас видеть у себя.

Поджаренные консервы показались мне сверхроскошным блюдом. В своем отряде я не мог пойти на подобное расточительство, консервов еле хватало на суп.

— А чего же ребята не подсаживаются к столу, — указал я Новика на лежащих на нарах рабочих...

— Они не любят жареных консервов.

— Как так, не любят? Вы что, товарищи, в самом деле не любите?

— Да, не любим! — раздался возмущенный голос. — Он их не дает нам.

После обеда Новик куда-то вышел, и рабочие начали жаловаться на него.

— Собрались уходить, Андрей Васильевич. И сидоры уже подготовили. Невыносимая обстановка! Что ни скажешь — Новик сейчас же грозит, что за такие речи он даст нам по десять лет. Пусть сам канавы бьет, а нас за срыв работы нехай увольняют из экспедиции. На все согласны, только бы избавиться от Новика.

— Да вы что, с ума сошли, ребята! Неужели не понимаете, что Тихон Федорович, по своему обыкновению, треплется. Как это он может давать вам сроки? Что он — судья?

— Говорит, все законы знает. И как возвратимся с летних работ, так он нас и посадит, если не будем его слушаться. Мы уже слово боимся сказать. Не можем мы больше с ним работать.

— На днях Цареградский и Раковский подъедут, с ними и договоримся относительно вас, Новика. А самовольно и не думайте уходить.

Устименко и Перфильев были молодые парни, весь свой недолгий век проводившие в тайге. Любитель чтения и обладатель хорошей памяти, Устименко развлекал своих товарищей пересказом прочитанных им романов, разнообразия их порой и своими домыслами. Это был человек с творческой фантазией, тонко понимающий красоту окружающей природы. И в то же время неуравновешенный, вспыльчивый. Прошедшую зиму работал на разведке на правобережье Колымы у Ратюшкова. В пьяном споре, перешедшем в драку, выстрелил в своего оппонента, но, к счастью, ранил легко. Случай этот Ратюшкову удалось скрыть, но Устименко он постарался выдворить, и тот в весеннее половодье, рискуя быть затертым льдинами, на лодке сплавился по Колыме до устья Зырянки, на базу экспедиции, откуда его направили в отряд Новика. Я всег-

да с удовольствием слушал его рассказы о весеннем сплаве в одиночку, о паводке на Колыме, о перелете птиц.

С Новиком пришлось вести неприятный разговор, пригрозить немедленным увольнением из партии, если он будет и дальше терроризировать и провоцировать рабочих. И на следующий день я ушел к своим на Ламутку.

— Вот геологический разрез по Ламутке, — показывал мне вечером Сапежинский. — Все свиты и их мощности показаны точно. Фауны, правда, не нашел.

Я долго читал описания обнажений в записной книжке Сапежинского, сравнивал записи с зарисованным им разрезом, но ничего не мог понять. Полученный Сапежинским разрез не соответствовал сложившемуся у меня за полтора месяца работы представлению. Пришлось ругать себя за недостаточно внимательную работу при прослеживании разреза на том участке долины Зырянки, куда выходил комплекс пород, встреченный на Ламутке.

Утром все-таки решил повторить маршрут Сапежинского, хотя и было несколько неловко выразить этим поступком недоверие своему самолюбивому помощнику.

— Не понимаю я строения этого участка, Дмитрий Игнатьевич! На Зырянке не мог понять и здесь, на Ламутке, по твоему разрезу ничего не могу уразуметь. Придется самому попытаться разобраться. Обнаженность тут хорошая, может, и удастся расшифровать разрез. Давай еще раз поднимемся в вершину Лево́й Ламутки, оттуда спустимся по Правой Ламутке, где ниже устья Яша и Иван разобьют лагерь и будут ждать нас.

— Не доверяете, значит, мне? — Сапежинский сразу помрачнел и недружелюбно посмотрел на меня. — Ну, дело ваше, вы — начальник!

Дмитрий Игнатьевич перешел на вежливую форму обращения, что само по себе обозначало высокий накал гнева в старом чекисте.

— Да поймите вы меня, не могу я разобраться в геологической обстановке. А повторить маршрут ничего

не стоит, все равно иначе не попасть в вершину Правой Ламутки.

Собирались молча. Я взял записную книжку Сапежинского и пошел вперед, сверяя сделанные коллектором записи и зарисовки с действительностью. Обнаженность была очень хорошая, скальные обнажения следовали одно за другим, и свиты, сложенные разными породами, прослеживались легко.

Сзади с берданкой молча шел обиженный Сапежинский. Он ни разу не забежал вперед, не обмолвился ни одним словом. Первые четыре часа маршрута я не видел его, но все время чувствовал за своей спиной, как кипит в нем злоба. Только несколько месяцев спустя случайно пришлось узнать об опасности, грозившей мне в эти часы.

В полдень вышли в расширенную часть долины, поросшей карликовой березкой, наломали сухих прутьев, сварили чай. Чай пили тоже молча, перебрасываясь короткими фразами лишь в случае крайней необходимости. Не задерживаясь на отдых, пошли дальше.

С записной книжкой Сапежинского в руках я опять шел впереди. В четыре часа вечера вывершили наконец Левую Ламутку и выбрались на перевал, откуда можно было спуститься в вершину Правой Ламутки.

— Все у тебя в порядке, Дмитрий Игнатьевич! И записи точные, и разрез вполне соответствует действительности.

Сапежинский просиял. Мрачность как рукой сняло. Он вдруг сделался оживленным, болтливым, словно сбросил с себя какую-то тяжесть. Спустившись в Правую Ламутку, повели съемку в более быстром темпе, чтобы засветло попасть в новый лагерь.

— Надеюсь, на этот раз не подведут, — смеялся повеселевший Дмитрий Игнатьевич. — Не придется ночевать под кустом.

Когда стемнело, заспешили в лагерь. По дороге Сапежинский без умолку рассказывал различные истории из своей богатой всякими приключениями жизни. Между нами опять установился дружеский контакт, и Дмитрий Игнатьевич снова опекал меня, как младшего брата.

Из ущелья вышли в полной темноте. Дали выстрел, на который послышался лай и крики. Палатка была близко, и нас там ждал ужин.

На следующий день отправились втроем вниз по Правой Ламутке. Некрасов вел опробование. На одной из полян, прилегающих к речке, увидели на росшем в стороне кустике хорошо видимый клочок белой бумаги.

— Письмо! — догадались мы.

Действительно, это была записка от Цареградского:

«Приезжайте на базу, буду ждать три дня. Необходимо поговорить».

— Мы с Некрасовым закончим маршрут, — предложил Сапежинский, — а ты прямо отсюда шагай на базу. Завтра привезем твою постель.

Через три часа я был в зимовье, теперь полным народом. Кроме Цареградского и его конюха, приехал Дмитрий Васьковский, молчаливый, высокий светловолосый юноша.

— Привез вам прораба-геолога, — отрекомендовал его Цареградский.

Раковский не приехал. Он куда-то отправился по срочному делу. Мне передали привет от Якушкина.

— Ваш догор вечерами все рыбачит. Каждый день вытаскивает из Колымы по несколько осетров. Всю базу рыбой кормит. Собирается и на зиму заготовить рыбы. Приедете, будете балык есть. А теперь рассказывайте о ваших успехах.

Я подробно рассказал о геологии района, поделился своими недоумениями, но Цареградский и сам не был знаком с этим комплексом отложений.

На другой день Цареградский потащил меня и Васьковского в маршрут по бочерскому ущелью. Встречая глубокое улово, наш начальник вынимал из кармана леску с крючком, наживлял его мухой и бросал в воду. После двух-трех минут выжидания вытаскивал крючок из воды — рыбы здесь не было — и присоединялся к нам.

Разрез бочерского ущелья был уже знаком мне, и сейчас он ничего нового не дал. Разве только Васьковский, петрограф по специальности, предложил для

некоторых изверженных пород новые, более точные, по его мнению, названия.

Пока мы были в маршруте, мой отряд закончил работу на Ламутке и возвратился на Бочеру. Некрасов и Сапежинский во вчерашнем маршруте попали на грибное место, набрали полные сумки и засолили ведро белых грибов. Все мы любили грибы не меньше, чем медведи или олени. Известно, что важеньки так увлекаются поисками грибов, что теряют оленят.

— Подождем до завтра, — урезонивал нас Некрасов, — еще не усолели грибы, суток не прошло как мы их набрали.

Но мы все-таки съели по парочке грибов, чтобы убедиться, что они действительно не усолели.

На следующий день я рассказал Валентину Александровичу о недовольстве рабочих Новиком и просил сделать внушение таежному Хлестакову. Но все как-то обошлось. Рабочие не пожаловались, а Цареградский забыл поговорить с Новиком.

К вечеру начался дождь. На утро речка вспучилась, стала грозной, и только на четвертый день Цареградский смог двинуться на Рассоху в партию вновь приехавшего геолога Веры Козловой. В дождливые дни, сидя в зимовье, он увлекательно рассказывал о геоморфологии района. Чувствовалось, что эта область его интересует и что он чувствует рельеф местности, быстро схватывает его особенности и умеет истолковать историю его образования, особенно ледниковых форм рельефа.

На второй день после отъезда Цареградского отправился в бассейн реки Шумной, Дмитрий Васьковский. Ему выделили всего одну лошадь и одного рабочего — Шалимова. На остальных трех лошадях отправился в вершину Агиджи Сапежинский. Я задержался, помогая Новiku привести в порядок документацию по Бочерской жиле. Через два дня и я должен был перевалить в Агиджу и найти там свой отряд.

Но к вечеру в зимовье неожиданно появился мой новый прораб, с берданкой и полным рюкзаком образцов за плечами.

— Как хотите, Андрей Васильевич, я без вас не

возвращусь в район. Разрез мне незнакомый, не могу разобраться.

Пришлось идти с Васьковским на речку Шумную. Шли целый день, знакомясь в беседах друг с другом. Как всегда, я взял с собой только геологический молоток, за плечами Васьковского — тяжелая берданка. Подобно Сапежинскому, он никогда не расставался со своей берданкой после неожиданного столкновения с медведем.

— Представьте себе куст исланика. Я подхожу сорвать ореховую шишку, а в это время с другой стороны куста поднимается на дыбы медведь. Не помню, как мы с ним разошлись. С тех пор не расстаюсь с берданкой.

К нашему приходу Шалимов набрал грибов и теперь жарил их.

— Замучился я с лошадью, — жаловался он, — хоть на веревку привязывай. Плохо пасется, скучно ей одной, даже стреноженная все норовит убежать на Бочеру.

Утром мы пошли вверх по Шумной. По дороге встретили три небольших висячих долины, верный признак былого оледенения. Висячие долины обрывались крутым уступом в долину Шумной, переуглубленной ледником. Очевидно, после того как ледник на Шумной растаял, устье долин его боковых притоков словно повисло над широкой и глубокой долиной Шумной.

— По-моему, этот район сложен только диабазами, — говорил Васьковский. — Я не вижу здесь осадочных пород. Вероятно, тут другая, по сравнению с бочерским ущельем, толща.

Мы дошли наконец до узкой части долины, по краям которой стояли зеленоцветные скалы. Они действительно были сложены диабазами. Но вот в километре от диабазовых утесов, после недолгих поисков, нашли фауну двустворок, тех же самых, что и в бочерском ущелье.

— Здорово вам везет на фауну, — удивлялся Васьковский. — Теперь мне все ясно. Конечно, это та же самая зеленоцветная свита, но только с несравненно большим количеством эффузивов. Дальше я разберусь.

Мы пожали друг другу руки, и, не заходя в палатку к Шалимову, я ушел к себе на Бочеру.

— А я за тобой пришел, — встретил там меня пришедший с Агиджи Некрасов, — Дмитрий Игнатьевич прислал.

Сапежинский работал на Агидже с присущей ему обстоятельностью и аккуратностью, но без глубокого понимания сути дела. Обработать и систематизировать все то, что он видел самостоятельно, он не мог. Впрочем, от него и нельзя было требовать большего после трехмесячных коллекторских курсов.

Геологический разрез на Агидже представлял собой повторение разреза по Бочере. Но для его детализации уже не оставалось времени. Я побыл у Сапежинского дней пять.

В последний день мы попытались дойти до вершины Агиджи, но не вышло — развалилась в походе обувь, пришлось возвращаться. Ичиги мои пришли в безнадежное состояние, и их нечем было скрепить. Тогда я пошел босиком. Ночью, без тропы, по камням, по сучьям. Хуже всего было идти по тайге — мелкие обломки сучьев больно кололи ноги. Приятнее всего было переходить речку — холодная вода освежала стертые ступни.

Босиком пришлось идти километров десять — пятнадцать. Это было мучительно. И все-таки все обошлось более или менее благополучно: ноги были исцарапаны, но серьезных порезов не оказалось.

От такого хождения ступни к утру распухли, и я слег. Только через день, надев новые ичиги, с трудом поковылял на перевал, чтобы возвратиться на Бочеру, так как отряд Сапежинского должен был ехать километров за двенадцать в сторону, на большой правый приток Агиджи. К вечеру я был на Бочере в зимовье Новика.

Сейчас, в конце летнего сезона, надо было привести в полный порядок все материалы по разведке Бочерской жилы, чтобы иметь возможность обосновать незначительную золотоносность Бочеры и убедительно показать ошибочность утверждений пятидесятника Попова о наличии богатого золота в бассейне Зырянки.

Поглощенный работой, я не заметил, как прошли две недели. 25 августа явился Дмитрий Васьковский, закончивший съемку бассейна Шумной. Еще через день явился отряд Сапежинского вместе с гостями. Оказывается, партия Каузова, работавшая в бассейне реки Рассохи, решила сплавиться на плоту, поручив отвести коней на базу Верхнеколымской экспедиции коллектору Елышеву и конюху Табакову. У них было тоже четыре коня, из которых, в сущности, загружен был только один. Еще на двух они ехали верхом, а один оказался резервным.

Мы обрадовались Елышеву, а еще больше его коням. Будет на чем вывезти коллекцию образцов горных пород и фауну. Гостю с шутками и смехом объявили, что его транспорт конфискуется и ему придется двести километров топтать пешком вместе с нами. Под его груз выделяется только одна лошадь.

— В гости, называется, приехал, — деляя вид, что поражен наглостью хозяев, шутя отругивался Елышев. — Знал бы, за сто километров вас объехал. Что будем делать, Ванюша?

— Мне-то что, — отвечал Табаков, — я верхом поеду, мне лошадь оставляют.

Но тут выступил новый претендент на лошадей — Новик.

— Мне тоже нужны лошади. И не меньше трех. Что же, товарищи, я, прораб, и вдруг пешком должен идти, а конюхи верхом поедут! — запротестовал он.

— Тихон Федорович, пробы ваши сейчас не сможем увезти. Их вывезут на оленях первым зимним путем. А для ваших личных вещей хватит одной лошади. Весь инженерно-технический персонал и рабочие, кроме конюхов, пойдут пешком. Иначе не сумеем вывезти собранные образцы.

— В таком случае я отказываюсь от лошади! Это издевательство, я буду жаловаться! — вопил он.

— Очень хорошо, несите на себе ваши вещи, а рабочие, я думаю, не откажутся и от одной лошади.

Конечно, вещи свои Новик погрузил на лошадь,

но обиделся на меня и намеренно отстал на один день пути.

Возвращались с полевых работ в быстром темпе. Полтораста километров до Угольной прошли за пять дней. Ни болота, ни переходы через речки не могли испортить приподнятого настроения. На четвертый день пути, оглядываясь назад, увидели запорошенные снегом вершины Аргатас. Значит, вовремя ушли с хребта.

Не доходя километров двадцати до Угольной, на речной косе обнаружили раздувшийся труп лошади, еще не тронутый медведем. Кого же это постигло несчастье: партию Клеменкова или Сушакова? — гадали мы. Только они могли возвращаться по этой тропе. Как выяснилось позднее, несчастный случай произошел в партии Сушакова. Такой уже незадачливый человек наш Павел Николаевич! Возвращаясь с полевых работ, он рискнул перебраться через многоводную в нижнем течении Зырянку. Конюхом у него был неопытный и еще очень молодой паренек из местных жителей. Вместо того чтобы отвязать навьюченных лошадей и перегнать их поодиночке, он повел в воду всю связку. В середине русла, на быстрине, кони всплыли, их понесло вниз по реке. Натыкаясь друг на друга, путаясь передними ногами в поводьях, они сбились в один обезумевший от страха клубок. Паренек-конюх не умел плавать и потонул вместе с лошадей.

Этот печальный случай еще раз напомнил всем полевикум, как нужно быть осторожным в тайге и как важно продуманно действовать в экспедиционных условиях. При соблюдении необходимой осторожности можно всю жизнь провести в путешествиях без особых неприятностей. А у неопытного и неосторожного полевика ежегодно случаются опасные приключения.

В пути каждый делился своими впечатлениями, накопленными за полгода. Елышев смешил своими рассказами о Каузове.

— Проследили вы контакт между верхнедевонскими и силурийскими отложениями? — спрашивал я.

— Контакт там виден очень хорошо. Но, признаюсь, я ехал впереди и полагал, что Данила Аркадьевич осмотрит и опишет обнажение. А он почему-то решил,

что я уже осмотрел обнажение, и совсем не стал останавливаться возле него.

— Как же вы не согласовали своих действий?

— Не было времени согласовывать. Когда я выезжал из лагеря, Светоч еще изволил почитать. Уже и палатку сняли, а его все еще не могли добудиться.

— Ничего не понимаю! Что же вы его так и оставили спать дальше?

— Зачем же оставлять? В последнюю минуту, когда лошадей уже завьючили, удалось разбудить Светоча и сообщить, что караван уходит. Он выскочил из спального мешка и, пока его постель привязывали к вьюку, натянул верхнюю одежду, схватил оставленную ему лепешку и, завтракая на ходу, отправился вслед за караваном. Такое утреннее пробуждение у нас практиковалось частенько.

— Цареградский был в вашей партии?

— Где же ему было найти нас? От вас он заехал в партию нового нашего сотрудника Веры Васильевны Козловой, а потом уехал в Верхнеколымск.

— Что за человек Козлова?

— Ничего дамочка, зубастая. Светоча несколько раз посадила в галошу по части геологии. Куда его остроумие девалось, сразу скис. Она к нам в неположенное время нагрянула. Светоч еще спал, когда мы заметили приближавшийся к нам караван. Что, думаем, за люди! Разбудили Светоча. Он выскочил в одном белье и с биноклем в руках. Батюшки мои! Впереди каравана идет женщина. Ну тут мы срочно начали прихорашиваться, надели чистые рубашки, побрились, приготовились вести галантный разговор. А она вон какая оказалась — с первых же слов начала смущать нас геологическими вопросами. И чего это ей взбрело в голову говорить с нами о геологии? Мы всю весну и все лето говорили о чем угодно, но только не о геологическом строении района. Как будто нет более интересных тем. Светоч пытался было перевести разговор на другие рельсы, рассказал несколько анекдотов, а она все пристает к нему со стратиграфией и тектоникой района. Нет чуткости в человеке! Впрочем, как мне показалось, она вскоре поняла, что не к чему с нами вести разговоры о геологии.

В Угольной мы нашли Сергея Прохоровича Якушкина. Он был здесь в длительной командировке и, как всегда, в свободное время ловил рыбу. Вечером вся наша компания ела уху из его хариусов.

Теперь оставалось преодолеть самую трудную часть пути. В пятнадцати километрах ниже Угольной, от стоящего на берегу Зырянки зимовья дорога сворачивала налево и шла по сплошному болоту. Это был зимник, по которому весной мы проехали на собаках. Переночевав в зимовье, двинулись по болоту. Инженерно-технические работники ушли вперед, надеясь в один день дойти до базы экспедиции. Рабочие пошли с лошадьми, рассчитывая на полпути, возле одного из многочисленных озер, найти сухое местечко для ночевки.

Через два километра уже шли по колено в болотной жиже, сапоги были полны грязной, скверно пахнувшей водой. К вечеру удалось пройти больше тридцати километров по болоту. Караван отстал, вероятно, остановился где-нибудь ночевать. Геологи один за другим выходили на сухой берег большого озера, забрызганные по пояс грязной водой. Последним пришел Елышев. Руки у него по локоть и выше были покрыты зловонным илом.

— Упали, что ли, Алексей Владимирович? — сочувственно спросили его.

— Умаялся брести на ногах и решил попробовать идти на четвереньках. Так последний километр и шел. И знаете — легче.

...На базу пришли поздно вечером. На другой день пришел наш караван. После обычного трехдневного отдыха принялись за составление хозяйственного отчета.

ВТОРАЯ ЗИМОВКА

Вторая осень в экспедиции протекала спокойно, не было ночных сумасбродств, ругани, пьянства. Исчез палаточный городок, все расселилось по избам. Полевики ходили на субботники, помогая строителям. Вскоре после приезда мы с Якушкиным получили ком-

нату в новом общежитии. На этот раз в каждой комнате стояла буржуйка, и можно было по желанию регулировать тепло. Но дверей не навесили из-за отсутствия петель на складе. Вместо дверей повесили одеяла.

После палатки общежитие казалось чрезвычайно шумным. Ежеминутно в комнату заглядывали товарищи, все еще переживавшие летние приключения, в коридоре стоял веселый гомон. Иногда поздно вечером раздавалось пение Каузова. Чтобы не могли предложить убираться с своими песнями на улицу, Каузов растворял дверь общежития, одной ногой переступал порог, а другую оставлял на крыльце, за порогом, заявляя, что он частично находится на улице и может поэтому распевать любые песни, какие ему вздумается.

Чтобы избавиться от непрерывного шума, Якушкин предложил построить отдельный домик где-нибудь в стороне от базы, подальше от непрошенных гостей. Не медля ни одного дня, взялись за рубку леса в полкилометре от базы и на этом же месте начали строить таежную избу. С помощью товарищей построили ее за десять дней. Сколотили и мебель — большой, двухметровой длины, овальный стол, два невероятно тяжелых кресла и две скамейки.

В день окончания работ я получил разрешение начальника экспедиции выписать со склада три литра спирта. Якушкин извлек из своих запасов двух осетров. Вечером начался пир, угощали строителей дома. Первый тост провозгласил Сапежинский.

— Мы пьем за новый дом, за его хозяев. Надеюсь, что мы выстроили не частнособственнический куток для двух товарищей, а своего рода клуб, куда будем собираться для бесед.

— Завсегда рады всем товарищам, — хитренько улыбаясь, заверял Якушкин, — ежели они в трезвом виде.

Гости вскоре совсем повеселели. Началась пляска. Каузов показал танец медведя. Он переворачивался через голову, ползал на четвереньках, неуверенно ходил, шатаясь.

Мишка Минин снял валенки и пустился вприсядку, показывая грязные пятки. Минин был одним из охот-

ских старателей, пробравшихся на Колыму до организации Дальстроя. Искуснейший промывальщик, сейчас работающий прорабом, он в 1930 году старался на Средникане. Управляющий отделением «Союззолота» на Колыме Улыбин как-то решил проверить качество промывки и незаметно положил в лоток Минина небольшой самородок. Промывая породу в лотке, Минин заметил самородок и понял, что его проверяют. Тогда он, не доведя промывку до конца, несколько более обычного наклонился, резким толчком лотка подбросил самородочек и незаметно для Улыбина поймал его ртом. Убедившись, что самородочек не уловлен в лотке, Улыбин на общем собрании старателей стал пенять им на плохую работу, приведя этот случай, но не называл фамилии Минина. Не выдержав упреков, Мишка протиснулся к столу.

— Вот твой самородок! Подавиться бы тебе твоим золотом. Кого ты захотел испытывать? Не хуже тебя понимаем свое дело!

Сейчас Мишка был в самом благодушном настроении.

Сапежинский сильно подпил и рассказывал Якушкину:

— Молодец твой догор, одобряю, и все-таки я чуть-чуть не пристрелил его.

— Что ты врешь, Дмитрий Игнатьевич? — удивился Якушкин. — Ну сознайся, что соврал.

— Ничего не соврал, уж очень он меня оскорбил: пошел проверять мою работу на Ламутке. Это меня-то проверять, который держал в кулаке знаешь каких инженеров! Не чета этим начинающим молокососам. Закипело все во мне! Иду сзади него с берданкой и время от времени беру его на мушку. Ты ведь знаешь, я ворошиловский стрелок, да и затылок твоего догора был всего в нескольких метрах. Не знаю, что удержало меня. А как вышли в вершину Ламутки и он сказал, что наблюдения мои правильны, чуть не расцеловал его. А вообще-то очень благодарен ему за науку.

— Бросай невеселые воспоминания! Давайте, братва, плясать! — И Ратюшков лихо пошел по кругу.

На следующий день никто уже не помнил о пьяных разговорах. Для экспедиции наступила вторая, реша-

ющая зима. На этот раз созданы были все условия для камеральной обработки материалов. Геологи готовились в ближайшее время отчитываться за полевые работы.

К началу второй зимовки мы уже считали себя закаленными людьми, которым не страшны ни путешествия по тайге, ни свирепые морозы, ни мрак зимних месяцев. Но оказалось, что нам, собственно, и нечего было страшиться. Все испытания остались позади. У экспедиции появилась электростанция, и до двенадцати часов ночи наш поселок представлял собой сияющий остров в темной тайге. Всех инженерно-технических работников обеспечили комнатами в общежитии и удобным рабочим местом в конторе. Наладили снабжение дровами и водой. Значительно улучшилось общественное питание. Словом, были созданы все условия для нормальной работы.

Вторая зимовка в относительно благоустроенном поселке, каким теперь являлась наша база, настолько отличалась от первой, что приехавшие к нам из Средникана геодезисты и топографы воспринимали рассказы о прошлой зимовке, как повествование о легендарном прошлом.

Новые товарищи привезли кое-какие книги, но общественной библиотеки у нас все еще не было. Пришлось взять на учет всю художественную литературу, находившуюся в личном пользовании, и постепенно обобществить ее. В основу общественного книжного фонда легла наиболее крупная личная библиотека Цареградских.

Библиотека находилась в ведении молоденького радиста, заменявшего Сережу-Медное Дерево, уехавшего в отпуск. Библиотекарь всем читателям доверительно сообщал, что им написан роман, который, по отзыву одного из видных советских писателей, составил эпоху в истории русского романа. Но читатели отнеслись к этому скептически, и лишь некоторые товарищи с почтением взирали на непризнанного пока гения — чем черт не шутит, вдруг действительно окажется знаменитостью. Увы, не оказался.

Скучали по газетам и журналам. Мы их не видели со времени отъезда из Магадана. По чьему-то недо-

смотрю всю предназначенную для экспедиции литературу услали по другому таежному адресу, и мы снова на целый год остались без новостей о большом мире. Краткие радиосводки не могли возместить отсутствия периодической печати.

Несмотря на полуторагодовое существование, наш поселок все еще не имел собственного имени. В официальных бумагах он именовался базой Верхнеколымской экспедиции, а мы называли его просто базой.

Далеко за сотни километров рассылала база своих разведчиков. Отдохнувшие после полевых работ разведчики снова потянулись на таежные ключи в бассейны больших рек: Зырянки, Рассохи, Омудевки. На правобережье Колымы — самом перспективном по золоту районе — разведочные работы опять возглавил Ратюшков, зарекомендовавший себя хорошим организатором. Хуже было у него с геологической съемкой. С полевых работ он привез совершенно фантастическую геологическую карту. Все возвышенности на ней были закрашены зеленым цветом, обозначавшим в данном случае туфы и известняки. Остальная часть территории сложена была, по мнению автора карты, кварцитами и закрашена в коричневый цвет.

— Осмотрел все обнажения, все выходы горных пород. Кого хотите посылайте, все равно ничего другого не привезет, — защищался Володя от насмешливых нападок геологов. — Только зря будете переводить государственные средства, — сокрушался он.

Но начальство даже не стало разбираться в его творчестве. Всем было ясно, что поиски россыпного золота на правобережье Колымы Ратюшков провел отлично и добился хороших результатов для сводной геологической карты, правобережье по-прежнему оставалось белым пятном и следующим летом туда надо посылать геологов-съемщиков.

Еще до Октябрьских празднеств коллекторы разложили по полкам коллекции камней, отбили от некоторых небольшие кусочки и сдали их в шлифовальную мастерскую для изготовления петрографических шлифов — тончайших пластинок, изучающихся под микроскопом. Шлиховые поисковые пробы на золото были

переданы группе товарищей, занимавшихся минералогическим анализом. Группу возглавляли Трушков и Елышев, с головой ушедшие в изучение минералогии края.

Как и в прошлом году, определением ископаемой фауны и флоры занялись Сушаков и Зимин и консультировавший их Цареградский. Они оказались в самом невыгодном и тяжелом положении: в экспедиции не было ни одной монографии по палеонтологии. Приходилось пользоваться учебниками, выискивать рисунки в сводках по геологии Сибири и Дальнего Востока. Но даже предварительные определения фауны были чрезвычайно важны для нас. Без них нельзя было составить геологическую карту.

Данила Каузов пытался сохранить традиции первой зимовки и работать, как вздумается и когда придет охота, но его очень быстро подтянули. Кончилось ерничество и озорство, возникавшие вследствие отсутствия рабочего места и недостаточной занятости людей в прошлую зиму.

Наступивший зимний мрак теперь уже не очень тяготил нас — с восьми часов утра и до двенадцати часов вечера мы жили при электрическом освещении. И хоть желтый свет электроламп тоже надоедал, но все-таки это был свет!

После Октябрьского праздника состоялись доклады начальников партий об итогах полевых работ. Мы демонстрировали свои карты шлихового опробования и предварительные геологические карты. Возникали теоретические столкновения, особенно в части определения возраста зеленоцветной толщи.

В экспедиции было всего три микроскопа, поэтому пришлось установить очередность пользования ими: одни — в утреннюю смену, другие — в вечернюю. Но вообще-то геологи весь день и вечер проводили обычно в конторе, помогая друг другу. Такова уж камеральная работа у геологов, особенно в таежных уголках, где иногда отсутствуют даже совершенно необходимые специалисты.

В первые годы освоения Колымского края здесь встречалось много самоучек, причем на самых различных ступенях служебной лестницы. Многие из них

постепенно выросли в руководящих работников горных и геологоразведочных управлений и приисков. Другие стали отличными разведчиками геологами-поисковиками. Некоторые стали лучшими знатоками геологии Северо-Востока.

Бурное развитие горнодобывающей промышленности явилось чрезвычайно благоприятной средой для выявления и быстрого продвижения способных людей. Часто можно было наблюдать, как паренек, приехавший на Колыму в качестве коллектора или младшего техника, через пять-шесть лет уже консультировал дипломированных инженеров.

В нашей экспедиции наиболее способными юношами были Дмитрий Васьковский, ученик Билибина, работавший в Средняке его старший брат Алексей и Елышев. Они серьезно изучали собранный их партией полевой материал и много работали над собой, причем не только по геологической специализации, — оба начинающих геолога имели широкий круг интересов. Васьковскому было поручено петрографическое описание каменных пород зеленоцветной толщи, что могло явиться достаточно сложной задачей даже для опытного петрографа.

Цареградский удачно спланировал обработку полевых материалов, предоставив возможность каждому геологу заниматься не только своими материалами, но и любимой темой.

Я взялся составить сводную геологическую карту. Для этого прежде всего нужна была сводная топографическая карта, которую должен был представить наш топо-геодезический отдел. Но за ними дело не стало. Геодезисты и топографы были людьми совсем другого склада, чем геологи. Точность, аккуратность и собранность — черты, отличающие геодезистов и топографов.

В своем большом и светлом помещении топографы молча работали над новыми чертежами или занимались вычислениями. Ни звука не долетало из их комнаты. Разговаривали они только в коридоре в минуты перекура.

Когда геологи представили в топо-геодезический отдел свои полевые планшеты для составления единой

сводной карты, там растерялись: настолько низкой оказалась степень географической точности полевых геологических карт. Чтобы составить по ним сводную карту, надо было иметь творческое воображение и смелость, чего не хватало топографам, привыкшим каждый штрих, каждую линию наносить на основании точных инструментальных измерений. Пришлось прибегнуть к помощи геологов, которые, к ужасу всего топо-геодезического отдела, без всякого стеснения, по памяти, подтягивали или сокращали речки, чтобы карта получила благопристойный вид. Тут же геологи спорили между собой, кто из них правильнее увязал с соседними районами гидросеть своего района. Топографы только ахали, наблюдая, как они без зазрения совести подрисовывали от руки речки, чтобы заполнить слишком широкие прогалы между планшетами соседних партий. Или, наоборот, укорачивали их, если они налезали друг на друга.

Только пятнадцать лет спустя, после аэрофотосъемки всего Северо-Востока, окончились эти печальные недоразумения с топографической основой геологических карт.

Получив наспех составленную сводную топографическую основу, на которой совершенно точно обозначены были лишь астрономические пункты, я принялся за составление сводной геологической карты. Она была нужна для обозрения в целом геологического строения территории работ экспедиции. Для наиболее целесообразной расстановки геологических партий в следующем полевом сезоне. Карта интересовала всех, и поэтому каждый геолог принял в ней посильное участие, внося исправления, оспаривая правильность нанесения контуров и определения возраста той или иной толщи.

Составляли карты всем коллективом.

Кроме конторы, в поселке был еще другой центр культуры — клуб. Здесь в длинные зимние вечера репетировались пьесы. Ввиду отсутствия в нашей библиотеке современных пьес ставились пьесы классиков. Первой постановкой явилась «Женитьба» Гоголя.

Начальник топо-геодезического отдела Михаил Васильевич Кузьмин прочел две лекции на космогони-

ческие темы, подготовленные по популярной в то время книге английского астрофизика Джинса.

«Анти-Дюринг» Энгельса и «Логика» Милля из моей библиотеки помогли Елышеву подготовить лекцию на тему «Диалектическая и формальная логика».

Организованный в конце года геологический кружок работал слабо, но и здесь Каузов сделал доклад о золотых месторождениях Южной Африки.

Как и в прошлую зиму, в наиболее трудных условиях находились наши разведчики, бывшие шурфы в долинах глухих таежных речек. Их навещали Раковский и Галченко. Раковского редко можно было видеть на базе. Он поставил себе целью проинспектировать все разведочные участки. В качестве топографа его часто сопровождал мой догор Якушкин. Будет или нет золото, а документация выработок должна быть на высоте.

На второй год северная обстановка казалась уже привычной и ни в какой мере не экзотической. Жизнь протекала нормально, без особых происшествий. Экзотика врывается к нам извне в виде сообщений о необычайных происшествиях. Например, мы с удивлением и восхищением узнали о необыкновенном скороходе, поразившем воображение всех местных жителей. Им оказался гидротехник Ворсин, работник речного пароходства, взявшийся пешком доставить заявки пароходства из Среднеколымска в Якутск. Рассказывали, что он на лыжах проходил иногда свыше ста километров в сутки. Даже в глазах сибиряков-старателей, людей видавших виды, это был диковинный человек.

— Вот бы пройти пешком по всему азиатскому побережью Северного Ледовитого океана. Сразу бы стал знаменитым, — мечтательно говорил Елышев.

Но не всегда путешествия в одиночку проходили благополучно. В начале зимы от нас в Средникан на собаках выехал Василий Васильевич Елистратов, возвращавшийся с Анюя, куда он выезжал летом по заданию дирекции Дальстроя собрать сведения о золоте. Не умея обращаться с собаками, жестоко избивая их, он, не доехав до Балыгычана, растерял потяг и, если бы не помощь со стороны местного населения,

погиб бы в тайге. Еще в то время Елистратов, человек легко возбуждающийся и увлеченный идеей широкого распространения россыпной золотоносности на Северо-Востоке, давал голову на отсечение, заверяя всех, что золото на Анюе есть. А не открыто оно там, дескать, только потому, что арктические геологи не применяют методики опробования россыпей, разработанной Билибиным. Но Елистратову не удалось собрать достаточно материала для обоснования постановки геологопоисковых работ, и анюйское золото было открыто много позднее. Такие командировки доверенных лиц свидетельствовали также о том, что руководство Дальстроя в начале 1934 года все еще не верило прогнозам Билибина и проверяло любые слухи о золоте, надеясь открыть районы более богатые, нежели старый приисковый район Колымы.

БЫЛО И ТАК

О наших неудачах по части открытия золотых россыпей было, конечно, хорошо известно в Магадане. Экспедиция не оправдала надежд. И каких надежд! И хоть никого нельзя было винить, тем не менее руководство экспедиции чувствовало себя неприятно, словно конфузилось, что не нашли золота. Разведочные работы второго зимнего сезона лишь подтвердили данные первого года: золотило только на правобережье Колымы.

Срок работы экспедиции кончался. Надо было сделать последнюю отчаянную попытку найти золото. Уже с января началось широкое обсуждение проектов полевых партий на лето 1935 года. Первый план, поступивший на обсуждение, предполагал исследование гигантской территории — от вершины Индигирки до северной части Охотского побережья включительно. Целесообразность поисковых работ на Индигирке и их перспективность не вызывали сомнений, поскольку еще в прошлом году из бассейна ее правого притока Неры Галченко привез поисковые пробы с весовым золотом. Только дальность расстояния и отсутствие транспорта помешали организовать там зимние развед-

дочные работы. Партия Галченко, выйдя в 1934 году за пределы Колымского срединного массива, попала в северную часть главной колымской золотоносной зоны, теоретически намеченной Билибиным еще в 1930 году. Оставалось только подтвердить правильность его прогноза еще более убедительными поисковыми данными.

Маршруты по Балыгычану и Сугою от устья до вершины с выходом на Охотское побережье быстро отвергли. Их можно было бы выполнить только при быстром передвижении по широким долинам главных рек, но тогда мало шансов зацепиться за золото, так как для опробования мелких притоков не хватило бы времени.

Вера Васильевна Козлова, захваченная идеей Елистратова об анюйском золоте, предложила провести маршрут по Анюю и Омолону — нижним правым притокам Колымы. При наших транспортных средствах осуществление такого проекта показалось совсем уж фантастичным, и его даже не стали обсуждать.

На правом берегу решили поставить только одну партию — для ревизии геологической съемки Ратюшкова в бассейне рек Шаманихи и Столбовой и для составления полноценной геологической карты единственного пока на территории экспедиции золотоносного района. Партию возглавил геолог Зимин.

Одной из важных задач экспедиции являлась геологическая привязка изученной территории к территории приискового района. Маршруты партий Царградского, Раковского, Сушакова, Козловой и Трушкова, широким веером раскинувшиеся от Поповки до Таскана, проходили по «белым пятнам», отделявшим нашу территорию от территории бассейна верхнего течения Колымы, и выходили на стык Колымского срединного массива с Колымской геосинклинальной областью. Перспективы у них были невелики, но ведь изучение «белых пятен» всегда сулит неожиданности. Может быть, и повезет в конце трехлетних поисков.

Из десяти партий семь добирались на своем транспорте в приисковый район, в Утинку, откуда в то время начиналось Колымское шоссе. И только две

партии, Верхне-Рассошинская и Верхне-Зырянская, возвращались к первому августа на базу, чтобы успеть с последними пароходами подняться по Колыме опять до Утинки.

На Рассохе уже третий сезон будет работать Каузов. Он закончит съемку территории в истоках этой реки.

Верхне-Зырянская партия, куда направляли меня, имела задание изучить историческую последовательность напластования пород палеозойского и отчасти мезозойского возраста. При маршрутных работах трудно выделить время для детального изучения разрезов и тщательных поисков фауны, необходимой для выяснения возраста осадочных горных пород. И хотя выяснение детального разреза многих толщ за один полевой сезон тоже является делом невыполнимым, было решено провести дополнительные наблюдения по всему разрезу палеозойских и мезозойских пород общей мощностью свыше двенадцати километров.

Такого же рода задание получил Василий Александрович Зимин для правобережья Колымы.

Когда утрясли план работ, снова встали всегда трудные для геологических партий вопросы об оленьем транспорте для переброски грузов в районы работ, о летнем конном транспорте и конюхах. Полетели запросы в Магадан, а оттуда в Якутск. Без содействия якутских властей и местных колхозов экспедиция не смогла бы работать.

Первые олени транспорты появились на базе в середине марта. Они предназначались для самых дальних партий: Индигирской, Верхне-Омулевской и Верхне-Рассошинской. Районы работ этих партий отстояли от базы на расстоянии четырехсот километров. Преодолеть такой путь по бездорожью — нелегкое дело. И поэтому их отправили в первую очередь.

Оставалось перебросить только мою партию. В один из апрельских дней я увидел быстро шагающего в сторону склада Каузова. Он явно был чем-то озадачен. Поспешность и озадаченность настолько не в характере всегда веселого Даниила Аркадьевича, что я не преминул спросить, в чем дело.

— Каюры-эвены приехали. Угощаю их чаем. Найдется у вас буханка хлеба, сахар и масло?

— Найдется.

— Давайте немедленно. Это же ваши каюры, и приехали они за грузом вашей партии. Но я пытаюсь уговорить их захватить и меня. Соглашаются как будто.

Каузов неспроста развил невиданную энергию по части ублажения каюров. Уехав в конце января в Среднеколымск под предлогом лечения зубов, он вернулся на месяц позднее. Остался ненаписанным отчет по работам прошлого года, и партия уехала без начальника. Раковский был взбешен таким отношением к делу и заявил, что для Каузова транспорта не будет, пусть добирается как хочет, хоть пешком. Сергей Дмитриевич слов на ветер не бросал. Это все в экспедиции знали отлично.

— Так я его и испугался! Неужели он надеется вытурить меня с базы и отправить на лыжах за четыреста километров? Нет, такое и у Раковского не выйдет, — хорохорился Светоч, — не на того напал.

Тем не менее он всеми средствами обрабатывал каюров, опасаясь крутого нрава заместителя начальника, и добился успеха. Эвены обещали погрузить его постель и дорожные продукты вместе с грузами моей партии. Собственно, больше ничего и не было нужно Каузову. Геологи всегда в поле отправлялись своим ходом, вслед за транспортом. И на этот раз все трое мы шли пешком, так как нарты были загружены полностью. На них ехали только каюры.

Утром 20 апреля помогли эвенам нагрузить нарты, и они уехали ночевать в соседний колхоз, за двенадцать километров от базы. После обеда собрались и мы: я, Каузов и мой коллектор Вася Облянцев. В последний раз поставили любимую пластинку и под мелодию Грига вышли в далекий поход.

Своеобразная точка зрения Сапежинского на повторные маршруты, как на непроизводительную трату времени и государственных средств, заставила меня отказаться от этого умного, энергичного, но уж очень примитивно оценивающего геологическую работу бывшего чекиста. С такого рода оценками приходилось

встречаться на Севере не раз. Ничего не смыслящие в геологии товарищи наивно, но в то же время придирчиво требовали во имя сохранения государственных средств выявления за одно лето всех полезных ископаемых района. Удивлялись и негодовали, узнавая о повторных исследованиях.

Продвигались мы медленно, так как олени попались нам заморенные. Запасных оленей было мало. Путешествие пока не омрачалось неприятными происшествиями. Утром мы с каюрами пили чай, складывали в сумы свои постели, увязывали чемодан с продуктами и посудой, снимали палатку и ждали оленей. Убедившись, что олени найдены и поездка сегодня состоится, мы уходили вверх по Зырянке, так как дорога все время шла по руслу реки. Каюры же снова пили чай, потом запрягали оленей. Перед тем как сесть на нарты и ехать, они еще раз пили чай. В солнечные весенние дни, в компании такого веселого собеседника, как Светоч, идти было одно удовольствие. Вечером мы догоняли транспорт, быстро ставили палатку и готовили ужин. Каюры чаще всего спали в своих кукулях на воле, возле нарт. Голову прикрывали большим верхним меховым отворотом кукуля. Должно быть, их не устраивала неравномерная температура палатки, в которой, как только гасла печка, становилось не менее холодно, чем снаружи в тайге, а когда вновь начинали топить, становилось чрезмерно жарко. Мы, как всегда, расстилали в палатке ветки стланика, чтобы оленухи, на которых мы спали, не лежали непосредственно на снегу, и сверху закрывались заячьими одеялами. Но наши постели не выдерживали сравнения с кукулями, в них было недостаточно тепло. Приходилось ночью подтапливать печку.

Уже в увалах хребта Аргатас встретили наледь. Не доходя до нее двухсот—трехсот метров, начали проваливаться в снег, под которым оказалась вода. Пришлось свернуть в сторону, подняться на восьмиметровую заросшую лесом речную террасу. Утопая по пояс в сыром снегу, мы обходили наледь. Если по пути встречалось упавшее дерево, каюр обрубал ветви и олени сравнительно легко перетаскивали через него и груженные нарты.

На пятый день к вечеру один из оленей упал, выбившись из сил. Поскользнувшись на гладком льду небольшой замерзшей наледи, он отказывался вставать, неслыша на все наши понукания. Мы с Каузовым подтащили его к заснеженному берегу, чтобы ему не скользить по льду, но олень продолжал лежать, безучастный ко всему происходящему.

— Оставим тут. Может, отдохнет, а летом ютыщем его, если волк не съест,—решили каюры.

На другой день утром Каузов поразил каюров катанием на коньках. Он скользил на них по краю небольшого участка гладкого льда, случайно оказавшегося возле нашей ночевки, все убыстряя и убыстряя ход.

— Ай-ай, как быстро бежит, совсем как жирный учуг осенью,—восхищались эвены.

По каким-то известным только им приметам эвены предполагали быстрое наступление весны и торопились еще до весеннего паводка найти свои семьи и своих родичей, откочевавших с места зимовки.

— А как вы их найдете? Ведь вы не знаете, куда они откочевали?—спрашивали мы.

— Перевалим в Мому, а там увидим, куда откочевали, тайга покажет.

Эвены легко ориентируются в необозримой тайге и горах без каких-либо карт. В своих зимних охотничьих поездках и летом при поисках убегающих из стада оленей с детства знакомятся они с большой по площади территорией и ориентируются на ней так же, как вы ориентируетесь в своем городе.

Несмотря на проявляемое эвнами нетерпение скорее добраться до своего кочевья, все-таки они были вынуждены на Сатане дать двухдневный отдых выбившимся из сил оленям.

После отдыха мы за один день добрались до устья Бочеры. По дороге встретили возвращающихся на базу экспедиционных рабочих, шурфовавших зимой в долине Бочеры. Они двигались по старинному приискательскому способу: сделали легонькие салазки, закрепили на них веревками свой немудрящий скруб и на лямке, через правое плечо охватывающей грудь, потащили салазки по нартовой дороге, а местами и без дороги, по руслу реки.

— А где Новик?—интересовались мы.

— Идет сзади,—неохотно отвечали рабочие. Должно быть, Тихон Федорович и им успел чем-то досадить.

Встретившись у устья Агиджи с впрягшимся в салазки Новиком, мы взаимно пожелали друг другу счастливого пути и разминулись.

Выше Агиджи русло реки Зырянки проходит по мрачному ущелью. Черные сланцевые обрывы нависают над рекой, делая ее летом непроходимой. Время от времени, увязая по пояс в снег, я подходил к скалам, чтобы замерить компасом элементы залегания пород и поискать в них отпечатки флоры и фауны.

Неплохо бы сегодня добраться до зимовья разведчиков на Бочере. Жилье, настоящее жилье, а не палатка. Но каюры держались другой точки зрения.

— Там плохой корм для оленей,—заявили они и остановились в шести километрах от зимовья.

Сегодня в дороге мы с Васей Облянцевым попрекнули Светоча, что он не по-товарищески ведет себя, отлынивает от кухонных дел и взваливает их только на нас.

— Ни черта не умеете делать, а еще опытный таежник. Даже лепешек не можете напечь,—попрекал его Обланцев.

— Я-то не могу!

— Вас надо два часа расшевеливать, а потом два часа ждать, пока напечете. С голоду помрешь, дожидаючись ужина.

— Может быть, поспорим, что я за полчаса всех вас обеспечу лепешками. Хотите пари на литр спирта?

Пари было заключено. К общему удивлению, Светоч развил такую деятельность, что за полчаса напек достаточное для ужина количество лепешек, мобилизовав для этого сковородку каюров.

— Сковородка каюров не учитывалась при заключении пари,—пытался протестовать Обланцев.

— Я вас обеспечил лепешками? Обеспечил. А каким образом—мое дело.

Возражать было трудно, мы проиграли литр спирта. Договорились, что отдадим долг, как только доберемся до места весновки, чтобы не распаковывать тщательно завязанный ящик.

На другой день, поднимаясь по Бочере, встретили наледь. Высокие крутосклонные сопки не пропускали в долину солнечные лучи. Еще издали, километра за два до наледи, каюры забеспокоились, увидев впереди себя затянутый густым туманом узкий участок долины. Наледь здесь образуется не каждый год, и наши каюры никак не рассчитывали встретить ее.

— Однако, кусаган, шибко кусаган (плохо, очень плохо), — вздыхали они.

Остановили транспорт, распаковали ящик с обувью и переобулись — валенки заменили сапогами. Пересортировали грузы на нартах, уложив повыше все, что боится воды. Каюр Багылай, необычайно высокий для эвена человек, первым погнал в наледь свою связку в шесть нарт. Олени сначала нерешительно потоптались на месте, потом пытались свернуть направо и налево в поисках обхода. Тогда Багылай встал впереди связки и решительно повел ее за собой. Осторожно ступая, олени неохотно входили в наледь. Мы хотели избежать купанья и взгромоздились на груженные нарты, но из попытки выйти сухими из воды ничего не получилось. Олени скользили по поддонному льду, падали на колени, снова вскакивали и с громадным напряжением продвигались вперед. Нам пришлось слезть с нарт и брести пешком. В середине наледи мы попали в более глубокое место, и нарты начало заливать водой. Прежде всего пострадали кули с мукой, но это было не так уж страшно. В таких случаях вдоль мешковины образуется тонкий прослой отсыревшей муки, что-то вроде клейкого теста, и он не дает дальше проникнуть воде. Тем не менее нужно было принимать срочные меры. Мы расчленили первую связку. Около двух первых нарт стало по два человека и, ухватившись за веревки, которыми были перетянуты грузы, или за баран (деревянную дужку в передней части нарты), помогли оленям тянуть груз, время от времени разгребая палкой плавающий в воде мокрый снег, накапливавшийся перед нартой и тормозящий ее движение. Нарту за нартой мы вытаскивали на заснеженную косу и снова, хлюпая полными ледяной водой сапогами, лезли в наледь спасать свои грузы. Наконец весь транспорт был на косе. Пока каюры распрягали и обтирали мешками

дрожащих оленей, геологи подтащили из леса сухие лесины, и на косе запылал большой костер.

Двигаться дальше нечего было и думать: и людям и оленям нужно было обсушиться. Геологи быстро натянули палатку, поставили походную железную печку.

На другой день после переправы через наледь добрались наконец до озера Сергелях — места нашей весновки. Случилось это 1 Мая. В честь приезда на место работ и в честь праздника достали «горючее». По неосторожности накануне вечером, после купания в наледи, плохо закупоренную банку поставили в чемодан боком, и через сутки от драгоценной влаги осталось не больше одного литра, проспоренного нами Каузову. Данила Аркадьевич великодушно решил распить его вместе со всеми.

На следующее утро Каузов собрал свои пожитки и, как всегда, положил их на нарты.

За чаем хитрый Багылай, изобразив удивление, спросил, что делать с его двумя сумами, ведь колхоз обязался доставить геологов только до озера Сергелях. Сейчас они поедут к своим семьям, а как Данила Аркадьевич доберется до лагеря своей партии — это их не касается.

Светоч испуганно заморгал глазами и заерзал на своем сиденье, не ожидая такого подвоха от эвенов, которых уже считал своими друзьями. Напрасно он напоминал Багылаю обещание доставить его хотя бы в поселок Кыгыл-Балыктах, где Верхне-Рассошинская партия должна получить из колхоза лошадей на время летних работ. Багылай делал вид, что в первый раз слышит об этом.

Данила Аркадьевич потерпел серьезное дипломатическое поражение.

Пришлось выручать его — подарить каюрам два килограмма кирпичного чаю за доставку нашего товарища в Кыгыл-Балыктах. Светоч снова повеселел, и после чаепития мы втроем отправились вперед на перевал с Зырянкой, где нас нагнал транспорт. Прыгнув на ходу на свободную нарту, Каузов долго еще махал нам шапкой, куда олени не скрылись за поворотом долины Зырянки.

Мы остались одни. Всего-навсего вдвоем среди лесной пустыни. Вдвоем на сотни километров вокруг. Казалось, будь с нами третий человек — и это был бы уж коллектив, и нам стало бы несравненно легче. Спускаясь с перевала к своему лагерю, мы приглядывались друг к другу, словно угадывая новые, до сих пор неизвестные черты и особенности. По меньшей мере полтора месяца будем слышать и видеть только друг друга. Эти полтора месяца должны стать месяцами дружбы и взаимопонимания. В нашем положении любая ссора совершенно отравила бы жизнь.

— Организуем сейчас же баню, — вдруг заговорил до сих пор молча шагавший Облянцев. — Все-таки две недели были в пути. Начнем новую жизнь чистенькими.

— Давай, Вася, сначала перенесем палатку на более высокое место и оборудуем ее, а уж потом устроим баню.

Палатку мы поставили у подножия сопки. Брошенные каюрами две нарты поставили вместо кроватей. Пол застелили плитами известняка, лежавшими на склоне сопки. Стол соорудили из вычюных ящиков. Вечером нас можно было поздравить с новосельем.

Баню организовали все в той же палатке. Нарубили лед в замерзшем русле ручья и растопили его на костре. Мылись по очереди: пока один моется, другой обслуживает его — подогревает воду и подает ее в палатку. Тазом служил лоток для промывки золота.

После двухдневного отдыха взялись за первоочередную работу — постройку лабаза. В долине ручья Озерного, на котором мы остановились, оказалось много высоких толстых лиственниц. На высоте трех метров спилили четыре дерева, образующих примерно квадратный прямоугольник, и скрепили их между собой толстыми перекладинами, концы которых на метр высывались за стволы спиленных деревьев. На перекладины наложили накатник — деревья толщиной в руку. Они образовали пол лабаза. На лабазе поставили нашу вторую, маленькую палатку, и склад был готов. Поднимались туда с помощью таежной лестни-

цы — стесанной с одной стороны лиственницы с зарубками через каждые полметра. Деревья, на которых стоял наш лабаз, ошкурили: по гладкому стволу медведю труднее подниматься. А если и поднимется, упрется головой в концы перекладин. У него не хватит сообразительности схватиться за концы и подтянуться вверх, чтобы забраться на лабаз.

Постройка лабаза заняла несколько дней, а потом мы целыми днями читали взятую с собой книгу. Лыж у нас не было, а без них мы не могли пойти в маршрут, так как кругом еще лежал глубокий снег.

Сейчас в тайге уже проснулся медведь. Опасаясь неожиданного ночного визита хозяина тайги, Вася на ночь заряжал ружье жаканом и ставил его у столика, между кроватями, чтобы, проснувшись, не слезая с постели, схватить его и стрелять. Пожалуй, это была излишняя предосторожность. Я что-то не слышал, чтобы медведь полез в палатку, где спят люди. В пустую палатку он, конечно, взлезет, а с людьми никогда не решится.

В середине мая наступила пора таяния снегов. Возле нашей палатки зажурчал ручеек, крайне взволнованный четырехмесячного щенка, привезенного Облянцевым. Очевидно, щенок принял ручей за живое существо: он лаял на него, затем, осторожно приблизившись, начал бить его передними лапами. К его удивлению, ручей продолжал мирно журчать и никак не реагировал на нападение.

Как только стаял снег на южных склонах сопки, мы пошли в маршрут неподалеку от лагеря. Пришлось, конечно, переходить через ручей. Щенок бежал по другому берегу, никак не решаясь броситься на такое чудовище, как ручей. Тогда Вася возвратился, взяв его на руки и в середине ручья опустил в воду. Течение быстро понесло щенка. Пытаясь бежать, он усиленно заработал лапами и сразу же научился плавать. Сделав в принудительном порядке еще два-три перехода через разлившиеся весенние ключи, он вполне освоился с водной стихией.

Уходя на день и на два в маршруты, мы развешивали возле палатки разноцветные мешочки для образцов, надеясь, что медведь, как и всякий зверь, не подойдет

к колышущимся на ветру неизвестным ему предметам и не разорит нашей палатки. Не знаю, подействовали или нет принятые нами меры на медведя, но палатка оставалась нетронутой.

До прихода лошадей из Кыгыл-Балыктаха я считал необходимым повторить ряд прошлогодних маршрутов, чтобы собрать дополнительный материал и проверить свои прошлогодние наблюдения. Мой новый коллектор хотя и не протестовал против повторных маршрутов, но презирал геологические исследования, не связанные прямо с открытием месторождений полезных ископаемых.

— Ну для чего тут мучаемся, собираем ненужные коллекции? Правильно делают Галченко и Ратюшков, что занимаются только поисками золота. По крайней мере пользу приносят. Ну разве не глупо, что дипломированные геологи, самые квалифицированные кадры экспедиции занимаются какой-то отвлеченной ерундой, а практики, не имеющие геологического образования, занимаются тем самым наиболее важным делом, ради которого организована экспедиция.

Нельзя сказать, что Облянцев совсем был не прав. Действительно, геологическая съемка часто настолько отвлекала начальников партий, что поиски золота отодвигались на второй план. Такое положение создавалось благодаря бесперспективности на золото большей части изучаемого края. Совершенно безнадежен был на золото и бассейн реки Зырянки. Ну как заинтересуешься отсутствующими в твоём районе полезными ископаемыми? Поэтому из геологов по-настоящему занимался золотом только Юрий Николаевич Трушков, решивший составить сводку о минералах, встречающихся в шлиховых пробах на всей территории экспедиции.

Более детальное изучение палеозойских толщ во втором сезоне убедило меня в чрезвычайной сложности геологического строения района, и я не умел и боялся показать эту сложность на своей полевой карте. С вершины Озерной сопки я увидел зажатые среди светло-серых силурийских известняков линзы темно-зеленых пород верхнеюрского возраста. Размер линзы не превышал двухсот метров в длину и двадцати — три-

дцати метров в ширину. Мне тогда казалось сомнительным, чтобы два больших сброса так близко проходили друг от друга. На полевой карте я все же окружил линзы красными линиями разрывных нарушений, но потом решил, что при защите окончательного варианта карты мне не удастся убедить своих слушателей в правдоподобности такой сложной структуры и что гораздо проще будет объяснить линзовидные пятнышки несогласным залеганием верхнеюрских отложений на размытой поверхности более древних известняков. Словом, проявил малодушие.

...Наше полуторамесячное одиночество лишь однажды было нарушено приездом эвена, искавшего двух сбежавших из стада оленей. Мы обрадовались новому человеку, напоили его чаем и сообщили, что никаких оленей не видели.

Поблагодарив за чай, эвен, опираясь одной рукой на длинную палку, вскочил на оленя и поехал дальше. За полтора месяца мы хорошо разглядели недостатки друг друга, но старались не подчеркивать их.

Иногда Вася расспрашивал меня о вещах, не относящихся к геологии, например, об истории России. Сраженный его невежеством, я выражал удивление. Вася молниеносно отражал мои нападки вопросами по электротехнике, в свою очередь возмущаясь моим невежеством. Он мысленно все еще возвращался к старой своей профессии электромонтера, делился воспоминаниями о работах по монтажу районной электростанции в Москве. Любил вносить в работу ясность и определенность, и поэтому ему не нравилась геология, где очень многие выводы построены на косвенных доказательствах, на рабочих гипотезах.

Возвращаясь в середине июня из двухдневного маршрута, мы решили пройти напрямик по водоразделу мелких притоков Ламутки и ключа Находки, сложенных известняками, и встретили там еще не виданные в нашем районе формы рельефа. Высокий водораздел представлял собой острый зубчатый гребень из крошащегося пласта известняка шириной до двух метров, потом постепенно сужающийся до двадцати сантиметров. Если на него сесть верхом, то одна нога окажется в бассейне Находки, другая — в бассейне

Ламутки. С большим трудом нам удалось сползти по крутой осыпи в узенькую шелевидную долину, по которой выбрались в долину Находки, а затем Бочеры.

На лугу около озера Сергелях увидели лошадей. Значит, прибыл наш транспорт. Действительно, у нашей палатки горел костер и варился чай. На шум наших шагов из палатки высунулось молодое якутское лицо.

— Капсе, догор! (говори, товарищ!) — приветствовали мы его.

— Эн капсе (ты говори), — традиционно отвечал он и тут же переходил на ломаный русский язык.

Это был Семен Свинобоев, колхозник из Кыгыл-Балыктаха, откомандированный на все лето в нашу партию. От него мы узнали о партиях Галченко и Каузова, тоже только что получивших лошадей. Он рассказал несколько забавных историй о Каузове, без которых Светоч нигде и никогда не мог обойтись.

С приездом Семена мы ожили — три человека уже коллектив. На другой день партия в полном составе двинулась на реку Далекую.

Взаимоотношения зеленоцветной свиты с вышележащими свитами и ее возраст все еще оставались не совсем ясными. На юге изучаемого района, в бассейне Агиджи, контакт свит не удалось наблюдать. Я решил попытаться найти его в прошлогоднем районе работ Галченко, в бассейне реки Далекой, на ее правом притоке — ключе Тальчан, протекающем, судя по карте, вкрест простираения пород, то есть в наиболее удобном для наблюдений пересечении. И вот снова мы идем вниз по Зырянке до конгломератовой сопки, ночуем там, утром показываем Семену нашу схематическую карту, где обозначено и устье Тальчана. Предлагаем сделать для него выкопировку небольшого участка, чтобы легче было ориентироваться. Семен пренебрежительно машет рукой — ему и так ясно, хотя он никогда не бывал на Далекой. Он торопит нас уходить: маршрут длинный, а свернуть лагерь и навьючить лошадей он сумеет и без нас.

В этот день мы пошли сначала вниз по Зырянке, надеясь встретить обнажения в обрывах восьмиметровой террасы. Дойдя до устья Далекой, стали подни-

маться по ней, пересекая ее маленькие притоки, и только через пятнадцать километров, на Тальчане, набрали на нашу палатку. Она была поставлена в наиболее удобном месте: трава, дрова, вода под рукой. Маршрут по Тальчану принес мне разочарование. Обнаженность пород в узкой долине ключа была хорошей, но нормального залегания сланцевой свиты на зеленоцветной я не нашел. Свиты граничили по сбросу, контакт был тектонический, о характере нормального соотношения свит можно было судить только по единственному разрезу в бочерском ущелье. Больше на Тальчане делать было нечего, надо возвращаться на Зырянку, к устью ключа Горного. Чтобы сократить путь, решили идти напрямик. Ориентиром нам служила отовсюду видимая высокая Озерная сопка, ниже которой ключ Горный впадал в Зырянку.

— Вот смотри, Семен, где тебе надо разбить следующий лагерь. Не заблудишься?

— Я видел этот ключ, когда ехал по Зырянке. Найдите куда вам нужно и не беспокойтесь.

Мы все еще недоверчиво относились к заверениям Семена, но вечером нашли свою палатку точно в указанном месте. Оказывается, он выбрал путь более прямой и удобный, нежели мы, путешествующие со своей схематической картой, и поэтому быстрее добрался до назначенного пункта. В незнакомой местности Семен ориентировался удивительно быстро и точно. И лошади у него никогда не пропадали, что часто случается в полевых партиях.

Наш конюх относился к идеальным рабочим полевым геологическим партиям. Такие чаще всего встречаются среди представителей местного населения. С якутами и эвенками работать очень легко. Вряд ли можно отыскать более деликатных и заботливых людей. Конечно, если они чувствуют такое же отношение к себе. К чести всех наших геологов, отношения с местным населением у нас были очень хорошими.

Теперь я решил проводить работы только по левобережью Зырянки, надеясь найти по ее левым притокам хорошие разрезы палеозойской толщи. Но только мы успели поработать один день на ключе Горном, как ночью пошел снег, продолжавшийся затем целый день.

Даже для тех северных широт, где мы работали, снег в конце июня, да еще в таком количестве, явление редкое.

Из предосторожности, в ожидании разлива речки, мы перенесли палатку с пойменной террасы на более высокую. На другую ночь пурга прекратилась, и нам открылись ослепительно белые, сияющие на солнце горы, сплошь покрытые снегом. Началось интенсивное таяние, к полудню южные склоны гор уже потемнели. Речка набухла, вышла из берегов и еще два дня держала нас в осаде.

Летнее ненастье — время невольного отдыха геологов. В это время приводится в порядок документация, просматриваются еще раз образцы и собранная фауна, наносятся маршруты на карту, рисуются сводные, обобщающие разрезы и стратиграфические колонки, делаются выводы в геологическом дневнике. Или чинят обувь, стирают белье и верхнюю одежду. Причем при стирке стараются максимально использовать автоматическое действие воды, для чего одежду или закрепляют на мелком месте у пологого берега камнями, или привязывают на веревочке к кустам и ветвям растущих у берега деревьев, свисающих к воде. Белье целыми днями полощется в речке, прежде чем попасть на доводку в лоток для промывания, наполненный горячей водой.

Конюх в это время чинит седла и разорванные сучьями выючные сумы, подтягивает подковы у коней. Впрочем, на этот раз нам не понадобилось подтягивать подковы, — якуты своих коней не подковывают. Но в таком случае конюху особенно тщательно приходится искать мягкую, без камней дорогу, чтобы копыта у лошадей не стирались. Без соблюдения предосторожностей неподкованная лошадь может быстро выйти из строя, и тогда ее хоть бросай в тайге или жди, пока у нее вновь отрастут копыта. Поэтому Семен избегал, там, где это возможно, езды по каменистым косам, стараясь проехать по моховому покрову в лесу или по лугу пойменной террасы.

В эти же дни вынужденного отдыха ведутся бесконечные разговоры, в которых ближе знакомятся друг с другом, делятся планами на будущее.

— Ты что, Семен, так всю жизнь и собираешься крутить хвосты кобылам? — насмешливо спрашивал Вася. — Ты же парень грамотный, тебе председателем наследного Совета надо быть или по крайней мере заведующим факторией.

— Не хочу, считать плохо умею. У нас уже сняли двух заведующих факторией.

— Проворовались, что ли?

— У нас не воруют. Просчитались. У второго заведующего девятьсот рублей не хватило. Все правильно делал, никого не обижал, и сам ничего лишнего не брал, а все-таки получилась растрата. Комиссия пришла, посмотрела, как он считает, и сразу стало ясно: неправильно считает. Стало ясно: не умеет умножать и делить большие цифры.

В колхозах Северо-Восточной Якутии в начале тридцатых годов все еще мало было хорошо грамотных людей. Ликвидация неграмотности в этом крае, плотность населения которого равнялась одному человеку на сто квадратных километров, началась только после организации колхозов. До революции количество грамотных в этом крае не превышало четырех процентов.

— А это правда, что в Ленинграде и Москве живут только одни начальники? — в свою очередь спрашивал Семен. И нельзя было разобрать по выражению его лица, всерьез или в шутку спрашивал он.

— Кто ни придет оттуда — все начальник, то большой, то маленький.

...Передвигаясь вверх по Зырянке, мы заглядывали во все ее левые притоки. Они оказались короткими и все заканчивались в толще среднепалеозойских известняков, слагающих осевую часть хребта Илингас.

Несколько дней занял у нас ключ Сарынь, который так и не удалось вывершить, то есть проследить до самой вершины. Он оказался гораздо длиннее, чем показал на своей карте опробовавший его в прошлом году прораб Галченко Ермолаев. Мы с Облянцевым были, по-видимому, уже недалеко от вершины, когда пошел сильный дождь. Пришлось возвращаться в лагерь. Идти было удобнее по правому берегу, и мы почему-то не обращали внимания на прибывавшую в

речке воду. А когда обратили, было поздно. Вода начала выходить из берегов, и нам грозила перспектива ночевать под дождем напротив палатки, в каких-нибудь ста метрах от нее. Семен не рискнет переехать ключ на лошади, да и к чему этот риск. Надо как-то выпутываться из неприятного положения самим. Выбрали широкое место в русле, вооружились шестами для определения глубины, взялись за руки и, держась друг за друга и упираясь шестами в дно реки, не давали сбить себя с ног. Мне вспомнился проводник из Зубрового заповедника на Северном Кавказе, дядя Телеус. Он утверждал, что горную речку глубиной до груди сильному человеку с помощью шеста можно перейти. Вода нам еще не доходила до груди, но если бы не тяжелые рюкзаки с камнями за спиной, увеличивавшие нашу устойчивость, нам бы пришлось спасаться вплавь. Временами на какую-то секунду теряли точку опоры, но снова находили ее. Через час, мокрые до последней нитки, добрались до палатки, ругая себя за допущенную неосмотрительность. Утром перед палаткой протекал широкий бурный поток, через который Семену бы не переехать. Нам пришлось бы поголодать в ста метрах от своих продуктов.

Сарынь был последним относительно большим левым притоком Зырянки в зоне лесов. Поднимаясь выше, мы оставили возле Озерного перевала мешок с образцами, чтобы захватить его на обратном пути. У верхней границы леса остановились запастись дров для лагеря в вершине Зырянки. Заготовили несколько выюков сушняка, за которым завтра приедет Семен. А сейчас мы захватили всего полвыюка дров и девять шестов для палатки.

Мне хотелось проследить, далеко ли продолжается узкая полоска зеленоцветных пород Зыряно-Момского водораздела, и я решил проехать несколько километров по старому Среднеколымско-Якутскому тракту и перевалить в индигирские покати, за пределы своего района. Зеленоцветной свиты там не нашел, зато обнаружил свиту известняков с отпечатками очень мелких раковин. Впоследствии (в Ленинграде) выяснилось, что это свита каменноугольного периода.

Но прошли уже две первые декады июля, нам пора возвращаться на базу, надо торопиться на последний пароход, отходящий вверх по Колыме. Двадцать первого июля мы снялись с последнего лагеря и двинулись в обратный путь. Перевалив из долины Калгара в долину Зырянки, мы, держа в поводу лошадей, шли рядышком по узкой, но ровной безлесной долине. До верхнезырянской наледи оставалось еще около двух километров, когда Семен, остановив лошадь, начал внимательно всматриваться в черную точку на блестящей вдали белой наледи.

— Медведь или олень, — объяснил нам Семен. — Пойдите здесь, поддержите лошадей, а я пойду с берданкой вперед, попробую добыть зверя.

Согнувшись, прижимаясь к берегу, он быстро шагнул к наледи. Нам было видно, как, подходя к наледи, он останавливался, ложился на землю, потом снова крался к зверю. Наконец раздался выстрел, и мы, не таясь, всем караваном двинулись к наледи. Еще двумя выстрелами Семен прикончил оленя, почему-то не желавшего уходить с наледи и бежать вниз по долине Зырянки. Остановились освежевать оленя. Мясо было очень кстати, так как все лето мы питались консервами.

Возня с оленем задержала нас надолго. Нужно было снять шкуру и отделить лучшие части туши — всего оленя не в состоянии были увезти. Лошадей мы с Васей Облянцевым развьючили, но седла не сняли. Спутали им передние ноги и пустили пастись по лугу. К нашему удивлению, лошади и не подумали разбредаться по долине, а сбились возле выюков, отмахиваясь хвостами от комаров. Семен был занят оленем, а мы хотя и заметили странное поведение коней, но не захотели доискиваться причины.

Когда разрубленные куски оленьей туши были увязаны в шкуру и погружены на одну из лошадей, уже наступила белесая сумеречная ночь. Семен перевел караван на правый берег реки и повел его по травянистой пойменной террасе. Я и Облянец решили набрать луку к мясу и пошли по восьмиметровой террасе левого берега, взяв с собой только пустые рюкзаки. Даже геологические молотки показались нам лиш-

ними, и мы их приторочили к седлам ушедших лошадей. Нас сопровождал подросший щенок Облянцева. Безмятежно собирали лук, пока щенок, вглядываясь в сторону крутого склона долины, не привлёк нашего внимания своим лаем.

Внимательно присмотревшись, Вася увидел темное пятно в метрах двухстах от нас. Через пять минут он обнаружил, что пятно движется параллельно нашему ходу. Это уж становилось подозрительным. Постепенно расстояние между нами и пятном сокращалось. Щенок лаял и порывался бежать к пятну, но Вася немедленно возвращал его обратно. Наконец метрах в восьмидесяти Вася разглядел, что представляет собой медленно движущееся к нам темное пятно, и с криком: медведь! — бросился в Зырянку. Река была форсирована моментально, благо она в вершине неглубокая. Вылезши на другой берег, мы увидели Семена с лошадьми. К нашим крикам он остался совершенно равнодушным, приняв их за шутку. Но когда мы нагнали его и рассказали, в чем дело, он посерьезнел. Теперь ему стало ясно странное поведение оленя, не желавшего спастись бегством вниз по Зырянке, — там его ждал медведь, гнавший оленя вверх по долине реки. Понятным стало и поведение лошадей, почуявших медведя, который наблюдал откуда-то со стороны, как люди расправляются с оленем, которого он считал своей добычей.

...Подъезжая ранним утром к Озерному перевалу, увидели сброшенный с дерева и разорванный медведем куль с нашими образцами. Мы подобрали образцы и двинулись к нашему лабазу, опасаясь, и за его целостность, но палатка с продуктами, установленная на лабазе, стояла нетронутой.

Быстро разбив лагерь, мы поужинали свежей оленьей. Потом на большом дымном костре стали коптить разрезанное на тонкие ломти мясо. Под утро мы с Васей легли спать, но Семен отказался от отдыха: можно было ждать визита в лагерь разозленного медведя. Но то ли медведя отпугнул густой дым нашего костра, то ли он отправился за брошенными нами около наледи остатками оленьего мяса, но больше мы его не видели.

Отобрав двухнедельный запас провизии на дорогу, мы решили все оставшиеся продукты отдать Семену. Ему же оставили двустовку, а также маленькую палатку, в которой хранились наши продукты, и полевою железную печку. Особенно обрадовали его двумя последними подарками: палаткой и печкой, которые он мечтал приобрести для поездок на зимнюю охоту за белками.

Без каких-либо приключений через десять дней доехали до Верхнеколымска, куда за сутки до нас приехала партия Каузова. От местных жителей мы узнали, что на базе ждут подхода буксиров, тянущих баржи с продовольствием для золотых приисков. Переночевав в Верхнеколымске, мы отправились по болотистой, трудно проходимой тайге к устью Зырянки. Там, прямо у берега, за сутки мы связали два больших плота и поплыли на базу. Через два-три километра встретили идущий нам навстречу буксир. Все-таки опоздали.

...На базе оставалось всего человек двадцать во главе с Новиком. Он успокоил нас, заверяя, что вот-вот подойдет еще один буксир. Я пошел взглянуть в последний раз на свою избушку. В ней сейчас поселились метеорологи. Каузов, рискуя опоздать на паром, побегал в колхоз за двенадцать километров от базы. Его очень интересовало, на кого похож родившийся у знакомой ему вдовы-колхозницы мальчик.

Кроме двух геологических партий, буксир ждали три геодезиста, сопровождающие груз с точными инструментами. Капитан буксира предоставил нам кают-компанию.

Через каждые три дня все пассажиры помогали команде грузить дрова, чаще всего, когда буксир причаливал к берегу на ночевку. От нечего делать просмотрели с Каузовым всю его коллекцию камней и составили предварительную геологическую карту для наших смежных районов.

Путешествие по Колыме оказалось очень длительным даже для того времени. От Зырянки до Утинки мы ползли тридцать пять дней, проплыв за все это время примерно около семисот километров. Много раз на этом пути садились на мель. Особенно трудно да-

вались буксиру перекаты. Замковый перекал, например, преодолевали трое суток. Сначала буксир пытался пройти перекал с тремя баржами. Убедившись, что для этого у него не хватает сил, капитан приказал отойти вниз, расчалить баржи и перетаскивать их поодиночке.

Очень опасное положение создалось у камней, торчащих на середине реки выше поселка Сеймчан. (Сейчас эти камни взорваны). Но все окончилось благополучно, караван прибыл в Средникан, баржи поставили под разгрузку, и буксир налегке пошел в Утинку.

К Утинке мы подошли вечером. Гостиницы тогда там не было, и капитан любезно разрешил нам ночевать на судне.

Рано утром подошли автомашины, и через два часа мы уже поднимались на Утинский перевал. Ни возле дороги, ни на окружающих сопках леса не было — он весь был вырублен на топливо. Кругом торчали только почерневшие пеньки. Эта унылая картина напомнила нам, что на местном дровяном топливе горная промышленность не сможет развиваться дальше: лесные массивы скоро будут уничтожены. Первоочередной задачей геологов становились поиски месторождений угля или нефти.

Полотно дороги еще не было утрамбовано, машины шли медленно, и мы приехали только через два дня в Магадан, где встретили своих товарищей, возвратившихся с полевых работ. Не хватало лишь Галченко и Трушкова. Ни одной партии не удалось зацепиться за полезные ископаемые. Лишь самому Цареградскому, проводившему маршрут по реке Поповке и ее притокам, удалось установить в бассейне ключа Белая Ночь медное оруденение. Он привез большие шtuфы прекрасной руды, из которой ему выплавили порядочный кубик меди, красовавшийся на столе начальника Дальстроя. Образцы меди были очень эффектны, но не могли заменить золото. Встречали нас поэтому в Магадане хмуро: не оправдали, дескать, надежд, не выполнили обещаний. Но вот приехал, наконец, Галченко, оказавшийся козырным тузом экспедиции, и привез такие поисковые пробы, что отношение к нам

вмиг изменилось. И хотя индигирское золото оставалось пока недоступным из-за отсутствия дороги и дальности расстояния, открытие Галченко позволило руководству Дальстроя наметить широчайшую перспективу разведочных и эксплуатационных работ.

А пока что Главное управление Дальстроя решило продолжить изучение золотоносного района на правом берегу Колымы, в районе работ Ратюшкова. Экспедицию возглавил Сергей Дмитриевич Раковский. С ним ушли многие сотрудники Верхнеколымской экспедиции, участие которых в камеральной обработке материалов считалось необязательным.

Так как большинство геологов Верхнеколымской экспедиции оказались ленинградцами, камеральную обработку материалов решили проводить в Ленинграде, во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте.

В начале октября на пароходе добрались до Владивостока, а оттуда на поезде уехали в Ленинград. Путешествие на Колыму закончилось.

Верхнеколымская экспедиция явилась первой крупной экспедицией Дальстроя, работавшей далеко за пределами приискового района. Наш опыт был учтен при организации последующих многолетних экспедиций на «белые пятна».

Результаты нашей экспедиции, на первый взгляд не очень удачные, были оценены не сразу. Только после двух лет камеральных работ выяснилось их значение для создания общей картины геологического строения Северо-Востока.

Материалы из не исследованного ранее края вызвали большой интерес со стороны геологов Академии наук, Центрального научно-исследовательского геологического института и Арктического института. Собранные экспедицией данные позволили более или менее определенно разрешить большой и принципиальный вопрос: какую структуру представляет собой территория, сложенная палеозойским известковым комплексом пород — платформу или срединный массив. Платформа в понятии геологов — большая область

земной коры с весьма незначительными проявлениями складчатости и магматизма. Срединный горный массив — жесткий участок древних пород, зажатый в молодой складчатой области и подвергшийся воздействию молодой складчатости. Вопрос этот имел не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от его разрешения зависело изменение направления поисков полезных ископаемых. Не удивительно поэтому, что первым вопросом Ю. А. Билибина и Д. В. Вознесенского, когда мы появились в дальстроевском кабинете, был вопрос об интенсивности складчатости мезозойских отложений в области развития палеозойской толщи. Собранный нами материал не подтверждал высказанного ранее предположения С. В. Обручева о наличии Колымской платформы, что с одобрением, как подтверждение их точки зрения, было встречено всей билибинской группой дальстроевских геологов, заканчивавших камеральную обработку и вновь возвращающихся на Колыму.

Экспедиция установила развитие в пределах Колымского срединного массива отложений почти всех эр периодов, на которые делится история земли. Породы протерозойской эры и кембрийского периода палеозойской эры были установлены лишь предположительно. Отложения остальных пяти периодов палеозойской эры, всех трех периодов мезозойской эры, а также палеогенового и неогенового периодов самой молодой, кайнозойской эры доказывались собранными в них отпечатками раковин и растений. Была изучена толща осадочных пород около тридцати километров мощностью. Намечено несколько фаз складчатости в палеозойской и мезозойской эрах. Некоторые из них были подтверждены последующими исследованиями, но большинство фаз не нашло подтверждения. В этом отношении мы явно перестарались, сказалось влияние господствовавшей тогда гипотезы о многократных проявлениях фаз складчатости в Средней Сибири.

Экспедиция, правда, не поймала жар-птицы, за которой была послана, но по одному перышку из ее хвоста Галченко и Ратюшкову удалось вытащить. Причем Галченко досталось большое и очень красивое перо — нерское золото. Открытие золота в бассейне

Неры, явившееся основанием для организации в 1937 году Индигирской экспедиции, открыло широчайшие перспективы для дальнейшего развития геологопоисковых и разведочных работ в вершине Колымы. Гигантские очертания главной золотоносной зоны Северо-Востока, намеченной Билибиным, проступали все явственнее и явственнее. Теперь уже многие из предположений Билибина были доказаны. Возраст найденного золотого оруденения оказался сравнительно молодым — верхнеюрским и нижнемеловым, то есть в пределах от ста до ста двадцати пяти миллионов лет до нашей эры.

Совсем другого возраста оказалось золото, установленное Ратюшковым на правом берегу Колымы. Оно, очевидно, было связано с древними гранитами, относящимися к концу архейской эры, и возраст золотого оруденения, надо полагать, равняется миллиарду лет, а может быть и более. Установление древнего золотого оруденения явилось принципиальной новостью.

Возраст россыпей золота в обоих случаях относился к современной геологической эпохе и не превышал нескольких десятков, в других случаях сотен тысяч лет.

Новостью явилось и установление медного оруденения в бассейне реки Поповки. К сожалению, оно оказалось непромышленным, что было доказано в 1936 году экспедицией «Опыт».

Наиболее реальными из полезных ископаемых пока являлись угли. Экспедиция привезла новые данные не только о Зырянском месторождении угля, известном со времен Черского, она установила наличие большого угленосного бассейна в пределах Колымского срединного массива. Геолог В. А. Зимин доказал наличие углей того же возраста в бассейне реки Сяляп, к северу от Зырянки, на границе с бассейном Индигирки, куда продолжался угленосный бассейн. Открытый экспедицией угольный бассейн мог, в случае необходимости, стать топливной базой всего Колымо-Индигирского края.

Нет, не зря, не безрезультатно работали молодые геологи в неисследованной стране. Пусть они были недостаточно опытные, во многом не могли разобраться,

наделали немало ошибок, исправленных более детальными последующими исследованиями, но они первыми дали картину сложного геологического строения края. Пусть не нашли богатых месторождений золота, олова, вольфрама, но после проведенных ими исследований стало ясно, в каком направлении следует вести геологопоисковые работы, где могут оказаться перспективные районы.

«Белые пятна» оказались магнитом, вновь и вновь притягивавшим нас к Северо-Востоку. Нам казалось, что нет в Советском Союзе области более интересной для геологического изучения. И мы еще четверть века путешествовали по ней, стремясь достичь границ «белых пятен», ныне уже более не существующих.

СЛОВАРЬ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Базальт — порода, образовавшаяся из застывшей на поверхности земли магмы.

Габбро-диабазы — порода по составу близкая к базальтам, но застывшая на глубине.

Геоморфология — наука о формах земной поверхности.

Дайки — вытянутые тела, образуемые магмой при заполнении трещины в земной коре.

Девонский период — четвертый период палеозойской эры, продолжительностью около 50 миллионов лет.

Делювий — скопление обломков горных пород, сползающих по склонам гор.

Долерит — изверженная порода, близкая по составу к базальту, застывшая на глубине.

Инtruзия — тело, образовавшееся при застывании магмы на глубине в земной коре.

Изверженные или магматические породы образуются из магмы в результате ее охлаждения и застывания.

Кайнозой — последняя (пятая с начала истории Земли) эра, начавшаяся 70 миллионов лет тому назад.

Кембрий — первый период палеозойской эры, продолжительностью около 80 миллионов лет.

Колчедан — общее название сернистых соединений железа и других металлов.

Конгломерат — сцементированный галечник, в геологическом разрезе указывающий на размыв древних толщ, на близость суши.

Магма — расплавленная масса разного химического состава, образующаяся в глубинных зонах земли.

Меловой период — верхняя, третья система мезозойской эры, продолжительностью около 60 миллионов лет.

Мезозойские отложения — осадки, накопившиеся в четвертой (от начала геологической истории Земли) эре, начавшейся 225 миллионов и закончившейся 70 миллионов лет тому назад. Делится на периоды: триасовый, юрский и меловой.

Неогеновый — второй период кайнозойской эры, начавшийся 25 миллионов и кончившийся миллион лет тому назад.

Обнажение — выход на поверхность горных пород в коренном их залегании.

Осадочная толща — толща горных пород, состоящая из известняков, сланцев, песчаников, конгломератов.

Палеогеновый период — первый период кайнозойской эры, продолжительностью около 35 миллионов лет.

Палеозой — третья эра начала геологической истории Земли, продолжительностью около 350 миллионов лет. Делится на периоды: кембрийский ордовикский, силурийский, девонский, каменноугольный, пермский.

Пермский период — последний период палеозойской эры, продолжительностью 25—35 миллионов лет.

Платиноиды — минералы платиновой группы.

Протерозойская эра — вторая эра от начала геологической истории Земли, продолжительностью в 600—800 миллионов лет.

Силурийский период — третий период палеозойской эры, продолжительностью 40—45 миллионов лет.

Скарны — породы, возникшие из известняков при воздействии на них высокотемпературных растворов.

Стратиграфия — раздел геологии, занимающийся изучением последовательности залегания осадочных толщ и установлением их возраста и взаимоотношений.

Сульфиды — сернистые соединения.

Тектоника — раздел геологии, изучающий движения земной коры, формы залегания горных пород.

Террасы — площадки на склонах долин, располагающиеся в виде ступеней одна над другой. Являются остатками прежнего речного дна. Образуются благодаря врезанию реки в дно долины.

Триасовый период — первый период мезозойской эры, продолжительностью около 35—40 миллионов лет.

ТUFFы — горные породы, образовавшиеся из твердых продуктов вулканических извержений: пепла, песка и кусочков лавы.

Ультраосновные породы — тяжелые магматические породы, состоящие из одного или нескольких цветных минералов.

Шпинели — ряд минералов из класса окислов, встречающиеся в кристаллических сланцах и ультраосновных породах.

Эффузивы — породы, образовавшиеся из магмы, застывшей на поверхности в виде покровов и потоков, подобно современным лавам.

Юрский период — второй период мезозойской эры, продолжительностью 30—40 миллионов лет.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Зимкин, ныне уже пенсионер, уроженец Ульяновской области, по национальности мордвин, получил специальное образование в Ленинграде.

Свыше четверти века, с 1933 по 1961 год, он работал в различных районах Северо-Востока, сначала в должности начальника геологической партии, а с 1953 года — в составе авторских коллективов по обобщению геологических материалов и составлению сводных геологических карт по Северо-Востоку.

Автор вел исследования в бассейнах рек Колымы, Алдана и Яны, в хребтах Аргатас, Тас-Хаяхтах. Верхоянском.

Впервые к самостоятельным исследованиям он приступил в 1934 году в Верхнеколымской экспедиции Дальстроя. Первому знакомству с Колымой и первым двум летним сезонам геологической работы и посвящаются эти воспоминания.

СОДЕРЖАНИЕ

От Ленинграда до бухты Нагаева	3
Магадан	7
Первая ночь в тайге	10
Пороги	22
Поездка на Гербу	28
Стан разведрайона	35
Средниканская жила	39
На Зырянку!	49
Верхнеколымская экспедиция	52
У Полярного круга	70
Открытие	73
Зима	76
Старатели	89
Весновка на Сатане	97
Первые маршруты	102
У озера Сергелях	117
Возвращение	141
Вторая зимовка	144
Было и так	153
Снова поиски	162
Словарь геологических терминов	179